

Редакционная коллегия:

Е.В.Антонова, А.Н.Мещеряков, О.И.Павлова,
Д.С.Раевский.

Компьютерный набор и верстка: А.С.Десницкий,
Ю.Р.Жугаева, М.А.Чегодаев.

Художник Т.П.Удыма.

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
согласно проекту № 94-06-19464.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	6
<i>В.И.Абаев</i> ALANO-CELTICA.....	7
<i>В.П.Андросов</i> "СОБРАНИЕ ОСНОВОПОЛОЖЕНИЙ ЗАКОНА" (ДХАРМАСАНГРАХА) И ТЕРМИНОЛОГИЯ НАГАРДЖУНИЗМА.....	8
<i>Е.В.Антонова</i> РОЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ В РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ (НА ПРИМЕРЕ МЕСОПОТАМИИ).....	11
<i>В.И.Балабина</i> "ЯВНАЯ" И "СКРЫТАЯ" ДИХОТОМИЯ ГЛИНЯНЫХ АРТЕФАКТОВ У ДРЕВНИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ ЕВРОПЫ (МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ).....	14
<i>К.Л.Банников</i> ДОНГ-ШОНСКИЕ РИТУАЛЬНЫЕ БАРАБАНЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНОГЕНЕЗУ ЯПОНЦЕВ.....	16
<i>В.А.Башилов</i> ВОЗМОЖНОСТИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ (НА ПРИМЕРЕ ДРЕВНОСТЕЙ ЦЕНТРАЛЬНЫХ АНД).....	17
<i>С.Я.Берзина</i> ЕГИПТЯНЕ И МЕРОИТЫ НА ТРИУМФАЛЬНЫХ АХЕМЕНИДСКИХ ПЕЧАТЯХ.....	21
<i>А.В.Варенов</i> ДРЕВНЕКИТАЙСКАЯ ПИСЬМЕННАЯ ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ В КОНЦЕ ЭПОХИ ШАН-ИНЬ.....	24
<i>А.А.Вигасин</i> "ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО" В "АРТХАШАСТРЕ КАУТИЛЬИ".....	27

<i>А.К.Виноградов</i>	Источниковедение Куша: проблемы и парадоксы.....	29
<i>Н.М.Виноградова</i>	Первое поселение Бишкентско-вахшской культуры на юге Таджикистана.....	32
<i>К.А.Вязовикина</i>	Парадокс гробницы Цинь Ши-Хуана: опыт сопоставления исторических описаний и данных археологии.....	34
<i>К.Н.Гаврилин</i>	Греческие и этрусские мастера в Древнем Риме (вторая половина VI – начало V вв. до н.э.).....	37
<i>М. Грачев</i>	Китайская государственная мысль в Японии в VII – VIII вв.: идеалы и их воплощение.....	40
<i>А.С.Десницкий</i>	Разночтения Библейского текста как источник сведений о его истории.....	43
<i>О.П.Дюжева</i>	Рельеф из гробницы генерала <i>Tm-m-jnt</i> (Страсбург 2439 А): интерпретация ритуала <i>sqq-w;š</i> ("сотрясение/выдергивание папируса").....	45
<i>Т.Я.Елизаренкова</i>	О принципах перевода Ригведы.....	47
<i>Д.И.Жутаев</i>	К некоторым вопросам анализа структуры раннебуддийских доктринальных текстов.....	50
<i>И.В.Зайцев</i>	"Уцелевшие среди растений и камней..." (к интерпретации 4-й строки памятника Тоньюкуку).....	52
<i>С.А.Зинченко</i>	Золотые украшения из Чиликтинского кургана № 5: анализ художественной формы как метод интерпретации.....	54

<i>Вяч. Вс. Иванов</i>	Языковые свидетельства влияния скифского дуализма на славян.....	57
<i>А.И.Иванчик</i>	К вопросу о датировке скифского вторжения в Палестину.....	59
<i>И.А.Калужская</i>	Лексика современных балканских языков как критерий корректности палеобалканских реконструкций.....	62
<i>Э.Н.Кауров</i>	Созвездие Дракона: древнекитайские свидетельства.....	64
<i>И.С.Клочков</i>	Письменная культура Месопотамии и "исторические" надписи ассирийских царей.....	66
<i>В.Б.Ковалевская</i>	Скифы и сармато-аланы в Западной Европе (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.).....	69
<i>П.М.Кожин</i>	Хронология доциньских памятников Китая и центрально-азиатские датировки.....	72
<i>Г.Ю.Колганова</i>	Ассирийский скульптурный рельеф: от ритуала к раннеисторическому описанию.....	74
<i>А.А.Крол</i>	Титулатура чиновников как источник по древнеегипетскому празднику Седа.....	76
<i>Е.Е.Кузьмина</i>	Комплексный анализ исторических источников в целях этногенетических реконструкций (на примере индоиранцев).....	77
<i>С.В.Кулланда</i>	К семантике индоевропейских терминов родства.....	80

<i>Б.А.Литвинский</i>	
СИСТЕМА ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (ДРЕВНОСТЬ)	82
<i>С.П.Маслов</i>	
АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ КАК ИСТОЧНИК: РЕАЛИЗУЕМЫЕ И ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ИНФОРМАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ	85
<i>М.Б.Мейтарчиян</i>	
О НЕКОТОРЫХ СЛОЖНОСТЯХ ИСТОРИЧЕСКОГО ТОЛКОВАНИЯ САКРАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ (НА ПРИМЕРЕ АВЕСТИЙСКИХ ТЕРМИНОВ)	87
<i>А.Н.Мещеряков</i>	
ЯПОНИЯ VIII ВЕКА: ВЗГЛЯД ИЗ IX СТОЛЕТИЯ	88
<i>А.Ю.Милитарев</i>	
К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ОСНОВНЫХ БИБЛЕЙСКИХ ТЕРМИНОВ, ОТНОСЯЩИХСЯ К СФЕРЕ "ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ"	90
<i>Н.М.Никулина</i>	
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕГО МИРА В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА	93
<i>Е.Э.Носенко</i>	
ШАББАТ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРАЗДНИКА В СВЕТЕ РАЗЛИЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ	96
<i>Р.А.Орехов</i>	
К ЗНАЧЕНИЮ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОГО ТЕРМИНА <i>hip</i>	98
<i>О.И.Павлова</i>	
ТЕКСТЫ ПИРАМИД: ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ И ВАРИАНТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ	100
<i>Е.В.Переводчикова</i>	
ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ УЛЬСКИХ КУРГАНОВ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ СКИФИИ	104
<i>И.Р.Пичикян</i>	
МОНЕТЫ КЛАДА ОКСА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	105
<i>М.Н.Погребова</i>	
ПАМЯТНИКИ ЗАКАВКАЗЬЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ КАК	

ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ	108
<i>Д.С.Раевский</i>	
К ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ	110
<i>Е.Б.Сахарова</i>	
К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕЯПОНСКОГО СИНТОИСТСКОГО ПАНТЕОНА (БОЖЕСТВА ОБЛАСТИ ИДЗУМО)	112
<i>К.А. Стародуб</i>	
ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КВАРТАЛА УГАРИТА (НА ОСНОВЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА С ДАННЫМИ АРХИВОВ)	114
<i>О.В.Томашевич</i>	
ЭВОЛЮЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ЦАРИЦ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА (III-II ТЫС. ДО Н. Э.)	117
<i>Л.А.Чвырь</i>	
ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПОЗИЦИЯ АРХЕОЛОГА	119
<i>М.А.Чегодаев</i>	
"ЧТОБЫ НЕ БЫТЬ ПЕРЕВЕРНУТЫМ" (К ТОЛКОВАНИЮ ГЛАВ 51 И 53 ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ КНИГИ МЕРТВЫХ)	122
<i>Н.Л.Членова</i>	
К ВОПРОСУ О ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ ГИПОТЕЗЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СКИФОВ: ДАТА ОЛЕННЫХ КАМНЕЙ МОНГОЛИИ	125
<i>Т.А.Шеркова</i>	
ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИЕ ПОДСТАВЫ КАК ПРЕДМЕТЫ КУЛЬТОВО-РИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ	127
<i>Л.Т.Яблонский</i>	
ЭТНОГЕНЕЗ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИАРАЛЬЯ В СВЕТЕ ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ Э.А.ГРАНТОВСКОГО	130

ПРЕДИСЛОВИЕ

Немногим больше года прошло со дня смерти Эдвина Арвидовича Грантовского. Еще продолжают выходить написанные им труды, активно работают исследователи, которым он помогал советами, с кем щедро делился своими идеями. Но все опубликованное им уже стало "наследием". К этому наследию будут обращаться не только иранисты, но и историки древности самого широкого профиля.

Определяя тему конференции, мы исходили из того, что для тех, кто занимается древностью, труды Э.А. Грантовского представляют огромный интерес прежде всего с точки зрения подходов к изучению источников самого разного рода – нарративных, археологических, фольклорных... Историк по призванию, он умел добывать историческую информацию с учетом специфики и разрешающих возможностей каждого из них.

Мы надеемся, что подобные конференции станут традицией и не сомневаемся, что работы Э.А. Грантовского еще многие годы будут стимулировать исследовательскую мысль. Мы посвящаем эту первую конференцию памяти не только выдающегося ученого, но и нашего друга, чьего живого голоса нам всем так не хватает.

Организаторы конференции выражают благодарность А.В. Седову за содействие в публикации этого сборника тезисов.

Отдел истории и культуры Древнего Востока
Института востоковедения РАН

В.И. Абаев

Alano-Celtica*

Отмечавшееся в литературе разительное сходство некоторых мотивов аланского эпоса и возникших в кельтской среде сказаний о короле Артуре заставляет вновь обратиться к этимологии имени Arthur, остающегося в сущности неразъясненным. Старая традиция, восходящая к глоссе Кембриджской рукописи XIII в. "Истории бриттов" Ненния, утверждающей, что Артур в переводе на латынь означает "ursus horribilis", связывает это имя с кельтскими словами art "медведь" и uthr "ужасный". При этом, однако, трудно объяснить постулируемые фонетические переходы. Принятая в современной литературе этимология имени Arthur из римского фамильного имени Artorius, означавшего принадлежность к gens Artoria, не объясняет появления -h-, зафиксированного уже в древнейших рукописях "Истории" Ненния и "Кембрийских анналов".

Между тем, имя Arthur допускает непротиворечивую этимологизацию на аланской почве. В осетинском *Artxuron* – божество огня, а также особый пирог, приготовляемый в честь этого божества и солнца. Сложное слово *Artxuron* означает буквально "огонь солнечный" или "огонь – дитя солнца": из art "огонь" (с ослаблением гласного) и xur "солнце". Суффикс -on употреблен здесь как суффикс отчества – "Огонь Солнцевич", подобно тому как в Авесте огонь зовется сыном Ахуры Мазды (*atarš puθrō Ahurahe Mazdā* – Y XXXVI, 3, etc.). Отбросив это суффиксальное -on, мы получаем *Artxur*, буквально "Огонь-Солнце".

Каким же образом легендарный кельтский "король" Артур мог носить аланское имя? Присутствие алан на территории Британии в составе римской кавалерии зафиксировано документально. Артур же, согласно Неннию (*Hist. Brit.*, 56), хотя и сражался вместе с королями бриттов, сам был не королем, а военным вождем (... Arthur pugnabat cum regibus Brittonum, sed ipse erat dux bellorum).

* Работа выполнена при финансовой поддержке
Международного научного фонда.

Следовательно, исторический Артур мог быть аланом по происхождению, участвовавшим в борьбе бриттов против саксов в качестве предводителя самостоятельного отряда вольных стрелков.

Итак, есть основания полагать, что: 1) цикл сказаний о короле Артуре сформировался под аланским влиянием; 2) Аланы обогатили западноевропейскую ономастику двумя мужскими именами: Алан (франц. Alain, англ. Alan) и Артур.

В.П.Андросов

(Институт востоковедения РАН)

"Собрание основоположений закона" (Дхармасанграха) и терминология нагарджунизма

"Дхармасанграха" – лексикон махаянского буддизма, в котором имена, доктринальные понятия, философские термины, названия религиозных практик, элементов различных учений и прочее расписаны по 140 группам основоположений Законоучения. Над сохранившимися четырьмя санскритскими рукописями в английских библиотеках работал японский аспирант Макса Мюллера – Кензио Касавара. В 1884 г. М. Мюллер издал подготовленный им критический текст. Второе издание предпринял известный индийский ученый П.Л.Вайдья в 1961 г., использовав еще один найденный манускрипт. Третье издание с переводом на тибетский язык и восстановлением правильных санскритских чтений сложного 104-го списка "Собрания" осуществил в 1988 г., Гьялцел Намдол, а его ученицы Таши Зангмо и Дечен Чиме переиздали этот санскритско-тибетский текст и привели однозначный английский перевод в 1993 г.

В 980-1000 гг. краткий вариант "Дхармасанграхи", состоящий из 54 групп (46 из них согласуются с санскритским текстом, но в иной последовательности), был переведен на китайский язык без указания автора, тогда как в колофонах санскритских рукописей авторство приписывается Нагарджуне.

Для индийской текстовой культуры составление терминологических лексиконов – дело обычное и

необходимое, служащее упорядочиванию огромного наследия в самых разнообразных областях знания, религиозных и философских системах. В буддизме еще в ранний период выработалась традиция "матричной" передачи содержания отдельных учений. Одни и те же числовые матрицы – списки терминов-понятий – передавались (иногда с небольшими разночтениями) изустно столетиями в относительно самостоятельных линиях учительской преемственности. Каждая из них специализировалась в собственных способах истолкования, приемах раскрытия матриц и методах их реализации в духовных практиках, что приводило к формированию школ и подшкол буддизма. Особенно богата списками терминов самая поздняя, третья корзина канона хинаяны – "Абхидхарма-питака".

Махаянские тексты различных жанров изначально использовали эти списки основоположений как способ сокращения знаковой передачи содержания и как символический язык буддизма. И в этом можно убедиться по праджняпарамитским сутрам, а также по текстам их первого истолкователя, редактора и провозвестника Нагарджуны (II в). Плоды его творчества, значение были столь велики, что еще долго нагарджуновы последователи приписывали основоположнику махаяны многочисленные, в том числе философско-религиозные, произведения, положившие начало школе мадхьямиков ("срединников") – первой в Великой колеснице. На этом основании период ранней мадхьямики (II-IV вв.) можно назвать нагарджунизмом.

Сравнение терминологии безусловно нагарджунистских текстов (в первую очередь "Коренных строф о Срединности", или "Муламадхьямака-карика", "Драгоценных строф", или "Ратна-авали", "Послания другу", или "Сухрил-лекха", "Четырех гимнов", или "Чатухстава", "70 строф о Пустотности", или "Шуньята-саптати" и др.) показывает, что практически все их числовые матрицы включены в рассматриваемую "Дхармасанграху" и раскрыты. Важно отметить, что списки китайской версии "Собрания", в которую не вошли ни тантрические, ни позднемахаянские матрицы, почти совпадают с матричной символикой нагарджуновых трудов. Более того, в китайской версии недостает нескольких списков терминов,

встречающихся в текстах ранней махьямики, например, "32 признаков великого человека", "80 малых признаков Будды" и других.

Санскритская же версия, наоборот, содержит и раскрывает все числовые матрицы нагарджунизма и в дополнение к ним приводит ряд списков, кодирующих учения поздней махаяны и ранней ваджраяны V-VII вв., к примеру "Пять Просветленных", "Четыре богини", "Пять богинь-охранительниц", "Десять гневных защитников Закона", "Шесть йогинь" и т. д.

Сопоставление нагарджунистского наследия с версиями "Дхармасанграхи" позволяет наметить линии эволюции учений махаяны и попытаться установить относительную хронологию ее доктрин. Кроме того, возвращаясь к проблеме авторства, можно предположить, что идея и первый вариант "Собрания" были осуществлены в пору нагарджунизма и потому текст приписывался Нагарджуне. Позднее же, как то постоянно происходило с махаянским наследием, ранняя "Дхармасанграха" дополнялась новыми списками, менялся порядок перечисления матриц и т. д.

Значимость такого рода текстов огромна, ибо они раскрывают коды и символы языка религиозной культуры. Без этого знания фактически невозможно разобраться в догматике, философии, практиках, невозможно прочесть и грамотно перевести ни сутры, ни шастры, ни тем более тантры.

В Тибете традиционно считается, что все знание Будды закодировано в 84000 различных матриц – основоположений. Поэтому не случайно тибетцы в самом начале знакомства с буддизмом и на первой стадии составления и перевода буддийского письменного канона создали в IX в. свой терминологический лексикон – "Махавьютпатти" на санскритском и тибетском языках, который во многом превосходит "Дхармасанграху" как по количеству статей – 274, так и по их составу. Они включили большинство махаянских матриц в пространные списки тантрической терминологии. По этой причине использовать "Махавьютпатти" для чтения нагарджунистских трактатов – обременительное занятие, в то время как "Собрание основоположений Закона" – это оптимально необходимый лексикон ранней махаяны.

Е.В. Антонова

(Институт востоковедения РАН)

Роль археологических данных в реконструкции социальных систем древних обществ (на примере Месопотамии)

1. В настоящее время становится все более ясно, что археологические памятники – не отдельные категории вещей, а некоторая часть культурных систем, которая обнаруживается, будучи отложенной в культурном слое. Это – остатки мира невербальной культуры (хотя археологи обнаруживают и письменные тексты), неотъемлемой части культуры в целом, различные сферы которой и могут на основании этих остатков с большей или меньшей уверенностью реконструироваться.

Важность археологических памятников хорошо понимал Э.А. Грантовский, светлой памяти которого я и посвящаю свое сообщение.

2. До сих пор изучение дописьменной истории древних обществ, в частности располагавшихся на территории Месопотамии, остается прерогативой не столько "чистых" историков, сколько археологов и иногда этнологов. По-видимому, причина этого лежит в специфике археологических источников: историк, воспитанный на анализе письменных текстов, или этнолог, воспринимающий изучаемую культуру и в невербальном, и в вербальном аспектах, как правило, не владеют "языком" археологических остатков. Со своей стороны археологи относительно редко дают им сведения, которые могут быть восприняты с точки зрения методов и подходов, присущих их наукам.

3. При реконструкции культур древних, в том числе дописьменных, обществ крайне актуально обращение к максимально широкому кругу археологических остатков (формы жилищ, структура поселений и их групп, погребения, утварь, характер ремесла, памятники художественного творчества и многое другое). Это диктуется не только неполнотой сохранившихся и обнаруженных материалов, но и тем, что создания человеческих рук не являются зеркальным отражением

бытия того или иного общества. Они – культурные знаки и несут сведения и о том, каким образом их создатели воспринимали свое место в мире и отношения внутри своего общества.

4. Изучение Месопотамии и соседних областей в течение последних десятилетий показало, насколько плодотворно соединение усилий археологов и представителей различных наук, позволяющее реконструировать структуру расселения, характер организации производства и обмена, роль ирригации в трансформации общества, возникновение административного управления и т. д. Большую роль в попытках реконструкций играют достижения этнологии в области изучения обществ переходного типа от поздней первобытности к ранним государствам.

5. Необходимость комплексного подхода к археологическим остаткам ярко демонстрируется на примере изучения памятников убейдской культуры и культуры периодов Урука – Джемдет Насра (вторая половина V – начало III тыс. до н.э.). Если судить по погребениям носителей убейдской культуры (вторая половина V – первая половина IV тыс. до н.э.), не имеющим признаков материального расслоения и почти не имеющим знаков социального расслоения, можно было бы подумать, что ее носители жили в эгалитарном обществе. Однако другие факты показывают, что такое подчеркнутое равенство не отражало реального состояния общества, а, напротив, должно было маскировать его неоднородность. При изучении структуры групп поселений оказалось, что среди поселений выделяются центры, в некоторых местах на двух уровнях, которые были местами различных взаимодействий и вероятно центрами принятия решений в пределах сообщества.

Есть основания думать, что на юге Месопотамии во главе объединений поселений была группа лидеров. Данные из соседних регионов свидетельствуют о существовании лидера, обладающего сакральными функциями. Возникают постройки типа гостевых домов (современных машарабов), на позднем этапе – храмы. Развивается обмен на далекие расстояния и обмен между отдельными районами, неоднородными в экологическом отношении. Ирригация, хотя и маломасштабная, требовала консолидации усилий

соседних общин и специального руководства. Таким образом, именно археологические исследования позволили предполагать, что в это время в Нижней Месопотамии существует иерархизированное общество, вероятно, разнородное по происхождению составляющих его общин, но постепенно интегрирующееся в социально-культурном отношении.

Эти тенденции усиливаются в эпоху Урука – Джемдет Насра. В это время возникают крупные поселения с ансамблями монументальных храмов и других общественных зданий. Не вызывает сомнения рост общественного богатства. Чрезвычайно важную роль играет обмен. Поселения с признаками урукского влияния или присутствия "урукцев" обнаружены на западе Ирана, в Сирии и даже в дельте Нила (так называемая "урукская экспансия"). Возникает высокоразвитое ремесло и искусство, отвечающее требованиям общества с вполне сформировавшейся элитой. Явны признаки специализации видов деятельности. Среди лидеров – вероятно, избираемый на определенный срок "вождь-жрец", посредник между территориальным образованием и его божеством покровителем. Именно в это время складывается идеологический миф о создании людей богами, чтобы служить им, известный по значительно более поздним записям. Общество предстает как примитивная демократия.

7. Археологические исследования Месопотамии показывают, что между "первобытным" обществом и ранними государствами лежит длительный переходный период, в течение которого слабеют признаки, присущие эгалитарному обществу, и нарастают свойственные обществу дифференцированному. В интерпретации социальной структуры, хозяйственной деятельности, взаимосвязей между отдельными образованиями – "номами", по терминологии И.М. Дьяконова, – огромную роль играют сведения позднейших письменных источников. При отсутствии археологических свидетельств их экстраполяция в прошлое могла быть поставлена под сомнение.

В.И. Балабина

(Институт археологии РАН)

"Явная" и "скрытая" дихотомия глиняных артефактов у древних земледельцев Европы (мировоззренческий аспект)

1. Символика древнеземледельческой антропоморфной пластики обсуждается очень давно. Обычно объектом комментариев оказываются: морфология фигурок, их декор, а также археологический и культурный контексты. На возможную знаковую так называемых технологических характеристик предметов обращают внимание довольно редко и избирательно, не соотнося эти данные с соответствующей информацией о посуде и других категориях пластики.

2. В конструкции некоторых групп сосудов и статуэток проявляется дихотомия, которую можно определить, как "явную". Она присуща специфическим "амфисбенам" — фигуркам и сосудам (зооморфным, антропоморфным, миксаморфным), построенным по принципу удвоения фигуры или ее верхней части. Не менее выразительны симметричные двухчастные сосуды ("открытые" с продольными перегородками внутри, соединенные из двух чаш, "закрытые" двугорлые). Часто столь же очевидна дихотомия декора (зеркальная, ложнозеркальная, поворотная симметрия композиций и самих знаков).

3. "Скрытую" дихотомию предметов обнаруживает принцип их лепки и выявляет исследование цветности формовочной массы и окраски поверхности. Благодаря большой серии случайных наблюдений известно, что женские фигурки, принадлежащие разным европейским культурам, бываю леплены из продольных половин. Именно этот сюжет подробно, но совершенно изолированно комментируется в литературе. Сейчас такой же принцип лепки документирован для множества зооморфных статуэток (любого пола) и для некоторых сосудов в форме животных.

Данные о цвете формовочной массы и окраске поверхности систематизированы для зооморфной пластики

и посуды культуры Кукутень-Триполье. В обеих сериях есть предметы из белой глины, красной глины, из смеси двух глин. Для отдельных типов и подтипов фигурок отмечено контрастное сочетание (в разной комбинации) цвета формовочной массы и окраски поверхности. Сходные результаты получены при анализе цветности формовочной массы обычных (бытовых) сосудов данной культуры на нескольких памятниках. И в тесте антропоморфных статуэток тоже иногда фиксируют красную и/или белую глину (равно как и окраску их поверхности).

4. На ряде зооморфных фигурок Кукутени-Триполья обнаружено сочетание двухцветности формовочной массы и лепки из продольных половин, а на одной статуэтке они оказались увязаны конструктивно (ее правая половина леплена из красной глины, а левая — из белой). Аналогичная взаимосвязь конструкции и цветности теста проявилась у женской фигурки культуры Гумельница (одна нога сделана из красной глины, вторая — из белой, а торс — из смеси двух глин). Изложенные факты позволяют допустить смысловое согласие, иными словами близкую, если не однозначную, метафоричность этих двух "технологических приемов", один из которых удивительно напоминает шумерскую мифологему человека: "из глины сотворен и на крови бога замешан" (Афанасьева В.К. 1985, с.38).

5. Декор зооморфных статуэток обычно включает продольную осевую линию на спине. В системе декора антропоморфных фигурок (или их нижних частей) продольная ось всегда совпадает с соединительным швом. Оси декора поверх соединительных швов встречаются и на зооморфных сосудах. Столь отчетливое соотношение системы орнаментации с конструкцией приводит к мысли, что оси декора тоже метафорически замещают (либо дублируют) моделировку из продольных половин, в свою очередь равнозначную лепке из двухцветной глины.

6. Эти три разновидности дихотомии вполне сопоставимы с явной оппозиционной симметрией наиболее распространенных орнаментов раннеземледельческих культур и дихотомией формы двойных сосудов, статуэток, сосудов-амфисбен. Думается, все это — одна и та же метафора, многообразные проявления которой на пластике и посуде указывают на общеизвестность, общепринятость ее значения и на ее объединяющую сущность. По-видимому,

перед нами одна из концептуальных мифологем древних земледельцев Европы, пронизывающая все их бытие и отраженная во множестве сакральных и профанных (в нашем понимании) предметов. Здесь я пользуюсь предложенным В.К.Афанасьевой уточнением понятия мифологема – как интуитивно-эмоционального образа, содержащего в себе догадку о сущности бытия и его границах, архаичного, иррационального и всегда первичного по отношению к этиологическому мифу, тайным смыслом которого она может оказаться (Афанасьева В.К. 1985, с.36).

К.Л.Банников

(Институт этнологии и антропологии РАН)

Донг-шонские ритуальные барабаны как источник по этногенезу японцев

Несмотря на расхождение во мнениях относительно степени влияния культур Юго-Восточной Азии на формирование древнеяпонской народности, факт такого влияния признается практически всеми специалистами. Основным методом этногенетических исследований остается сравнительный анализ элементов культуры контактирующих этносов. Источниковая ценность именно таких памятников в том, что они освещают проблему комплексно – в рамках археологии и этнографии. Источниковая информация заложена: а) в вещественных характеристиках, описание которых составляет предмет археологии; б) в функциях предмета, реконструкция которых – прерогатива этнографии. Источниковедческая специфика донг-шонских барабанов в том, что они содержат рисунки мифологического и бытового содержания, поэтому археологическое описание памятника дает этнографические сведения. Это облегчает задачу реконструкции функций и места ритуальных барабанов в этнических культурах вообще. Очевидно, памятник нужно изучать в комплексе его смысловых значений: их звук ассоциируется с громом, в связи с чем они используются в земледельческих ритуалах; ритм – сильное психоделическое средство, отчего барабанам приписывались свойства управлять жизненными силами; первоначально

ритмообразующие функции выполняли утилитарные предметы – ступы, чаны и прочая утварь, применяемая при переработке риса, который понимался как жизненная субстанция, соответственно и сами ступы отождествлялись с женским чревом, а пест с фаллосом; звук и форма соотносятся как душа и тело.

Изучая древнеяпонские археологические памятники в свете этнографических реконструкций, можно заметить, что местные ступы-барабаны имеют тот же комплекс функционально-смысловых значений, что и ритуальные барабаны ЮВА: погребения в урнах-ступях символизировали возврат в материнское чрево; жрица в момент погребальной церемонии стучит пестом по перевернутому чану, призывая жизненную силу покойного вернуться; под сценой театра Но для резонанса звука располагают горшки, что, по мнению Мацумото Нобухиро, связано с эволюцией театра из аграрных ритуальных мистерий, в которых такие резонаторы имитировали раскаты грома и генетически связаны с рисоводческими культурами ЮВА (изображена на одном из донг-шонских барабанов); на некоторых фресках из могильников (напр. в г. Еси, преф. Фукуока) изображены птицы-лодки – важный элемент аустронезийской мифологии, имеющий отношения к жизненной силе; прямыми аналогами донг-шонских бронз в Японии представляются колокола дотаку из Кинаи.

На основе приведенных наблюдений можно рассматривать донг-шонские барабаны как один из источников по изучению генезиса японской этнической культуры в единстве ее материальной и духовной сфер.

В.А.Башилов

(Институт археологии РАН)

Возможности археологических источников для исследования исторических процессов (на примере древностей Центральных Анд)

1. Древности Нового Света и, в частности, Центральных Анд (территория Перу и севера Боливии) мало известны русской исторической науке. Они, однако, могут пролить свет на целый ряд общенсторических

закономерностей, тем более, что до момента контакта с европейцами развитие здесь протекало совершенно автохтонно и с определенным сдвигом в исторической и абсолютной хронологии. Поскольку древнеандские общества практически не знали письменности, все наши знания о них базируются на археологических источниках.

2. В российской науке существуют три точки зрения на информационную природу археологических данных и, соответственно, на познавательные задачи и уровни их исследования:

а) археология – чистое источниковедение (Григорьев, Клейн). Практически один уровень исследования.

б) археология – наука, реконструирующая древнейшее прошлое человечества, т.е. два уровня исследования – изучение источников и реконструкция на их базе конкретной исторической картины древней истории (Захарук).

в) археология – наука, изучающая материальные остатки прошлого, реконструирующая его и исследующая исторические процессы и их закономерности. Здесь подразумеваются три уровня исследования – источниковедение, реконструкция древней истории и анализ этой реконструкции для поиска возможных закономерностей исторического процесса (Башилов, Лооне).

3. Попытаемся проследить эти возможности на примере Центральных Анд, но не на всем протяжении их доколумбовой истории, а лишь на палеоэкономическом процессе "неолитической революции". Это понятие, сформулированное В.Г.Чайлдом на материалах Переднего Востока, широко известно и связывается обычно с переходом от охотничье-собирательской к земледельческо-скотоводческой экономике. Внутренним содержанием этого процесса является появление стабильного прибавочного продукта в рамках годового производственного цикла определенного общества.

На территории Центральных Анд, в силу резких экологических различий двух основных географических зон – высокогорных долин (Кальехон де Уайлас, Аякучо) и плато (Пуна де Хунин), с одной стороны, и прибрежной полосы, с другой, – сложились две модели интересующего

нас процесса: "классическая" земледельческо-скотоводческая в горном Перу и "морская" на его побережье.

4. Первую из этих моделей, несмотря на ряд особенностей, совершенно правомерно сопоставлять с процессами, проходившими в других "классических" центрах "неолитической революции", прежде всего на Переднем Востоке.

Материалы горного региона свидетельствуют, что манипуляции с растениями начались достаточно рано, в VIII тыс. до н.э. (Гитарреро), но до середины V тыс. до н.э. (Аякучо) возделывание растений играло роль вспомогательной отрасли в рамках охотничье-собирательской экономики. Животноводство (пастбища одомашненных камелидов) также появляется не ранее середины V тыс. до н.э. (Пуно де Хунин, Аякучо). Ему, видимо, предшествовала стадия специализированной охоты на этих животных. В период с середины V до конца IV тыс. до н.э. экономика населения горного Перу носила четко выраженный переходный характер и лишь с рубежа IV – III тыс. производящие отрасли занимают в ней господствующее положение. Упомянутый переходный период и может, по нашему мнению, рассматриваться как эпоха собственно "неолитической революции". Предшествующую фазу, связанную с началом возделывания растений и специализированной охотой на камелидов, можно считать лишь временем сложения ее предпосылок.

5. Вторая модель, прибрежная, структурно совпадает с горной, хотя принципиально отличается от нее по конкретному содержанию. К началу IV тыс. до н.э. охотничье-собираТЕЛЬСКАЯ экономика в зоне прибрежных возвышенностей – "ломас" (район Анкон-Чильон, долина Чилька) — подошла к кризису и население сменило свою хозяйственную ориентацию на эксплуатацию ресурсов океана, дополняемую возделыванием растений в речных долинах. Здесь также выделяется переходный период (IV – первая половина III тыс. до н.э.), когда традиционные отрасли хозяйства утрачивают свое значение, а "морской" промысел занимает ведущее место в экономике. В результате вдоль всего перуанского побережья возникают общества, создающие не только мелкие поселения, но и значительные храмовые центры с монументальной архитектурой, а также иконографически достаточно

развитое искусство. И здесь рано начинается возделывание растений, но и здесь оно существует как вспомогательная отрасль в рамках экономики "присваивающего" типа.

Именно поэтому представляется, что термин "продуктивная", т. е. дающая прибавочный продукт, лучше характеризует эту стадию развития палеоэкономики, чем определение "производящая", отражающее лишь используемую форму хозяйства.

6. Из вышеизложенного следует ряд выводов общетеоретического плана:

а) Границы "неолитической революции" улавливаются лишь на базе периодизации, опирающейся на данные археологии. Соответствующий период характеризуется смешанной экономикой, в которой "новые" отрасли начинают играть доминирующую роль. Их существование в рамках предшествующей экономической структуры можно расценивать лишь как сложение предпосылок перехода к экономической структуре с принципиально иной продуктивностью.

б) Подобный подход позволяет поставить вопрос о темпах процесса "неолитической революции" независимо от абсолютной его хронологии. Метод их просчета базируется, как сказано выше, на археологической периодизации. Это позволяет полагать, что "неолитическая революция" в Центральных Андах заняла около 1500 лет (середина V – IV тыс. до н.э. в горах), в то время как на Переднем Востоке – около 1000 лет (VII тыс. до н.э.), а переход к древним цивилизациям, соответственно, от 2500 (а может быть, и менее) до 3000 лет. Различие, скорее всего, зависело от палеоэкологической ситуации в разных районах мира.

в) Сопоставление путей развития двух моделей "неолитической революции" в Центральных Андах дает возможность говорить о двух аспектах процесса. Первый из них связан с внутренним его содержанием и позволяет понять важную закономерность, которую можно сформулировать следующим образом: в экономике прогрессивно развивающегося первобытного общества наблюдается постоянный рост производительности труда, который, независимо от конкретной формы хозяйства, на определенном уровне развития приводит к появлению стабильного прибавочного продукта в рамках годичного производственного цикла.

г) Специфика проявлений указанной закономерности зависит прежде всего от конкретных экологических условий зоны, где проходит данный процесс. Это особенно ярко демонстрирует "прибрежная" модель "неолитической революции" в Центральных Андах. Она ставит вопрос о принципиальной возможности прохождения этого рубежа в рамках присваивающей экономики. Критериями, сигнализирующими об этом, является появление монументальной архитектуры и искусства.

7. Если применить эти критерии к древностям Евразии, то можно попытаться объяснить "очаговое" распределение искусства и архитектуры в палеолите, неолите и бронзовом веке этой огромной зоны. Скорее всего, такие очаги связаны с прохождением в данном регионе рубежа "неолитической революции". Если принять это допущение, то становится ясным, что процесс развития палеоэкономики, так же как, например, процесс антропогенеза, имел в конкретике "кустообразную" форму при одновекторном направлении эволюции.

8. Несмотря на естественно гипотетический характер ряда высказанных положений, относящихся к третьему уровню исследования, принципиальный вывод заключается в том, что археологические источники содержат в себе значительный потенциал для изучения исторических процессов и их закономерностей даже для эпох и регионов, полностью лишенных источников письменных. При этом нужно иметь в виду специфику археологических источников и отличие их возможностей для изучения трех основных составляющих любого общества – экономики, социально-политической сферы и идеологии.

С.Я. Берзина

(Государственный музей искусства народов Востока)

Египтяне и меропты на триумфальных ахеменидских печатях

Ныне известно свыше десятка цилиндрических печатей и их отисков, которые прокламируют военные успехи ахеменидских царей. На таких печатях представлен персидский царь (реже – персидский воин), закалывающий

врага копьем. Композиция изображений восходит к древнему искусству Месопотамии, сами изображения выполнены в соответствии с канонами ахеменидского имперского искусства. Всегда тщательно переданы характерные детали одежды, головных уборов, вооружения персов и поверженных врагов, иногда даже особенности этнического типа последних. Это позволяет опознать этнос побежденных и определить, какое историческое событие отмечено печатью.

Доклад посвящен анализу изображений на двух близких сапфириновых печатях, одна из которых хранится в Государственном Эрмитаже (первая публикация: Стефани, 1881), другая в Государственном музее изобразительных искусств (первая публикация: Шилейко, 1925). На эрмитажном цилиндре персидский царь в походном одеянии и головном уборе "бессмертного" пронзает копьем убегающего врага. У того обычные безбородое лицо и прямые волосы до шеи. Он одет в длинное расшитое платье, башмаки и увенчан египетской короной атеф. К горлугу царя длинной веревкой привязаны в ряд за шею четверо пленников со связанными позади руками. Их фигуры находят друг на друга. Пленные принадлежат к негроидному типу: четко обозначены короткие курчавые волосы, prognathные лица, короткие носы. Все они босиком, но в длинных "расшитых" платьях с широкой "оборкой", идущей наискось через грудь. В платье такого "фасона" изображались мероитские цари (Wenig, 1978). Сцену замыкает пальма со свисающими плодами. На цилиндре ГМИИ представлен царь в походном одеянии и высокой короне. В его правой руке копье с опущенным вниз острием. В левой руке он держит веревку, к которой привязаны за шею в ряд, накладываясь друг на друга, три пленника со связанными позади руками. Они также босиком, в длинных расшитых платьях. Их этнический тип обозначен только короткими курчавыми волосами. Сцену замыкает пальма, аналогичная предыдущей. За пальмой (перед царем) двустрочная древнеперсидская надпись: "Я Артаксеркс. Великий царь".

Цилиндры публиковались много раз, по 1994 г. включительно. Мнения о датировке печатей и интерпретации изображений весьма разнообразны. Те, которые можно рассматривать всерьез, сводятся к следующим вариантам: обе печати сделаны в период

правления Артаксеркса I либо же одна – в период Артаксеркса I, другая (их места меняются) – Артаксеркса II или Атраксеркса III; обе прокламируют победу или победы в долине Нила; в качестве врага показан египетский или эфиопский (т. е. мероитский) царь.

Рассматриваемые печати схожи сюжетом, деталями изображений, стилистическими особенностями, в первую очередь наложением фигур пленников друг на друга – попыткой передать перспективу. Однако, печати не равноценны. Цилиндр ГМИИ представляет ухудшенную (провинциальную?) реплику эрмитажного цилиндра. Она отличается неоправданным сокращением композиции (вследствие чего теряет смысл изображение копья в руке Артаксеркса), а также непонятной и неумелой передачей этнического типа и одежды пленников (как бы "из вторых рук"). Ни одна из этих печатей не может быть отнесена ко времени Артаксеркса II, поскольку военные походы персов в Египет имели место только при Артаксерксах I и III. Наконец, только при Артаксерксе III египетский фараон и мероиты зафиксированы в качестве союзников. Спасаясь от персидского войска, Набонид II, последний фараон XXX династии, бежал в Эфиопию (Мероз) со всеми своими сокровищами. Это событие имело место в 342 г. до н. э. Его и отмечают оба цилиндра — основной и его реплика. Удалось ли персам на самом деле поймать беглеца и наказать его союзников, неизвестно. Однако завоевание Египта и вторичное установление персидского господства расценивались как великая победа, достойная увековечивания на государственно-прокламативных памятниках (Strelkov, 1937). О ней напоминает и следующая по времени триумфальная печать Артаксеркса III с изображением победы над саками, где над картушем Артаксеркса вырезаны головы двух соколов, каждая в двойной короне фараонов (Osten, 1934, 1956).

А.В.Варенов
(Институт археологии и этнографии
СО РАН, г. Новосибирск)

Древнекитайская письменная история и археология в конце эпохи Шан-Инь

В древнем Китае эпоха Шан (Инь) охватывает XVI-XI вв. до н.э. О ней, пусть и весьма скупо, повествует писаная история. Научные раскопки иньских археологических памятников, в том числе и главного из них — Аньяна, осуществляются с 1928 г. Кроме того, почти 100 лет назад были открыты памятники подтвердившие достоверность писаной истории.

Однако на записях времен правления Ди-синя, последнего вана из официального списка, аньянский архив надписей обрывается в связи с поражением иньцев в битве при Муе и переходом гегемонии к чжоусцам. Символом такого перехода служил упомянутый в писаной истории перенос в Чжоу полумифических девяти бронзовых треножников. По свидетельству тех же письменных источников, чжоусцы растащили и перedelили всю или почти всю иньскую бронзовую ритуальную утварь. Происходить эта утварь могла либо из могил, либо из действовавших еще храмов Аньяна. Достаточно очевидно, что грабить шанские могилы чжоусцы тогда не решились, т. к. рассчитывали сохранить Инь в качестве своего союзника, а разграбление могил предков в любом древнем обществе — повод для непримиримой вражды. Поэтому чжоусцам пришлось ограничиться инвентарем храмов, т. е. отлитыми в основном при Ди-сине (учитывая значительную продолжительность периода его правления) позднейшими сосудами. Такой инвентарь богато представлен в исследованных археологами раннечжоуских захоронениях.

Когда в кратких или популярных изложениях древнекитайской истории говорят о разгроме Инь чжоуским У-ваном при Ди-сине, обычно забывают, что в Аньяне существовал правитель, приходившийся внуком предпоследнему вану Ди-и, при котором могли и должны были (учитывая предшествующее опустошение храмов)

отливать сосуды с надписями в честь отца или деда. Речь идет о Лу-фу, сыне Ди-синя, который после поражения иньцев и гибели отца в течение недолгих лет правления чжоуского У-вана "царствовал" над оставшимися соплеменниками под церемониальным именем У-гэн, находясь под гласным надзором младших братьев победителя. По сообщению "Люйши чунь-цю", У-ван предварительно провел среди иньских старейшин опрос, выявивший ностальгию народа по временам перенесшего столицу в Аньян вана Пань-гэна. Возможно, по результатам опроса для Лу-фу и было избрано церемониальное имя с тем же циклическим знаком "гэн". Или, если циклические знаки церемониальных имен жестко зависели от обстоятельств рождения, то именно поэтому и именно на Лу-фу и пал выбор чжоусцев в качестве нового правителя Шан. Скорее всего, путем "референдума" и соответствующей агитации У-ван готовил иньское общественное мнение к возведению на престол удобного чжоусцам У-гэна (Лу-фу), а о "примере Пань-гэна" вспомнил из-за готовившегося чжоусцами переселения массы иньского населения в новую чжоускую столицу — Лои. Тут-то и пришлось кстати "тезка" Пань-гэна по циклическому знаку — У-гэн. Таким образом, знаменательное совпадение циклических знаков первого и последнего из аньянских правителей представляется не случайным.

Видимо, именно при Лу-фу на царском некрополе Сибэйган в Аньяне начала сооружаться недостроенная крупная гробница НРКМ 1567, предназначавшаяся, скорее всего, для его отца Ди-синя. Однако отливать бронзы с надписями типа "Фу-синь" в память о дискредитированном отце Лу-фу, наверное, запретили (археологами такие сосуды пока не обнаружены), оттого и стали появляться шанские сосуды с надписями "Цзу И" в честь ближайшего достойного предка правителя — его деда.

После смерти чжоуского правителя "опекуны" У-гэна подняли мятеж против Чэн-вана, малолетнего сына У-вана и возведшего его на престол регента Чжоу-гуна. Иньцы во главе с Лу-фу присоединились к этому античжоускому выступлению, были вторично разбиты и изгнаны из родных мест. Эпиграфические источники пестрят сообщениями о раздаче тому или иному чжоускому деятелю "стольких-то

цзу иньских людей". Скорее всего, именно тогда же царские и другие крупные могилы в Аньяне подверглись тотальному разграблению. Защищать их было уже некому. Могилы раскапывали громадными колодцами, точно выходящими на главную погребальную камеру по всей ее площади. Четким ориентиром для грабителей служили, видимо, еще стоявшие надмогильные храмы.

Крупные масштабы проводившихся открыто и безбоязненно работ свидетельствуют о действиях целой армии. Результатом было появление второй волны иньских бронз, в том числе и ранних, в западночжоуских могилах, например, в погребении М1 из Хэцзяцунь в уезде Цишань провинции Шэньси, где найдены шанские сосуды с клановыми эмблемами, принадлежавшие трем разным патрилинейным родам. Опустошение иньских могил в письменных источниках не отражено, но это и неудивительно. Естественно, что благонамеренный хронист, для которого У-ван и Чжу-гун – это нормативные личности, не стал бы сообщать о разграблении погребений при их личном участии. Двукратность ограбления Аньяна и одновременность добытых при этом бронз могут позволить по данным раскопок чжоуских погребений с иньскими бронзами, выяснить, кто из чжоуских аристократов и их союзников участвовал в первом походе на Аньян, кто – во втором, а кто – в обоих, т. е. реконструировать состав антииньских коалиций.

Из Аньяна мятежники под давлением наседавших чжоуских армий отступили на восток, на территорию нынешней провинции Шаньдун, а затем на север, в район современного Пекина, где преследовавшему их чжоускому военачальнику Шао-гуну Ши за заслуги был пожалован удел Янь. Его местонахождение устанавливается довольно точно, поскольку исследован чжоуский могильник Люлихэ чуть южнее Пекина, как раз и служивший кладбищем для элиты удела Янь. Удел Янь должен был играть роль заслона от попыток реванша со стороны потомков иньцев, пробовавших, кажется, блокироваться с воинственными местными "варварами". Севернее Пекина раскопан "варварский" могильник Байфу, синхронный Люлихэ и носящий следы контактов с ним. Есть следы контактов с Байфу и в Люлихэ. А в состав клада из местечка Сяохэнань, что чуть восточнее Пекина, входит и позднеиньское

бронзовое оружие "провинциального" стиля, и бронзы, характерные для Байфу, и позднеиньский сосуд с надписью "Цзу И", отлитый при У-Гэне (Лу-фу). Таким образом, не исключено, что Сяохэнань и Байфу являются археологическим отражением альянса последних "независимых" иньцев с "варварами".

Как видим, письменные, археологические и эпиграфические источники являются взаимодополняющими для переходного между эпохами Шан-Инь и Чжоу периода китайской истории.

А.А.Вигасин

(МГУ им. М.В.Ломоносова)

"Государственное строительство" в "Артхашастре Каутильи"

"Артхашастра Каутильи" обычно оценивается в историографии как политический трактат. Предполагается, что она содержит теоретическое осмысление накопленного в Древней Индии опыта государственного строительства. Однако можно показать, что это "государственное строительство" – совершенно своеобразно, а сам "трактат" нуждается в новой интерпретации.

Композиция памятника диктуется общей схемой "семичленного царства" (царь, советник, территория, крепость, казна и т.д.). Содержащаяся в VIII книге полемика по вопросу о соотношении этих семи элементов (анга, пракрити) – не более, чем литературный прием. Порядок их традиционно стабилен.

Исходя из построения текста, можно утверждать, что "крепость" (дурга) представляет собою не конкретный город, а крепость вообще, "территория" (джанапада) – не отдельная область, а "элемент" всего государства. Нередко встречающиеся в литературе рассуждения о том, что главы о "территории" (II.I) и о крепостях (II.3-4) отражают активную колонизационную политику и строительную деятельность Маурьев, не имеют никаких оснований.

Последовательное перечисление "элементов царства" как бы воспроизводит акт его творения. Демиургом является сам царь, который вначале готовит себя к

порождению "внешних элементов царства", будучи его "душою" (атманом). Затем он создает собственных советников, "выбирает" территорию, "строит" на ней укрепленную столицу, в последней хранит казну и проч.

Это "государственное строительство" подобно космическому жертвоприношению. И требования, предъявляемые к царю (так называемая "победа над чувствами"), могут найти объяснение в свете общих представлений о жертвователе (яджамане).

Каждый из "элементов" сам разлагается на составные части. Так "сельская территория" представлена землями двух категорий: принадлежащими налогоплательщикам и лицам, освобожденным от уплаты налога. В свою очередь, налоговым иммунитетом обладают две категории лиц: ученые брахманы и слуги царя. Земли первых могут быть проданы или заложены людям того же статуса (абхирупадая). Напротив, служебные держания не подлежат продаже и закладу (однако, по всей видимости, могут переходить по наследству). Часть налогоплательщиков представлена пожизненными арендаторами государственных полей, другая – полноправными собственниками.

Полная собственность на землю возникает в результате распахки целины. "Поле" не существует до его первой обработки – тот, кто его "создает", и становится хозяином. Царю же вся земля принадлежит как территория – с тех самых пор, как царство было "сотворено" во время коронации.

"Город" в "Артхашастре" имеет такую же схему, как и любое упорядоченное пространство (васту), строго ориентированное по сторонам света. Важно четко различать два его основных элемента: "внутренний" (антахпура) составляет обширное царское хозяйство, а "внешний" – собственно город. Даваемые в тексте "правила" устройства города нельзя рассматривать как рекомендации – они неосуществимы и не были предназначены для реализации на практике. Там, где современный читатель усматривает топографию, на деле присутствует лишь сакральная иерархия элементов понятия "город-крепость". Подобными перечнями – анатомиями понятий – и ценен для нас источник. Но характер "шастры"

резко отличен от того, что мы ныне именуем "научным трактатом".

Традиция шастр и подобных описаний восходит к ведийской ритуалистике. Аналоги "устройству джанапады" и "строительству крепости" следует искать не столько у Витрувия, сколько в "Пурушасукте" "Ригведы" и в списках отождествлений в брахманической прозе.

А.К.Виноградов.

(Институт востоковедения РАН)

Источниковедение Куша: проблемы и парадоксы

1. Куш (древний Судан) – один из самых ранних очагов цивилизации на Африканском континенте и притом один из немногих, прошлое которых отразилось в письменных источниках. Это существенно расширяет источниковедческую базу, давая уникальную возможность изучать такие аспекты общественной жизни (например, связанные с сознанием), которые не могут быть удовлетворительно реконструированы по одним только памятникам материальной культуры. Свидетельства эти, однако, весьма специфичны и, пожалуй, не будет преувеличением сказать, что мы сейчас в лучшем случае еще только находимся на пути к их пониманию. Этап "собирания камней" еще отнюдь не пройден.

В числе источников по истории Куша прежде всего следует упомянуть: а) местные египтоязычные тексты; б) местные мероитские (от названия города Мероэ, столицы страны) надписи; в) сообщения античных историков. Существенная особенность заключается в том, что памятники второй группы – свидетельства в полном смысле местные, т.е. таковые не только по происхождению, но и по языку – использовать по-настоящему пока еще нельзя из-за скудости сегодняшних знаний об этом языке. Черпать сведения приходится из прочих источников, а они требуют особого подхода.

2. Местные тексты на египетском языке, игравшем в Куше приблизительно такую же роль, как и латынь в средневековой Европе, служат основными письменными

свидетельствами. Они условно подразделяются на а) культовые и б) нарративные, или "исторические".

Памятники первой группы (заупокойные тексты, восхваления богов и т.п.) мало отличаются от собственно египетских праобразов и потому скорее служат материалом для изучения духовного наследия Египта, нежели самого Куша. Тексты "исторические" (царские анналы) — значительно более самобытны, однако представленные в них сведения также выражены в системе представлений народа, находившегося на совершенно иной, нежели кушиты, степени культурного развития. Поэтому заведомо приходится ожидать в них более или менее существенную — и естественную в таких условиях — модернизацию местных реалий "под Египет".

Другая особенность — то, что все это почти исключительно тексты царские (в отличие, кстати, от Египта, где сохранились кроме того и памятники частных лиц, не говоря о чисто литературных — "нейтральных"). Соответственно, в центре всех событий показан правитель, а жизнь общества представлена в лучшем случае в качестве "фона". Кроме того, приходится учитывать, что практически все упомянутые тексты обнаружены в храмах, где они не только хранились, но и были изготовлены. В них, следовательно, выражен взгляд на мир, каким он виделся из святилища: в поле зрения оказывается, несомненно, весьма важная, но все же лишь часть жизни общества Куша.

3. Ценным дополнением к свидетельствам местных источников служат сообщения античных авторов об "Эфиопии" ("стране обугленнолицых"). Проблема, однако, в том, что это определение, появившееся у греков еще очень рано и подразумевавшее области долины Нила к югу от Египта (т.е. территорию исторического Куша), с расширением исторических знаний об Африке как бы раздвоилось, оказавшись употребляемо как в изначальном, так и в расширительном смысле, подразумевая все более и более обширную часть материка. Перед исследователями встает, таким образом, задача отбора тех сведений, использование которых было бы правомерным в плане локализации.

Следует далее учесть, что практически все дошедшие до нас сведения об "эфиопах" — вторичны по происхождению: ни одного описания, сделанного

непосредственно очевидцем, не сохранилось. Следствием многоступенчатой передачи информации была не только ее неизбежная эрозия, но в ряде случаев, похоже, и искажение из-за недопонимания и/или переосмысления. Отсюда возникает вопрос, как отделить достоверные сведения от домысла. Проблема усугубляется тем, что данные, выглядящие чуть ли не документальными (например, рассказ о деяниях царей Сабакона, Актисана и др.), на самом деле при перекрестной проверке далеко не всегда подтверждаются, и наоборот, красочные детали, производящие впечатление полного вымысла (рассказы о золотом храме, о золотых цепях невольников и т.п.), порой оказываются не столь уж невероятными.

4. Отношение исследователей к каждой из упомянутых групп источников в разное время было различным. Еще в начале века история Куша реконструировалась путем механического соединения данных египтоязычных текстов и сообщений античных писателей. Со временем стало, однако, ясно, что свидетельства эти не всегда согласуются друг с другом, и античные источники как чужеземные отошли на второй план, — реакция объяснимая, но не вполне правомерная.

В последние десятилетия, с активизацией изучения мероитских надписей на уровне структурного анализа, усилился интерес именно к ним — тем более, что здесь оказались (или, точнее, казались!) применимы новейшие технические и методологические достижения, включая использование ЭВМ. Это привело к осязаемому перекосу: прочим, традиционным (теперь уже не только античным, но и египтоязычным) источникам стало уделяться гораздо меньше внимания — вероятно, из-за иллюзии того, что они уже исчерпывающе изучены. Вместе с тем и прогресс в расшифровке мероитского языка оказался все же не столь обнадеживающим, как это представлялось.

Сейчас достаточно очевидно, что при общей немногочисленности свидетельств по истории Куша достичь успеха можно лишь при комплексном изучении. При этом едва ли можно считать бесперспективной и тем более завершенной работу с давно известными, традиционными источниками. Изучение их можно уподобить работе на древнем золотом руднике: добыча драгоценного металла может оказаться здесь ничуть не

менее полезной и эффективной, чем разработка нового прииска, – важно только подобрать подходящий метод. Необходимы как бы особые фильтры, которые позволили бы привести в соответствие данные доступных сегодня свидетельств.

Н.М.Виноградова

(Институт востоковедения РАН)

Первое поселение бишкектско-вахшской культуры на юге Таджикистана

1. Поселение Тошгузар открыто Южно-Таджикистанской археологической экспедицией в Дангаринской степи на 2-ой террасе р. Таирсу в кишлаке Тошгузар Дангаринского района. Исследовалось в течение 2-х лет (1993, 1995 гг.).

2. Культурный слой достигает 1.5 м. Стратиграфически различаются два культурных горизонта. Нижний слой толщиной около 0.5 метра относится к эпохе бронзы. Его перекрывает верхний культурный горизонт времени Яз П, который сильно разрушил более раннее поселение. В слое бронзы открыто несколько хозяйственных ям, заглубленных в материк. Ямы заполнены фрагментами керамики, глиняной обмазкой, камнями, костями животных, углями и пеплом. Встречаются также каменные орудия труда – зернотерки, отбойники, терочники и скребки. В слое найдены каменные гири и грузила. Из бронзовых предметов имеется только одна булавка. Основную часть материала составляет керамика: лепная – более 70 %, круговая – менее 30 % (данные по раскопу 2). Лепные сосуды подразделяются на две группы: 1) так называемая кухонная посуда черного или серого цвета с большой примесью песка и шамота; 2) столовая и тарная керамика. Иногда имеется белый ангоб и орнамент горизонтальными и волнистыми линиями по горлу и плечикам сосуда. В некоторых случаях встречается рельефный пояс с насечками. Круговая керамика сделана из глины очень хорошего качества, различаются формы горшковидных сосудов, фрагмент ножики вазы.

3. Близкие аналогии лепной керамике Тошгузара имеются на могильниках бишкектско-вахшской культуры

Ранний Тулхар и Тигровая Балка. Круговая посуда родственна керамике земледельческих племен северобактрийского варианта культуры Намазга VI, или сапалпинской культуры молалинского этапа. В слое эпохи бронзы поселения Тошгузар встречается несколько фрагментов сосудов со штампованным орнаментом степного, андроновского круга памятников. На основании находок круговой земледельческой керамики удастся датировать нижний культурный горизонт поселения Тошгузар концом II тыс. до н.э.

4. В хозяйстве жителей поселения Тошгузар большую роль играло земледелие, о чем свидетельствуют находки зернотерок и пестов. Другая важная отрасль хозяйства – скотоводство. Определение костей животных, собранных на поселении, дает следующую картину. Присутствуют остатки семи видов животных: представителей семейства бычьих – 78 костей, овцы или козы – 29, осла – 7, лошади – 3, волка – 1 и среднеазиатской черепахи – 2 (данные раскопа 2).

5. Исследования на поселении Тошгузар имеют большое значение для археологии Южного Таджикистана конца II – начала I тыс. до н.э. Находки нижнего культурного горизонта Тошгузара относятся к бишкектско-вахшской культуре. Это первое поселение этой культуры, т. к. ранее были известны только могильники. Хотя традиционно выделяются две культуры – вахшская и бишкектская, более правильно говорить о единой бишкектско-вахшской культуре с локальными вариантами (вахшский и бишкектский) и о двух хронологических фазах этой культуры.

6. Земледельческая круговая керамика молалинского типа на памятниках бишкектско-вахшской культуры свидетельствует о непосредственном участии земледельческих племен Южного Таджикистана в формировании этой культуры. Тесные контакты земледельческих и бишкектско-вахшских племен подтверждаются присутствием бишкектско-вахшской керамики на земледельческих памятниках.

7. Раскопки на Тошгузаре позволяют поставить вопрос об оседлости населения бишкектско-вахшской культуры, занимающегося как скотоводством, так и

земледелием. При этом здесь значительную роль играл крупный рогатый скот.

К.А.Вязовикина

(Институт востоковедения РАН)

Парадокс гробницы Цинь Ши-Хуана: опыт сопоставления исторических описаний и данных археологии

Раскопки заупокойного комплекса первого императора Китая Цинь Ши-хуана дали бесценный археологический материал для изучения древнекитайской культуры. Комплекс гробницы можно представить как сложный, многослойный текст на языке материальной культуры. Как специфический "вещественный" текст памятник имел строгую содержательную и формальную структуру. Это дает возможность более или менее полно реконструировать программу всего памятника даже при том условии, что часть составляющих его структур утрачена. Проблема историко-культурной реконструкции заупокойного комплекса императора представляется очень актуальной, тем более что археологические раскопки ведутся крайне медленно.

Одним из важных методов получения историко-культурной информации является сопоставление исторических источников различной природы. В нашем случае мы располагаем уникальной возможностью такого сопоставления, поскольку можно соотнести данные археологических исследований и историческое описание Сыма Цяня "Основные записи [о деяниях] первого императора Цинь", помещенное ханским историографом в многотомный труд "Исторические записки" (II в. до н.э.).

"Основные записки ...Цинь", составленные на основании хроник циньского времени и сведений, собранных Сыма Цянем, — это подробное историческое описание образования и развития империи Цинь Ши-хуана. Информация этого письменного источника очень обширна: завоевательные войны Цинь Ши-хуана (до 221г. до н.э.), подробный перечень реформ и преобразований во внутренней политике империи, сведения об инспекционных

поездках Цинь Ши-хуана по стране, тексты стел, которые он воздвиг на вершинах священных гор древнего Китая, "заметки" о поиске эликсира бессмертия и, наконец, данные о строительстве гробницы на горе Лишань, а также описание внутреннего убранства погребальной камеры, в которую был опущен саркофаг с телом императора. "Исторические записки" — один из немногих письменных источников, которые содержат сведения об эпохе Цинь; кроме того, Сыма Цянь — единственный историограф древнего Китая, который сообщает данные о строительстве императорской усыпальницы. Описание же погребальной камеры просто уникально, так как дает, пусть даже очень общую, картину циньского погребального обряда.

То, что говорится у Сыма Цяня об основных наземных частях некрополя, вполне соответствует тому, что сохранилось *in situ*: горы Лишань (по Сыма Цяню, там устроен склеп) и могильный курган. Однако раскопки некрополя 1970-х - 80-х г.г. вскрыли ранее неизвестную часть памятника. Почти случайно была обнаружена огромная (более 6 тыс. фигур) глиняная армия первого императора в полном боевом облачении, которая, видимо, была погребальным эскортом покойного. Парадоксальность этой находки в том, что о глиняной армии не упоминается ни в одном историческом источнике: ни древнем, ни средневековом. Более того, Сыма Цянь, который внимательно и объективно относился ко всем известным ему фактам циньской истории, совершенно умалчивает о создании подземной армии. Таким образом, данные материального источника решительно расходятся с данными источника письменного и, заметим, в таком важном аспекте, как одна из смысловых и формальных структур некрополя.

Совершенно очевидно, что погребальная армия введена в структуру памятника неслучайно. Ее присутствие и ориентация имеет глубокий сакральный смысл. Язык (стиль) глиняной скульптуры, видимо, тоже символичен. Наконец, подземная армия Цинь Ши-хуана огромна, размеры ее даже для скульптуры древнего мира достаточно велики.

Таким образом, располагая долгое время только письменными сведениями о культуре эпохи Цинь, мы были лишены информации об одном из самых выдающихся ее

звеньев. Поэтому становится совершенно правомерным вопрос о том, в какой мере информация Сыма Цяня является историчной – ведь по малопонятным причинам из его повествования выпадают целые куски истории этой культуры.

Парадокс гробницы Цинь Ши-хуана позволяет совершенно иначе взглянуть на данные Сыма Цяня по циньской эпохе, которым доверяют все исследователи древнего Китая, а также выявить очевидное несовпадение письменного и материального источников. Ни в коем случае не опровергая достоверности и историчности всей содержащейся в "Исторических записках" информации, мы вправе указать на то, что текст Сыма Цяня имеет большие лакуны в передаче информации. Подчас только сопоставление исторических источников различной природы позволяет это обнаружить.

Вопрос о достоверности исторических описаний Сыма Цяня выдвигает и другую проблему: почему такие важные сведения остались за пределами внимания ханьского историографа. Причины утраты столь ценной исторической информации связаны, возможно со следующими факторами:

1). Особенности циньского общества. Не исключено, что Сыма Цяню действительно ничего не было известно о глиняной армии, так как работы по возведению некрополя держались в строгой тайне.

2). Авторская позиция самого ханьского историографа. Возможно, погребальная скульптура Цинь не попала в число фактов, интересовавших Сыма Цяня.

3). Не исключена и утрата частей литературного текста, который неоднократно переписывался и перерабатывался как в древний, так и в средневековый периоды.

Вскрывая причины отсутствия сведений о глиняной скульптуре у Сыма Цяня, мы можем не только иначе взглянуть на историческое описание, но и, возможно, объяснить структуру и символику памятника циньской культуры. Вопрос о взаимодействии данных при изучении истории и культуры эпохи Цинь, от которой, как считалось, мало что сохранилось, должен решаться как критическое исследование всей письменной информации. В связи с этим на первый план выходит изучение археологических

памятников, так как именно оно вскрывает парадоксы исторического знания и подчас радикально меняет наши представления о развитии духовной и художественной культуры.

К.Н.Гаврилин

*(Исторический факультет
МГУ им. М. В. Ломоносова)*

Греческие и этрусские мастера в Древнем Риме (вторая половина VI – начало V вв. до н.э.)

В последние десятилетия появился новый обширный материал, позволяющий точнее определить роль греческой и этрусской культуры в формировании римской цивилизации.

Прежде всего, многочисленные сведения на этот счет мы встречаем в письменных источниках (Тит Ливий, Витрувий, Плиний Старший, Плутарх, Сервий и др.).

Кроме того, нельзя не использовать новые археологические данные, существенно расширяющие наше представление о материальной культуре, архитектуре и изобразительном искусстве Рима эпохи царей и ранней Республики (открытый в 1978 г. комплекс святилища Фортуны и Матери Матуты на Бычьем форуме, находки терракотовой скульптуры и фрагментов архитектурного декора на Капитолии, Эсквiline и Палатине). До сих пор многое здесь представлялось неясным и легендарным, а единственным источником служила лишь античная литературная традиция.

Помимо этого, большое значение имеют аналитические исследования раннеримской культуры (М.Кристофани, Д.Колонна, Коарелли, Э.Зимон и др.).

Становится ясно, что рождение римского искусства геснейшим образом связано с разными культурными традициями, представленными на этой территории. Это сочетание и греческих (коринфских, ионийских, аттических) традиций с их эгейско-анатолийскими связями, и традиций финикийской культуры, а через нее и культур Древнего Востока.

Греческие мастера представлены в Риме произведениями, относящимися к школам Великой Греции и Этрурии (Цере, Вейи).

Так, например, литературная традиция свидетельствует о греках-коропластах, прибывших в Южную Этрурию из Коринфа (Pl, NH, XXXIII, 7,36); Плиний Старший и Витрувий пишут также о греках Дамофиле и Горгасе, происходивших, очевидно, из Великой Греции и выполнивших крупный заказ в Риме (Pl, NH, XXXV,154). Он включал не только архитектурную, но и монументально-живописную, монументально-пластическую часть работы, оставив тем самым глубокий след в местной традиции.

Помимо этого, письменные источники и археологические открытия дают нам еще ряд примеров соприкосновения италийской и эллинской культур на территории Лация: это и свидетельства древних о храме в земле Фалисков, прототипом для которого послужил храм Геры, находившийся недалеко от Аргоса (D. H., I, 21, 2), и вполне конкретные наблюдения археологов по поводу позднеархаической архитектуры Вей, Пирги, Цере и Сатрика (периптеральные композиции, опыты планировки, принципы пропорционирования, декорации и т. д.).

Другая важная проблема, выявленная в последнее время на основании анализа разнохарактерных источников — яркий грецизированный стиль монументальной терракотовой скульптуры и живописи в комплексе с архитектурой. Грецизм, лежащий в основе этого стиля, свидетельствует не только о глубоком творческом освоении эллинской традиции, но и о высоком художественном уровне всего создаваемого. Этот факт в недавнем прошлом вызвал к жизни панэтрусскую концепцию развития италийского искусства (К.Анти, Г.Кашниц фон Вайнберг, М.Паллотино). Однако в настоящее время совокупность всех имеющихся данных позволяет высказать соображения, которые дают основания для корректировки и другой, панэллинской концепции (Ж.Марта, Р.Бьянки-Бандинелли, Н.Робертсон).

Этрусская культура, близко соприкасавшаяся как с культурой италиков, так и непосредственно латинян, оставила еще более глубокий след в истории Вечного Города. Избегая как панэтрусских, так и ограничительных

концепций, опираясь на весь упомянутый материал, важно представить себе этот сложный процесс во всей его многогранности и глубине (сравнительный анализ разнообразных традиций в области духовной и материальной культуры).

Возведение крупнейших храмов и святилищ на территории Лация (Храм Юпитера Капитолийского и храм Цереры, Либера и Либеры в Риме, комплексы святилищ в Сатрике и Пирги и т. д.) дает, кроме того, возможность представить не только уровень, но и масштабы строительных работ, которые свидетельствуют о расцветшей здесь городской цивилизации.

Стало очевидным, например, что грандиозный размах работ этруских архитекторов и скульпторов в Риме есть не только подтверждение традиции (долгое время считавшейся легендарной), но и свидетельство конкретных и долговременных связей Рима эпохи Тарквиниев и ранней Республики с крупнейшими этрускими центрами, находившимися в непосредственной близости от Рима и переживавшими в это время небывалый подъем. Присутствие многочисленных произведений, созданных представителями школы Цере и Вей на территории Рима в течении столетия, — лишнее тому доказательство.

Сравнительный анализ архитектурной типологии, принципов декорирования, строительных техник, стилистических особенностей памятников изобразительного искусства, мифологических сюжетов, лежащих в основе произведений изобразительного искусства, их иконографических особенностей (компоненты не только греческого, но и анатолийского, финикийского происхождения) и целых декорационных программ, осложненных многочисленными связями и историческими шансами, явственно выражают сложность и многоплановость контактов Древнего Лация не только с Италией и Грецией, но и всем Восточным Средиземноморьем.

М. Грачев

(Институт востоковедения РАН)

Китайская государственная мысль в Японии в VII – VIII вв.: идеалы и их воплощение

VII век для Японии стал временем масштабного государственного строительства. Огромную роль в этом процессе сыграли заимствования различных концепций китайской политической культуры. Однако положение Японии в качестве реципиента иноземной культуры носило своеобразный характер.

1. Благодаря своему географическому положению Япония оказалась частью ареала, в котором распространялось сильное культурное влияние Китая. Этот сложный процесс характеризовался до IX в. по крайней мере двумя особенностями: относительной устойчивостью и непрерывностью. (Огромную роль в этом процессе сыграли переселенцы из Китая и Кореи, которые обеспечили необходимый приток образованных людей).

2. Среди различных доктрин, заимствованных из Китая и Кореи, на оформление институтов японской государственности наибольшее влияние оказали буддизм и конфуцианство. Так, в буддизме японцев, в частности, привлекала идея церковной организации, которая рассматривалась как своеобразная "модель" государственного устройства, и идея воспитания у подданных общегосударственного мироощущения. Конфуцианство во многом дополняло буддийское учение, и особенно в области практической этики, но главное его достоинство для японцев заключалось в том, что оно, впитывая в себя различные китайские учения, явилось поистине неисчерпаемым источником китайской культуры - не только политической, но и экономической, духовной и т. д.

3. Хотя влияние китайских политических учений ощущалось в Японии очень сильно, и там в это время отсутствовала предубежденность в отношении иноземных заимствований, это была только одна сторона своеобразного "модуса поведения японцев". Другой его стороной было бережное отношение к своим традициям, что наложило отпечаток на характер заимствования

континентальной культуры. (Именно сочетание чужеродных и своих традиционных элементов привело к тому, что развитие японской государственности пошло по особому пути).

Поскольку проблема распространения в Японии идей китайской политической культуры требует подробного и тщательного исследования, то в данном сообщении мы рассмотрим лишь некоторые аспекты китайского влияния на процесс создания государственных институтов в Японии в VII – начале VIII вв.

По мнению большинства исследователей, процесс институализации японского государства стал протекать довольно быстро с конца VI в. Эмигранты из Китая и Кореи как носители наиболее высокой информационной культуры обеспечивали нужды формировавшихся государственных институтов. Контакты с Китаем и Кореей в этот период заметно активизируются. Японцы были заинтересованы в таких связях, так как Китай в это время был страной, чья политическая система оказалась наиболее развитой в регионе и являла собой образец для подражания со стороны соседних стран.

Тремя высшими учреждениями в танском Китае были Государственный департамент (Шаншу шэн), Императорская канцелярия (Мэнся шэн) и Императорский секретариат (Чжуншу шэн). Государственный департамент подразделялся на шесть Палат (бу): чинов (Ли бу), финансов (Ху бу), церемоний (Ли бу), военную (Бин бу), наказаний (Син бу), и общественных работ (Гун бу). Насколько сопоставима с этой организацией структура государственного аппарата в Японии во второй половине VII – начале VIII в.? При сопоставлении японской и китайской государственных структур видно, что хотя общая схема властных институтов и имела похожий характер, все же обе системы имели настолько существенные различия в деталях, что очень трудно говорить о некритическом заимствовании. Так, невозможно провести аналогии между японским Государственным советом (Дадзёкан) и подчиненными ему 8 министерствами (сё), с одной стороны, и танскими 6 старшими палатами, в состав которых входили 24 младшие палаты, с другой.

Сходным образом сложилась судьба и тех концепций, получивших распространение в Японии, которые имели непосредственное отношение к оформлению института чиновничества.

Концепция систематического обновления государственного аппарата посредством выдвижения чиновников и концепция равных возможностей получили распространение в Японии уже в начале VII в. Но вскоре оказалось, что достижения индивида не играют основополагающей роли при назначении на должность. Основным критерием продвижения по службе были не заслуги чиновника перед государством, а его происхождение. В результате система ранжирования начинает терять свой первоначальный смысл, а возможности статучинального роста скорее определялись не его личными достижениями, а его происхождением.

Китайская идея личной ответственности чиновников перед правителем также была известна в Японии. (Впервые эта концепция присутствует в 17 статейном уложении Сётоку Тайси (604г.)) Однако, судя по данным "Нихонги", уже во второй половине VII в. стали известны случаи, когда чиновники не выполняли свои непосредственные обязанности. Наличие таких фактов стало причиной издания ряда указов, которые поощряли наказание нерадивых чиновников.

Идея унификации мышления чиновников также оказалась маловыполнимой. Хотя творцы японской государственности пытались создать такой тип чиновников, все помыслы которых были направлены на улучшение государственных дел, а не решение личных проблем, в VIII в. обнаружилось, что японское чиновничество оказалось подвержено той же "болезни", что и китайское. Огромный бюрократический аппарат не мог справиться с такими явлениями, как злоупотребление властью и использование личных связей в корыстных целях. К тому же темпы роста численности чиновничества обгоняли рост населения страны. При этом его эффективность падала. В результате чиновничество стало замкнутой группой и совсем потеряло интерес к государственным делам.

Рассмотрев лишь некоторые аспекты китайского влияния на оформление японской государственности, можно сделать следующий вывод.

Хотя японцы создавали свои государственные институты не путем простого копирования китайских образцов, а путем их продуманного и планомерного применения, пытаясь при этом учитывать японские культурные традиции и реалии развития страны, все же местные особенности Японии были учтены не в той мере, в какой это было необходимо для создания и продолжительного функционирования централизованного государства, что и привело к его упадку в период Хэйан.

А.С.Десницкий

(Институт востоковедения РАН)

Разночтения библейского текста как источник сведений о его истории

Тексты, сохранявшиеся на протяжении веков и тысячелетий в рукописной традиции, естественным образом подвергались случайным искажениям и сознательным исправлениям. Таким образом возникали разночтения в рукописях и даже разные редакции одного произведения. Библейские тексты не представляют в этом отношении исключения.

Тот факт, что Библия на протяжении всей своей истории являлась Священным Писанием для разных религиозных и этнических групп, приводил, с одной стороны, к лавинообразному умножению числа рукописей и, следовательно, разночтений, а с другой стороны – к стремлению каждой группы принять тот или иной вариант за "свой", жестко зафиксировать текст и тем самым оградить себя от "чужих" влияний и случайных искажений. Так возникли различные варианты библейского текста (текстовые типы). Показательно, что они, как правило, отличаются друг от друга не только разночтениями в отдельных местах, но и составом книг, и дело здесь не только в расхождении между христианством и иудаизмом: разнится, и притом существенно, список книг в славянской

и греческой Библиях не говоря уже о более далеких традициях.

До сих пор существующее разнообразие воспринималось в основном через призму религиозной полемики. Но библейская текстология, существующая как наука уже более века, сумела дать иную перспективу этому явлению. Разночтения оказались ценнейшим материалом, который позволяет приблизиться к изначальному состоянию текста, а кроме того, лучше понять историю его возникновения и раннего развития. Библейская текстология стала ценнейшей вспомогательной дисциплиной, поставляющей пищу для размышления филологам, историкам и богословам.

На конкретных примерах можно увидеть, как существующие разночтения помогают пролить свет на историю формирования библейского текста.

Два варианта закона о "городах убежища" (Ис Нав 20:1-6), видимо, представляют две стадии развития этого закона и позволяют увидеть, как ветхозаветная правовая система доводила общие принципы до подробной детализации.

Два варианта рассказа о Давиде и Голиафе (1 Цар 16-18) позволяют сделать осторожное предположение о том, что автор или редактор соединил материал из двух не дошедших до нас источников.

Два варианта окончания Евангелия от Марка (Мк 16:9-19) достаточно ясно показывают, что ни один из них не является органичным продолжением предшествующего текста. По-видимому, первоначальный текст был оборван на середине фразы, и только потом к нему было дописано продолжение.

Становится совершенно очевидно, что библейские тексты на заре своего существования были гораздо более открыты для различных изменений и редакторской деятельности, и только позднейшая кодификация зафиксировала их в той форме, в какой они существуют сегодня.

Современные переводчики, издатели и исследователи постепенно отходят от стремления к "единому конфессиональному тексту", становясь все более открытыми для чужих редакций. Можно уверенно сказать, что такая тенденция вполне соответствует как изначальному

отношению к библейскому тексту иудеев и христиан, так и выводам современной науки.

О.П.Дюжева

(ГМИИ им. А.С.Пушкина)

Рельеф из гробницы генерала *Imn-m-jnt* (Страсбург 2439 А): интерпретация ритуала *ššš-wiḏ* ("сотрясение/выдергивание папируса")

1. Рассматриваемый рельеф находится в собрании Египтологического института Университета Страсбурга (Инв. № 3439). Он происходит из саккарской гробницы генерала *Imn-m-jnt* – одного из самых высокопоставленных придворных последнего фараона 18 дин. Хоремхеба.

2. В существующих публикациях изображение на блоке кратко характеризуется как "увеселительное плавание в зарослях папируса". Действительно, рельеф напоминает о многочисленных сценах охоты и рыбной ловли, хорошо известных по фиванским гробницам 18 династии и изображающих, конечно, не развлекательную прогулку, но определенный ритуал. Однако на нашем рельефе отсутствуют орудия охоты – бумеранг для птиц и гарпун для рыб. Скорее всего, на нем изображен другой сюжет, а именно *ššš-wiḏ* – "сотрясение/выдергивание папируса".

3. Изобразительный ряд с данным сюжетом включает 24 примера, большинство из которых происходит из гробниц Древнего царства, 2 примера относятся к Новому царству (гробница фараона Аи в Фивах и гробница Птахмеса в Саккаре) и 2 – ко времени 26 династии. Отдельную группу составляют рельефы в царских храмах Нового царства и Позднего времени (они изображают фараона, совершающего культовые действия в зарослях папируса перед богом Мином).

4. К сожалению, ни один из примеров не дает текстуального пояснения к данной сцене. Исключение составляет гробница *Ftk-ti* (Абусир, 5/6 дин.), где говорится: "Плавание вниз по течению, чтобы [делать] *ššš-wiḏ* для Хатхор прекрасной, Госпожи сикоморы". Однако и эта надпись ничего не объясняет. Поэтому каждый

исследователь, который когда-либо занимался этой проблемой начиная с П. Монте и К. Зете, высказывал собственную версию интерпретации сюжета. В данном случае мы имеем дело с одной из больших египтологических проблем, когда ни тексты, ни изображения не дают желаемого ключа к объяснению, и тема остается, быть может, навсегда герметически закрытой.

5. Существующие трактовки можно разделить на несколько смысловых блоков:

- заросли папируса – образ первобытного творения, мир, в котором происходит ежедневное обновление жизни;
- в этой среде сила божественного творения оказывается яркой, преувеличенной и особенно эффективной, так что умерший, совершая плавание в зарослях в сопровождении супруги, приобщается к этой среде возрождения, гарантируя себе новое рождение в загробной жизни;
- значительную роль в этом играет богиня Хатхор, для которой совершается обряд *ššš-w'īd*, в различных своих проявлениях: как супруга бога Ра и мать Хора, оберегавшая его в священном месте Хеммис, и как корова, обитающая в зарослях папируса и принимающая умершего в свой мир, так же как маленького Хора, защищая и его; как богиня радости, опьянения, танца, любви, т.е. факторов, способствующих соединению умершего с супругой и продолжению жизни.

6. Сравнение рельефа и существующими трактовками сюжета *ššš-w'īd* позволяет с большой степенью уверенности утверждать, что на нем изображен именно этот ритуал. В пользу этого говорят следующие факторы: изображенные слева и справа несколько рядов папируса с порхающими над ними утками, что символизирует густые заросли; присутствие супруги и дочери; стебли папируса, которые преподносит умершему изображенный справа мужчина; нераскрывшаяся метелка папируса в правой руке умершего и, возможно, часть стебля папируса в его левой руке. Кроме того, наличие этой сцены в частной гробнице представляется естественным в контексте рассмотренных

выше интерпретаций, общий смысл которых сводится к идее возрождения умершего в загробной жизни.

7. Возможно, в Новом царстве смысл данного ритуала утрачивается, чем объясняется его исключительная редкость в частных гробницах, где он заменяется изображением охоты и рыбной ловли. Тем более необходимо подчеркнуть уникальность рельефа из Страсбурга.

Т.Я.Елизаренкова

(Институт востоковедения РАН)

О принципах перевода Ригведы

Принципы перевода текста с одного языка на другой определяются, во-первых, характером переводимого текста и, во-вторых, тем, на какую аудиторию рассчитан данный перевод. Переводчик должен с самого начала отдавать себе отчет в том, что все стороны оригинала передать в переводе невозможно, и установить для себя иерархию жертв.

Ригведа (РВ) является сакральным текстом, руководством к жизни целого народа, и это определяет основную задачу переводчика – попытаться передать внутреннее содержание этого текста: переводя сюжеты, лежащие на поверхности, истолковывать их в духе того содержания, которое делает текст сакральным.

РВ представляет собой образец древней индоевропейской поэзии, особенности которой изучаются более полутора веков – эти особенности важно сохранить в переводе.

РВ принадлежит к устной поэтической традиции, с чем связана формульность этого текста, причем формулы расположены в определенных местах метрической схемы, что желательно сохранить в переводе.

Исходя из статуса РВ как сакрального текста, переводчик должен стремиться прежде всего к тому, чтобы предельно точно донести до читателя содержание и не бояться дословности. Эта основная задача определяет и форму перевода, который можно определить как научно-литературный. По русскому переводу читатель должен получить адекватное представление о сути и последовательности в развитии мыслей оригинала. Этим

основным требованием диктуется и решение всех частных проблем при переводе РВ.

1). Проблема ключевых слов и формул, которые должны быть выделены для данного текста. Слова и формулы, кодирующие основные понятия модели мира авторов данного текста (их число может доходить до нескольких десятков), могут оставаться непереуведенными, и тогда пояснения переносятся в комментарий. Некоторые из них могут иметь удовлетворительный перевод; в этом случае желательнo стремиться передать значение ключевого слова в разных контекстах одним русским словом. Синкретизм значений ключевых слов в РВ находится в явном противоречии с тенденцией современных переводчиков толковать их как многозначные и дифференцировать отдельные их значения.

2). Проблема монотонности собрания гимнов РВ. Тенденция к повторению одних и тех же сюжетов и перепевов самой себя, характерная для гимнов РВ, должна быть полностью сохранена в переводе, т. к. она отражает архаичное назначение ядра этого события: исполнением гимнов во время словесных состязаний поэты-риши должны были помочь в конце главного годового цикла победе Космоса над Хаосом и восстановлению порядка во вселенной (Хиллебрант, Кейпер). Одни и те же сюжеты должны излагаться одними и теми же словами.

3). Проблема грамматики поэзии и ее передачи. Грамматика поэзии (термин, введенный Р. О. Якобсоном), или использование изобразительной функции языка для передачи определенной информации, играла огромную роль в поэзии риши. Сюда относится "изобразительная парадигма" имени восхваляемого божества (каждый стих или строка начинаются с какой-нибудь падежной формы этого имени) или соотносимого с божеством местоимения, звуковые намеки на имя божества (построение гимна в музыкальном ключе этого имени), магическая игра местоимениями, референты которых божество и его адепт. "Изобразительная парадигма" должна сохраняться и в переводе, и на ней держится передача стиха. Фонетическая изобразительная стратегия поэтов бывает обычно непереуведимой, и на нее остается только указывать в комментарии.

4). Проблема передачи грамматических категорий. Наибольшие сложности при переводе связаны с передачей грамматических категорий глагола, т. к. наряду с дифференцированной системой временных, видовых и модальных противопоставлений в РВ есть наклонение инъюнктив, которое никак не характеризует действие, а просто упоминает его (меморатив). Поскольку в современных индоевропейских языках такой граммеы нет, приходится толковать формы инъюнктива только по контексту.

5). Проблема неясности текста возникает при переводе РВ постоянно не только потому, что неясность заключена во многих местах морфологической системы ведийского языка, но также и потому, что она сознательно обыгрывается создателями гимнов при создании разного рода загадок (прежде всего – космогонических загадок брахмодья) и – шире – при разработке суггестивного стиля этого текста. Стиль использует особенности грамматического строя: самодостаточность флективных личных форм глагола, факультативность местоимения субъекта при личной форме глагола. Результат тот, что субъект действия часто приходится угадывать. Переводчики нередко дают однозначную интерпретацию, ставя обозначение субъекта в скобки. Осторожнее было бы толковать такие контексты в комментарии.

6). Проблема эллипсиса непосредственно связана с более общей проблемой неясности текста. Эллипсис, или опущение слова или части предложения, крайне распространен в РВ. При переводе так или иначе эллипсис приходится восстанавливать. Критерием для такого восполнения может служить как грамматическая характеристика имеющегося в тексте слова или согласования (согласующееся прилагательное есть, соответствующего существительного нет), так и контекст, узкий или широкий, при управлении (глагол есть, прямого дополнения нет) и примыкании (наречие-приставка есть, личной формы глагола нет). Тяжелый эллипсис встречается нередко при сравнениях. Переводчик должен, по-видимому, руководствоваться тем правилом, что восполнять в переводе в скобках можно только то, что было очевидным для риши и его аудитории. Если же можно предположить

намеренную неясность, то попытки ее интерпретации следует переносить в комментарий.

7). Проблема соотношения перевода и комментария входит в состав всех перечисленных выше пунктов.

Д.И. Жугаев

(Институт востоковедения РАН)

К некоторым вопросам анализа структуры раннебуддийских доктринальных текстов

Проблемы структуры текста литературных памятников ранней буддийской традиции являются ключевыми при любом научном обращении к этой группе произведений – будь то с целью извлечения из них данных исторического, лингвистического, философского или культурологического характера. Без понимания закономерностей "набора" содержательного материала в подобный текст, организации этого материала, без определенного представления о текстолингвистических и стилистических аспектах формы такого памятника, непосредственно связанных с особенностями его семантической структуры, с одной стороны, и с экстралингвистическими условиями его бытования, с вопросами техники (устного) исполнения текста и его передачи – с другой, невозможно делать никаких надежных выводов, основанных на его содержании. С этой точки зрения особенно интересным представляется изучение структуры текста канонических памятников ранних буддийских школ, произведений, являвшихся для их представителей "священным писанием" (*āgama*), а внутри этого класса – доктринальных памятников раннего буддизма.

Имеются в виду религиозные тексты, имеющие доктринальное содержание, излагающие в более или менее последовательной форме некий фрагмент буддийского учения, но, в отличие от позднейшей, принадлежащей отдельным школам, шастрической литературы, которая написана на той или иной разновидности технического, формализованного языка (типа "Абхидхармакоши", "Сатьясиддхи" и пр.), не соблюдают строгих правил

построения индийских научных сочинений, принципиально анонимны (хотя приписываются традицией Будде, его непосредственным ученикам и другим мифологизированным персонажам), а в филологическом отношении являются полностью (или частично) устными как по своему строению, так и по экстралингвистическим условиям своего порождения и первоначальной передачи. Многие, но далеко не все, из этих текстов относятся к жанру сутр. За неимением лучшего термина предлагается называть сочинения этого класса древним буддийским термином "дхармапарья" (*dharmaparyāya* – "способ, метод (обучения) Доктрине"). В своей совокупности дхармапарья образуют весьма своеобразную транслингвистическую знаковую систему (ТЗС – термин Р.Барта) внутри семиотического континуума ранних буддийских общин.

Существует достаточно работоспособная модель одной из отраслей устной литературы (эпических текстов) – устная теория М.Пэрри – А.Лорда. Однако тексты устные, но не нарративные, требуют иных подходов.

В настоящем докладе раннебуддийские доктринальные тексты рассматриваются с точки зрения техники исполнения (приводятся данные о передаче сакрального текста у ранних буддистов, в частности, у махасангхиков) и ее влияния на семантическую и формальную структуру произведения. Как основной механизм порождения дхармапарья выдвигается последовательность концепция – матрица – текст. Матрики (*mātrkā*) – численные списки понятий-компонентов буддийских доктрин, – неоднократно анализировались в контексте абхидхармистской проблематики, однако в докладе указывается на их более универсальную, структурообразующую роль в любом буддийском доктринальном тексте.

Разбираются единицы данной ТЗС и их иерархические отношения. Большие, чем предложение, единицы подразделяются на содержательные и формальные, первые из которых передают некие сегменты воплощаемой в тексте концепции, а вторые служат для заполнения "тела" сочинения определенным материалом. В качестве основной содержательной единицы ТЗС предлагается рассматривать "композиционный кусок" (термин условный) – отрезок текста, посвященный изложению одного понятия,

текстуально выраженного как одно слово (субстантив). Одной из формальных единиц являются текстовые модели – стандартизированные отрезки нарративов, стихов, описания, примеры и пр., служащие в архитектонике текста самым различным целям.

Произведения, на примере которых ведется изложение, включают раздел о десяти ступенях бодхисаттвы (*Daśabhūmika*) из "Махавасту" (*Mahāvastu*), один из наиболее архаичных текстов буддизма "Сутру поворота колеса Учения" (*Dharmacakrapravartana-sūtra*), разбираемую в палийской и в двух гибридных санскритских версиях, махаянскую "Дхармашарира-сутру" (*Dharmaśarira-sūtra*) и др.

И.В.Зайцев

(Институт востоковедения РАН)

"Уцелевшие среди растений и камней..."

(к интерпретации 4-й строки памятника
Тоньюкуку)

Памятники рунической письменности чрезвычайно скупо отражают легендарную этногонию древних тюрков. Этногонические мифы, как отмечалось исследователями, "до некоторой степени известны лишь в изложении иноземных источников, синхронных древнетюрским памятникам. Сведения иноземных наблюдателей, имевших прямые или опосредованные контакты с тюрками, уникальны, но возможности их использования ограничены недостаточной определенностью, а зачастую тенденциозностью изложения..."¹. Отсутствие в древнетюрских надписях каких-либо следов этногонических легенд не вполне понятно. Вероятно, подобные следы еще не выявлены.

Повестью о неудачном восстании тюрков против Китая в 679-681 годах², Тоньюкук пишет: "Тюрский народ ослабел, обессилел, сошел на нет. В стране народов тюрков и сиров не осталось (государственного) организма" (Т 1 W 3-4). Четвертая и пятая строки памятника посвящены выступлению Ильтереса, которое привело в результате к

восстановлению каганата. Yda tašda qalmys²y qubranyp, jüz bolty. Äki ülügi atlyg ärti, bir ülügi yadag ärti. Jäti jüz kisig uduzygma, ulugy, šad ärti ... "Оставшиеся среди деревьев и камней соединились, и составилось семьсот (человек). Две части у них были всадниками, а одна часть из них была пехотой. Тот, кто семьсот людей заставил (по)следовать, старший из них, был "шад"..."³

Возможно, строка 4 памятника Тоньюкуку представляет собой скрытую отсылку к преданию о происхождении рода Ашина, которое содержится в главе 50 "Истории Чжоу". Согласно этой легенде предки тюрков были истреблены соседним племенем. Оставшегося в живых десятилетнего мальчика, которого враги бросили в болото, отрубив ему руки и ноги, выкармливает волчица, ставшая впоследствии его женой. Мальчика все-таки убивают, а волчица, спасаясь, бежит в горы северо-западнее Гаочана (Турфанский оазис Восточного Туркестана), где в пещере, закрытой со всех сторон горами и поросшей внутри "густой травой на несколько сот ли окружностью", рождает десятых сыновей. В числе них был Ашина. Его потомок Асянь-шад выходит из пещеры и признает себя вассалом жужаней. В другой версии легенды Ашина под именем Асянь-шад становится старейшиной племени, вспрыгнув выше братьев на дерево.

Можно выделить несколько этапов в развитии сюжета легенды и отрывка из памятника Тоньюкуку: уничтожение племени, бегство уцелевших, которые спасаются в горной пещере-долине, поросшей густой травой, ("...уцелевшие среди растений и камней / в горах..."), шад – лидер, спасающий племя (Ильтерес у Тоньюкука / Асянь-шад – Ашина легенд).

Вероятно, такое скрытое "цитирование" этногенетического мифа в памятнике Тоньюкука было продиктовано соображениями политического порядка – оправданием претензий Ильтереса и его потомков на власть. Необходимо учесть особенность памятника Тоньюкука – его пристрастность и тенденциозность в описании описываемых событий; советник был вынужден отзываться о династии преувеличенно подобострастно. Весь эпизод – умело сконструированная параллель недавним событиям, призванная оправдать и укрепить право рода Ильтереса на каганский престол.

¹ Кляшторный С.Г. Древнетюркская культура в свете древнейших тюркских текстов. – Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 13. М., 1988, с. 105.

² Clauson G. Some notes on the inscriptions of Toñuquq. – *Studia Turcica*. Budapest, 1971, с. 126 – 131.

³ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М., 1951, с. 65.

С.А.Зинченко

(МГУ им. М.В.Ломоносова)

Золотые украшения из Чиликтинского кургана № 5: анализ художественной формы как метод интерпретации

Изобразительный ряд раннескифской культуры с присущими ему формальными и содержательными особенностями сложился и широко распространился по преимуществу в степях и лесостепях Евразии на протяжении I тыс. до н.э. Давно уже признано, что искусство скифского звериного стиля – очень заметное и яркое явление в истории культуры древнего мира, причем явление исторически своеобразное и самостоятельное. Наше обращение к материалу Чиликтинского кургана № 5 (Восточный Казахстан; раскопки С.С.Черникова, 1960 г.) не случайно: во-первых, это продиктовано его малой изученностью, во-вторых, опираясь на конкретный материал (комплекс золотых нашивок), можно попытаться определить место данного памятника в раннескифской культуре. В работе будут рассмотрены типологические характеристики образцов звериного стиля в данном их варианте (нашивные бляшки в виде оленя, орла и "пантеры"), их художественные особенности.

При рассмотрении предметов древнего искусства важно наряду с другими методами исследования источника обращение к анализу формы и изобразительного языка. Для получения полной информации о памятнике необходим подробный анализ художественного языка в качестве

изначально присущего тексту произведения искусства как такового. Элементы, составляющие художественную форму, – это особый язык материального источника: их расшифровка, выявление связей между собой способствуют раскрытию содержания текста данного памятника. Особенно это становится актуальным, когда специфика изучения источника связана с отсутствием письменных и малым количеством археологических данных.

Широко анализируя данный памятник с использованием всех формальных характеристик особого языка материального источника, мы позволим себе, обращаясь к формально-стилистическому анализу, придти к следующим выводам:

Анализ формы трех представленных вариантов изображения позволяет проследить определенные закономерности в построении формы и образа.

1. В изображении оленя интересно отметить следующее: линии в построении формы предмета всегда либо концентрические, либо стремящиеся к замкнутости. Это задает определенный ритм. Олень не статичен, т. к. постоянный ритм перетекающих форм создает свое, внутреннее, вечное движение. Все зрительное воздействие формы основано на передаче плавности, легкости полета. При этом создается эффект приложения для этого действия минимума усилий: через передачу реального обозначения движения показывается нереальность его происхождения. То есть состояние, в котором пребывает олень, двойственно: движение и полная неподвижность одновременно. Такое построение художественной формы делает образ амбивалентным: олень летит – не летит, спит – бодрствует, существует в мире реальном – и в мире ирреальном.

2. Образ орла подан более схематизированно, но работа с формой такая же: линия напряжена, динамична. В ней заложена большая энергичность формальной структуры: все в постоянном движении, одновременное перетекание одной формы в другую, большая сжатость изобразительных мотивов до определенных знаков (понятие "хищная птица" передается выделением наиболее значимых признаков – клюва, когтей). Как и в изображении оленя, здесь одновременное двойственное состояние покоя и энергии, кроме этого добавляется еще агрессивная сила.

Так как особенность нашивок с изображением орла заключается в сложной прорезной форме, это предполагает активное взаимодействие с фоном-тканью. Ткань принимается за исходную точку отсчета пространственного построения: данный образ как бы возникает из небытия. Выступая из мира ирреального, орел находится на границе двух миров, двух физических состояний, охраняя зыбкую, невидимую черту, отмеченную лишь его присутствием.

3. В образе "пантеры" соединяются особенности формального языка в построении образов оленя и орла: работа с выпуклыми и вогнутыми линиями, линия действует по принципу вечной пружины. "Пантера" как бы постоянно движется во времени (из небытия в бытие и обратно) и в пространстве. При этом постоянном движении сама "пантера" бездействует, замкнута в круг. Движение, выраженное самой художественной формой, не согласуясь с состоянием животного, приобретает характер ирреального, символического образа.

Итак, двойственность содержания (активность движения и одновременный покой), переданная формальными средствами при изображении вышеперечисленных образов, дает их одновременно в состоянии и жизни, и смерти. Нет границ между этими состояниями, переход происходит и мгновенно, и вечно. То есть задана цикличность, и таким образом достигается состояние неуловимости пространственных и временных изменений – это особенность архаического построения художественной формы.

Важно и то, что образ не существует в единичном экземпляре, а в его многочисленных повторениях (однотипные нашивки в виде оленей в количестве 14 штук, однотипные нашивки в виде орла – 9 штук) – множественность образа, полифония художественного текста есть как бы постоянное умножение информации, заложенной в отдельном образе.

Исходя из вышесказанного, художественная форма вполне может рассматриваться и как носитель определенной смысловой информации, а способы формального построения и их типологические особенности – как язык и стилистические особенности языка, создающие связный текст. Поэтому очень важно анализировать предметы древнего искусства с точки зрения языка формы

как в пределах одного предмета, так и в их соотношениях друг с другом. В связи с этим встает ряд следующих проблем:

Во-первых, изображение складывается из пластики, идет пластическое оформление идей, которые должны быть изображены. Но изображением конкретного обозначено абстрактное. Конкретное, характерное способствует возникновению целых информативных рядов. Через конкретное можно прочесть общие признаки: олень – парнокопытное, "пантера" – хищник, орел – птица.

Во-вторых, изображаются изолированные фигуры, объединение которых в единый текст осуществляется исключительно путем их "соположения". Отдельный образ, конкретный в воплощении и в обозначении (олень, орел, "пантера"), через название которых возникают целые информационные поля: олень-парнокопытное+"пантера"-хищник – земля – средняя зона; орел-птица – небо – верхняя зона. В этом случае огромная роль отводится композиции как способу построения текста материального источника.

Таким образом, дешифровка отдельных компонентов художественного языка и выявление связей между ними позволяет более конкретно подойти к раскрытию содержания памятника. Использование данного метода в комплексе с другими методами позволяет более тщательно выявить специфику исторического источника.

Вяч. Вс. Иванов

*(Институт теории и истории мировой культуры
при МГУ им. М.В.Ломоносова)*

Языковые свидетельства влияния скифского дуализма на славян

1. В той дуалистической картине мира, которая восстанавливается для древних иранцев, в том числе и восточных, в частности, для скифов, одним из главных противопоставлений было различие хороших и плохих явлений и вещей. Приводимые ниже данные языка дают основание предположить, что древняя индоевропейская оппозиция этого типа у славян претерпела изменение под воздействием носителей того скифского диалекта, из

которого развился современный осетинский язык. Можно предполагать, что славянский дуализм в целом исторически основан на преобразовании унаследованных индоевропейских двоичных противопоставлений под влиянием древнеиранских и последующих манихейских.

2. Еще князь Н.С.Трубецкой, продолжая наблюдение Мейе о влиянии иранской религиозной терминологии на славянскую, заметил, что речь идет именно о таком дуалистическом воззрении, которое выразилось в частности, в отрицательном переосмыслении индоевропейского имени бога дневного света; разные этапы этого развития значения можно видеть в слав. *div- ("дикий" – о зверях, принадлежащих богу), *dus-di > рус. "дождь" ("плохой день") и т.п. Дальнейшее обоснование этого наблюдения могло бы использовать этимологию группы слов, связанных с обозначением дневного света: скиф. хор- = *hvar (осет. хор- / xur- "солнце", ср. перс. xurset и т.п.). По гипотезе С.П.Обнорского и В.И.Абаева русск. "хороший" и др.-русск. Хорсь (имя бога) связаны в качестве древнего скифского заимствования с восходящим к тому же иранскому имени солярного божества осет. хорз / xwarz "хороший, добрый, добро", xwarz Nikkola добрый Никола (эпитет святого в мифологических песнях), алан. Hurz (язигское собственное имя; ср. китайскую передачу Хоу-р-ци имени аланского военачальника на монгольской службе, массагет. (в VI в. н.э. в Византии) Хорсамантис = осет. хорз- / xærz – amond- "наделенный доброй судьбой".

3. Представляется возможным найти объяснение из скифского и славянского обозначению противоположного отрицательного начала. Общеслав. *хидь "плохой, дурной", не имеющее удовлетворительной этимологии, разъясняется как раннее заимствование из скифского прототипа осет. fyd- / fud- "дурной". Осетинское слово является обычным антонимом хорз- / xwarz- в речениях типа fyd, хорз æm ma szur "ни дурного, ни хорошего ему не говори" (ср. типологически близкое "да" и "нет" не говорите" в русской детской игре); umæn хорзæi, fudæi qawdžyer næi "он не различает добра и зла"; хорз ma rakæn, æmæ fyd ma ssarai "не делай добра и не обретешь зла" (ср. новейшее русское "ни одно доброе дело не остается безнаказанным"); ср. также русск. "нет худа без добра" и т.п. Скифское слово часто используется в словосложениях, в осетинском сходных с

типом русск. "худо-сочный". В первой части таких сложных слов fyd- / fud- заменило иранские рефлекссы индоевропейского *dus- "плохой, злой": осет. fy- /ud-gænæg "злодей" и т.п. Некоторые контексты употребления осет. fyd- / fud- точно соответствуют древнеславянским - ср. осет. fyd-xoуз/xuz "тот, кто плохо выглядит, худой"; осет. fyd "плохой" (о лошади) и др.-русск. (новгород.) худ- в том же контексте и др. И перекодирование *fu- ~*ху- ср. передачу скиф. *huska=xusk'(æ)/xoysk' "сухой" посредством греч. Φόσκυ Птолемея в названии Сухого Лимана.

Предлагаемый подход к восстановлению скифских семантических соотношений на основании осетинских соизучен методом, использованным Э.А.Грантовским в тех его работах, где он привлекал осетинские материалы для реконструкции тех элементов общественного строя скифов, которые, как, например, агонистические поединки между двоюродными братьями, важны и для восстановления дуалистической организации, соответствовавшей, в ключе идей А.Хокарта и А.М.Золотарева, дуалистическому мировоззрению.

А.И.Иванчик

(Институт всеобщей истории РАН)

К вопросу о датировке скифского вторжения в Палестину

В одной из своих последних статей Э.А.Грантовский рассматривал проблему хронологии пребывания киммерийцев и скифов в Передней Азии. Я остановлюсь подробнее на одном из аспектов этой проблемы – датировке вторжения скифов в Палестину. Это событие хорошо известно из античной традиции, однако содержащиеся в ней его датировки явно недостоверны и основываются на достаточно поздних хронографических калькуляциях. Клинописным источникам скифское вторжение неизвестно, что, вероятно, связано с почти полным отсутствием ассирийских текстов, содержащих историческую информацию, для времени после начала 30-х годов VII в. до н.э. В этих условиях особое значение приобретают библейские данные. Еще в XVIII в. свидетельства античных

авторов о вторжении скифов в Палестину были сопоставлены с пророчествами Иеремии и Софонии об угрозе с севера, которые были при этом истолкованы как указание на скифов (прямо их пророки не называют). Тогда же были высказаны и возражения против такого толкования пророчеств, а в северных врагах было предложено видеть вавилонян; обе точки зрения имеют сторонников до настоящего времени. По существу вопрос о том, кто подразумевался под северной угрозой, сводится к проблеме датировки ранних пророчеств Иеремии, т. е. к вопросу о достоверности содержащегося в библейском тексте указания, что он начал пророчествовать в 13-й год правления Иосии (Jer. I, 2, XXV, 3 – 627/26 г. до н. э.). Пророчества Софонии датированы суммарно правлением Иосии). Наиболее радикальным противником ее аутентичности был К. Торри, считавший первые десять глав книги Иеремии псевдэпиграфом III в. до н. э., а в упоминаемых здесь северных врагах предлагавший видеть армию Александра Македонского. Эта точка зрения признания не получила, однако предложено датировать ранние пророчества Иеремии концом предпоследнего или началом последнего десятилетия VII в. до н. э., т. е. временем, близким к его поздним пророчествам, весьма распространено. В этом случае, действительно, толкование угрозы с севера как указание на вавилонян более чем вероятно. Напротив, если признавать аутентичность библейской датировки этих пророчеств (и, следовательно, длительный перерыв в пророческой деятельности Иеремии), такое толкование невозможно. В 627/6 г. до н. э. Вавилон, только что начавший борьбу за независимость и вовлеченный в войну с ассирийцами, еще не мог угрожать Палестине. Одна из вавилонских хроник, описывающая события 626-623 гг., сообщает о постоянных боевых действиях между Ассирией и Вавилоном, которые в течение всех этих лет велись с переменным успехом. Северная угроза могла в это время исходить только от скифов. Возражения против традиционной датировки ранних пророчеств Иеремии неубедительны; ряд отраженных в них деталей (широкое распространение идолопоклонства, поклонение "царице неба" и др.) соответствуют ситуации, существовавшей в Иудее до религиозной реформы Иосии в 621 г. до н. э. и вряд ли возможны в пореформенный период

его правления и даже в царствование Иоакима. Все это заставляет признать аутентичность датировки ранних пророчеств Иеремии 627/6 г. до н. э., а следовательно предполагать, что в них идет речь о скифах. Такое их толкование, очевидно, было известно уже раннехристианским авторам: в хронике Евсевия вторжение скифов синхронизировано с началом пророческой деятельности Иеремии. Следовательно, по мнению Евсевия или его предшественника (скорее всего Юлия Африкана), между этими событиями существовала связь, что трудно объяснить иначе, как признание того, что под угрозой с севера, о которой говорит Иеремия в ранних пророчествах, подразумеваются скифы. Эти пророчества, очевидно, были созданы до набега скифов на Палестину (хотя угроза такого набега в этот момент, очевидно, была вполне реальной), а не *post eventum*, поскольку в них идет речь о гибели Иерусалима. Скифы Иерусалим не разрушили, и для того, чтобы пророчество сбылось, пришлось ждать появления нового северного врага – вавилонян (возможно, именно то, что пророчество не сбылось, обескуражило Иеремию и заставило его надолго замолчать; по некоторым косвенным данным можно предположить, что он даже какое-то время считался лжепророком). Можно считать поэтому 627/6 г. до н. э. *terminus post quem* скифского набега. *Terminus ante quem* дают вавилонские хроники, подробно описывающие события 616-595 гг. до н. э.; отраженная в них ситуация исключает датировку скифского набега этими годами. Скифский набег на Палестину датируется, следовательно, между 626 и 616 гг. до н. э., наиболее вероятно – началом этого периода.

И.А.Калужская
(Институт славяноведения
и балканистики РАН)

Лексика современных балканских языков как критерий корректности палеобалканских реконструкций

Палеобалканские языковые реликты, дошедшие до нас в крайне фрагментарном виде, зачастую представлены набором разночтений, требующих дополнительного анализа для установления наиболее корректной формы. Так, дакийская глосса *μίζηλα* "θύμος, чабрец", зафиксированная в Лечебнике Диоскорида (Diosc. III, 36, RV) по другим кодексам имеет чтение *μίζολα* (АН) и *μόζουλα* (Di). Еще в конце прошлого века А.Пападопол-Калимах и Г.Точилеску, оперевшись на последнюю форму, связали указанную глоссу с рум. *măzăre* f. "горох; фасоль" и алб. *modhull(ë)* f. "вьющееся растение семейства Lathyrus arhаса, чина", отметив при этом несоответствие предмета наименования. Данное сопоставление не получило широкого признания по причине фонетических и семантических трудностей. Кроме того, следует отметить, что фиксации *μόζουλα* и *μίζολα* наличествуют в поздних и далеко не самых авторитетных рукописях, наиболее же надежное засвидетельствование *μίζηλα* имеет место в Константинопольском (VI в.) и Неаполитанском (VII в.) списках.

Этимологические интерпретации дакийской глоссы (< и.-е. **meig'h-* "мочить(ся)" – В.Томашек либо < и.-е. **mei-** **mi* "нежный, приятный" + **g'hel-* "растение, трава" – Д.Дечев) и современных балканских лексем (к и.-е. **mad-* "мокрый, сырой; течь, в том числе о жире; сочный, жирный" – Н.Иокль) сильно разнятся между собой, препятствуя попыткам интегрированного объяснения фактов разных хронологических уровней, очевидным образом связанных друг с другом. Между тем, на наш взгляд, такая возможность имеется. Перспективу в этом направлении открывает выдвинутое еще Г.Мейером и поддержанное Х.Педерсеном сопоставление алб. *modhull(ë)* с лит. *māžas* "маленький", *mōžis* "мелочь".

Более надежные основания для уяснения родственных связей рассматриваемых балканских лексем открывает привлечение традиционно связываемого с приведенными балтийскими формами слав. *mězъь* < **mēg'h-os*, восстанавливаемого на основе слав. **mēzinъь* "меньший, младший", **mēzinъь* "мизинец, младший сын". Прежде всего, указанные слав. соответствия тождественны алб. *modull(ë)* с точки зрения корневого вокализма (и.-е. **ē* > алб. *o*). Что касается содержательной стороны сближения, то в славянском материале, в частности в русских диалектах, обнаруживается проявление семантических потенций корня **mēg'h-* для названий растений: русск. костром. *мизюря* "рябина" (видимо, по малому размеру плодов), пск., твер. *мизюль* "изюм", курск. *мизюля* тж, вят. *мизюра* "изюм; мелкие огни, крапинки" при помор. *мизюра* "мизинец", свердл. *мизюнка* "сжа сборная".

Принимая во внимание весь семантический спектр продолжений —

и.-е. **mēg'h-*: с одной стороны, слав. "маленький, младший", особенно "младший ребенок в семье", лит. *mažylis* "маленький (о детях или молодых животных)", *mažylis* "маленький ребенок", с другой – алб. *modhull(ë)* "чина (растение семейства бобовых)", рум. *măzăre* "фасоль, горох", нельзя не вспоминать о весьма распространенном в разных индоевропейских традициях сказочном сюжете о рождении долгожданного ребенка (обычно маленького размера – "мальчика-с-пальчик", "доймовочки" и т.п.) или непосредственно из горошины, или в результате ее проглатывания.

К сказанному следует добавить, что рассмотренный случай наименования растений по "мелкости" их самих или отдельных частей и плодов носит изолированный характер, ср. использование в аналогичной функции производных слав. **malъ* с.-хорв. *малић* "вид сухой низкой травы" и пр.

Возвращаясь к непосредственно обсуждаемой проблеме, следует констатировать, что генетическая связь алб. *modhull(ë)* (resp. рум. *măzăre*) с гнездом слав. **mězъь* представляется достаточно надежно установленной. Остается проблема поиска решения, способного прояснить соотношение современных балканских форм с лак. *μίζηλα*. Рассматривая его фонетический облик, следует вспомнить,

что для греко-римских передач фракийских и дакийских языковых реликтов весьма характерна мена η/ε/ει/ι resp. e/i. В качестве показательного примера достаточно привести фракийское обозначение вина: ζελᾶς, ζήλας, ζειλά, ζίλαι < и.-е. *g'hēla. Подобное явление может быть связано как с относительно узким произношением ē во фракийском, так и с влиянием греческого итацизма. Исходя из сказанного логично предположить, что за ι в μίζηλα скрывается исконное *ē и вполне допустимо восстановление облика этого слова в виде *μ-ηζήλα, продолжающего уже рассмотренное нами и.-е. *mēg'h-. Форма типа *mēdzēla, отражающая и.-е. композит *mēg'h-g'hēla "мелкое, маленькое растение", вполне закономерно должна была развиться в алб. mōdhull(ē) (*ē > алб. o, безударное o сузилось в u) и рум. mǎzǎre (ē > a после губных, шипящих и аффрикат).

Наиболее уязвимую часть нашего построения разницу в денотате дакийской и современных балканских лексем не следует рассматривать как непреодолимое препятствие для их отождествления. Дело в том, что принципы народной классификации и номинации растений часто не совпадает с научной, а основываются совершенно на иных критериях: общность мест произрастания, внешнее сходство, одинаковое использование и т.п. В нашем случае таким объединяющим признаком могли быть мелкие цветы сходной окраски, мелкие листья, семена и под.

Э.Н.Кауров

(Евро-азиатское астрономическое общество)

Созвездие Дракона: древнекитайские свидетельства

Созвездие Дракона знакомо нам благодаря древнегреческой традиции, базирующейся на мифологии. Если судить о происхождении созвездия Дракона согласно Фламариону, одному из самых известных исследователей истории созвездий рубежа нашего века, то фигура созвездия Дракона была "нарисована" на небесной сфере уже после изображений Большой и Малой Медведиц, чтобы

заполнить существовавшую здесь пустоту путем соединения между собой всех главных звезд этой части неба.

В античной астрономии созвездие Дракона зафиксировано на карте Арата, относящейся к III в. до н.э., а также позднее, во II в. н. э., в каталоге Птолемея. Более древние свидетельства об этом созвездии, принадлежащие цивилизациям, так или иначе связанным с древнегреческой, туманны и противоречивы. Существует мнение о том, что в Древнем Египте II тыс. до н.э. часть созвездия Дракона называлась Крокодилом. В старовавилонский период астрономия отмечает, по-видимому, созвездия Дракон и Ярма, находящиеся на месте современного созвездия Дракона.

Наибольшее же количество более определенных, хотя и косвенных, свидетельств о созвездии Дракона можно найти, по-видимому, в древнекитайской астрономии и астрологии.

Дракон – один из центральных элементов древнекитайской мифологии. Его фигура вплоть до настоящего времени является древним, восходящим к тотемному, символом всей китайской нации и основополагающим, одним из ключевых – древнекитайской культуры Дао. В Древнем Китае изображения Дракона обнаруживаются уже на неолитической керамике. Образы Дракона и Феникса повсюду фигурируют в китайской культуре вплоть до настоящего времени, выполняя роль архетипической основы духовной культуры китайцев.

Известно (П.А.Старцев), что к началу периода Чжаньго (примерно 400 гдо н.э.) астрономы Древнего Китая разделили весь видимый небесный свод на созвездия. Созвездия были названы именами императоров, знатных вельмож, а также именами животных, растений, сельскохозяйственных орудий. Созвездие Дракона среди них не обнаруживается. Из 89 крупных созвездий, известных в то время, лишь три зодиакальных и семь внезодиакальных более или менее совпадали с европейской номенклатурой. Однако есть основания предполагать, что это подразделение неба на созвездия было вторичным и в основном соответствовало нуждам астрологии, служившей целям политики императорского двора Китая.

О более древних наблюдениях неба и выделении созвездий в Древнем Китае свидетельствуют древние

китайские источники, сохранившиеся или восстановленные после уничтожения конфуцианских книг по приказу императора Ши-хуан-ди в 213 г. до н.э. (например "Шицзин", "Шуцзин", "И цзин" и др.).

В современных исследованиях древнекитайской предфилософии и философии (А.Е. Лукьянов) можно найти утверждения о связи символа Великого Предела с символом Дракона и метаморфозами космоса.

С другой стороны, хорошо известна важность околополярного района неба, где находится созвездие Дракона, для древнекитайской астрономии эпохи Хань (Дж. Нидем).

Это сопоставление и, по-видимому, принципиальная взаимосвязь, находит свое подтверждение и на ритуально-пиктографическом, космографическом и отчасти астрономическом материале Древнего Китая той же эпохи.

Например, древнекитайская пятичастная космографическая модель, относящаяся, по мнению А.Е. Лукьянова, к среднему этапу развития мировоззрения родового общества Древнего Китая, соответствует астрономическому разделению небесной сферы на 5 участков, причем центральный участок символизируется как раз фигурой Дракона.

Таким образом, совокупность данных древнекитайской мифологии, философии, космографии и ритуально-пиктографического, а также астрономо-астрологического материала позволяет сделать вывод о том, что древнекитайской астрономии было знакомо созвездие Дракона, хотя в явном виде в эпоху Хань оно уже не фигурировало в астрономо-астрологическом описании созвездий небесной сферы.

И.С. Клочков

(Институт всеобщей истории РАН)

Письменная культура Месопотамии и "исторические" надписи ассирийских царей

В обстоятельствах, когда исследователя интересуют прежде всего содержание текста, исторические факты, всякий древний текст оказывается в известном смысле

"историческим", т. к. он несет информацию о прошлом; чем шире панорама событий, охватываемых текстом, тем, кажется, больше у него оснований называться историческим. Здесь нередко происходит произвольная подмена понятия "исторический источник" понятием "исторический текст", и в разряд "исторических" попадают тексты, вовсе не являющиеся таковыми. Перенос внимания с чисто содержательной стороны текстов на формальную, обращение к истории их возникновения как особого вида или "жанра" позволяет лучше увидеть их специфику и точнее понять рисуемую ими картину.

Возникшая под влиянием развитой системы учетных трехмерных символов (фишек), использовавшихся на Ближнем Востоке в IX – IV тыс. до Р. Х., месопотамская письменность изначально была предназначена для ведения операционного учета в крупных храмовых хозяйствах и для составления сменяемыми служащими хозяйственных служб храмов отчетности о своей деятельности. Такое происхождение письма и сфера его первоначального применения придали всей письменной культуре Двуречья некую "бухгалтерско-архивную" окраску.

Древнейшие памятники письменности Месопотамии представляли собой документы, фиксировавшие передачу имущества, – описи предметов, полученных или выданных храмовыми складами. Как правило, это голые перечни передаваемых предметов – ни характера операции, ни ее участников записать неразвитым архаическим письмом было невозможно. Сходный "реестровый" вид имели и ранние учебные тексты (силлабарии, списки терминов, названий городов, рек и т.п.), по которым будущие администраторы обучались письму.

По мере усовершенствования письма и расширения его возможностей применение этой новой техники хранения-передачи информации выходит за рамки храмового хозяйства. Письменность начинают использовать для регистрации сделок между частными лицами или коллективами (среди прочего – для изготовления документов на куплю-продажу земли) и для составления посвячительных надписей, которые по существу также констатируют акты передачи имущества.

Древнейший вотивный текст – имя "Мебарагеси" на алебастровом сосуде, установленном в небольшом

святилище. Объект дарения, получатель дара и акт дарения определялись "контекстом" ситуации – самим фактом принесения сосуда в храм данного божества; назван лишь один даритель. Очень рано вырабатывается формула, по которой строятся посвяжительные и строительные (как разновидность первых) надписи: "Правитель такой-то богу такому-то (то-то) (ради того-то и того-то) подарил/построил". Эта формула сохраняется два тысячелетия, происходит лишь развертывание всех ее членов: божество получает множество лестных эпитетов и т. п., перечисляются титулы правителя и сообщается о его заслугах перед богами и людьми, что иногда занимает сотни строк, подробно описывается объект дарения или ход строительства храма.

Именно такими разросшимися посвяжительными (строительными) надписями являются многие так называемые исторические надписи, или "анналы", ассирийских царей. Материал ассирийских царских надписей дает возможность проследить процесс превращения лаконичных вотивных текстов в пространные повествования о деяниях того или иного правителя, в многословии которых уже не просто выявить основную формулу всего текста. В Ассирии самые ранние включения царских деяний в посвяжительные царские надписи мы находим у Илу-шумы (ок. 1950 г. до Р. Х.): "...свободу аккадян он установил". Шамши-Адад I (1813-1781 гг. до Р. Х.) вслед за описанием восстановления храма Энлила сообщает о ценах на зерно и шерсть в момент строительства (любопытно, что цены явно занижены – либо в надписи, либо они были искусственно снижены на время строительства храма). Включение родословной с перечислением военных подвигов предков и своих собственных впервые встречается у Адад-нарари I (1307 – 1275 гг. до Р. Х.) и затем продолжается, все расширяясь, вплоть до Ашшурбанапала.

Пространные тексты ассирийских "анналов", описывающих год за годом военные кампании царей, не имеют, на наш взгляд, ничего общего с историей. Это не результат каких-либо разысканий, специального обращения к прошлому в поисках фактов, а отчет о "современном положении дел" (время от времени дополняемый и подправляемый), целью которого было

представить на суд богов и потомков облик царя в самом выгодном для него (как это понималось) свете. Элементов политической пропаганды в таких текстах мы также не упустили.

Включение перечня деяний царя в текст посвяжительной/строительной надписи могло быть способом самоотождествления и самоописания, указанием на дополнительные заслуги дарителя (помимо пожертвования или строительства храма, канала и пр.) и, наконец, извещением божества о событиях царствования, "отчетом о работе", проделанной дарителем. В любом случае это не история. Исторические разыскания и исторические тексты (хоть они и могут быть названы так лишь с оговорками) появляются в Месопотамии в позднее время и вне связи с царскими надписями.

В.Б.Ковалевская

(Институт археологии РАН)

Скифы и сармато-аланы в Западной Европе

(I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.)*

1. Проблема исследования происхождения и расселения народов на основании сопоставления данных истории (анализ письменной традиции), лингвистики (сравнительно-историческое исследование языков, культурной лексики, ономастики, топонимики и т.д.), археологии (изучение материальной культуры в качестве показателя передвижений) и биологии (палеантропология, генетика) является одной из важнейших в историческом знании.

2. Выбор скифов и сармато-алан в качестве объекта исследования продиктован массовостью, разнообразием и высоким уровнем изученности археологических материалов, характеризующих культуры этих народов в зоне их основного бытования в причерноморских степи и лесостепи и на Северном Кавказе.

* Подготовлено при поддержке РГНФ, проект "Иранцы в Древней и Средневековой Европе: Комплексное археолого-генетическое исследование" (код 96. 01.00067).

3. Сведения об их продвижении в Центральную и Западную Европу характеризуются относительной четкостью исторических, лингвистических и этнографических данных и многие десятилетия, начиная с работ Ю. А. Кулаковского, М. И. Ростовцева и Г. В. Вернадского, являются предметом исследования ряда археологов и историков (В. Васильев, Я. Хороховский, М. Пардуц, Й. Вернер, И. Ковриг, Б. Бахрах, О. Менчен-Хелфен, А. И. Мелпокова, В. А. Кузнецов, В. Б. Ковалевская и др.).

4. В последнее время в археологической литературе исследователи обращают особое внимание на характер передвижения народов и их отдельных групп и на разрешающие возможности археологических материалов для выявления специфических форм этих передвижений. Таких как *demic diffusion* – медленная колонизация семейно-родственными группами, *folk migration* – то, что мы привыкли называть "переселениями народов", *elite dominance* – проникновение "верхушки", становящейся господствующей на захваченной территории, и *infiltration* – когда проникают, занимая далее подчиненное положение, небольшие группы населения. По меньшей мере три формы переселений из четырех, если не все, мы можем наблюдать в Европе, анализируя передвижения иранцев на запад на протяжении полутора тысячелетий.

5. Несмотря на то, что яркость рассматриваемых культур всегда привлекала к ним внимание как любителей, так и специалистов, на современном уровне наших знаний мы не можем быть удовлетворены классификацией основного археологического материала – погребального обряда, оружия, орудий и украшений. "Работающая" до сегодняшнего дня и ставшая классической типология скифского вооружения А. И. Мелпоковой подвергнута в настоящее время авторской переработке с учетом всех появившихся за последние три десятилетия новых материалов и локальных классификаций. Переработана соответствующим образом и типология всех анализируемых материалов.

6. Таким образом, применяется единая классификация, пригодная для обобщения и сопоставления между собой материалов на обширных пространствах от Кавказа до Среднего Дуная, настолько дробная, что

позволяет отделить аналогичные артефакты от подражаний, причем и последние можно ранжировать по степени их сходства с оригиналом.

7. Особенностью подхода к поставленной теме является не только глубина анализа, но и полнота привлеченного материала в рамках трех основных хронологических срезов иранских передвижений в Европе: скифы VII-V вв. от Кавказа до Подунавья; сарматы I в. до н.э. – I в. н.э. от Приаралья до римского лimesа (включая последний); аланы IV-V вв. от Северного Кавказа до Галии, Италии, Испании и Северной Африки (более 2000 памятников, введенных по координатам в компьютер, составляют несколько баз данных).

8. Основным методом анализа древних иранских передвижений является метод компьютерного географического картирования, разрабатываемый проф. Ю.Г. Рычковым в рамках международного научного гранта "Разработка технологии создания компьютерных региональных археологических атласов (ранний железный век и средневековье – иранские племена в Европе)". Благодаря применению этой методики с помощью непрерывной интерполирующей функции создаются количественные картографические модели распределения ряда руководящих форм оружия и украшений рассматриваемых археологических культур в их географической полноте. Мы покажем, к каким результатам приводит математическое трансформирование ряда карт различных типов и категорий инвентаря в обобщенную карту, что далеко выходит за возможности принятого в археологии ареального метода (анализ и совмещение ареалов артефактов по изопраграмм и плотности).

Компьютерная технология создания археологических карт позволяет отразить географический ход исторического процесса (в частности постепенного освоения окружающего географического пространства скифами и сармато-аланами в древности) в тот период истории, который особенно насыщен разными формами перемещения народов, распространением идей, "диалогами культур", импортом, заимствованиями и их переосмыслением.

П.М.Кожин
(Институт Дальнего Востока РАН)

Хронология доциньских памятников Китая и центрально-азиатские датировки

1. До-Циньский период в синологической историографии соотносится либо со всем временем Чжоуской династии (с XII-XI по III вв. до н.э.), либо только с Восточным Чжоу (VIII-III вв. до н.э.) и даже с заключительным этапом последнего – эпохой Чжаньго (V-III вв. до н.э.), т. е., в пределах территории древнекитайских царств – это исключительно археология исторического периода.

2. Когда вехи истории уже заданы документальной письменной традицией, археологические исследования могут развиваться в двух планах: либо как материальная иллюстрация этой традиции, либо как формирование самостоятельной системы археологических обобщений, ничем принципиально не отличающейся от систематизации, хронологизации и структурирования археологических материалов доисторического прошлого, и лишь на уровне выводов сопоставляемой (и не всегда правдоподобно сопоставимой: процедура приравнивания и критики противопоставляемых исторических и археологических данных и фактов может становиться, как в ближневосточных и древнеевропейских исследованиях, особой отраслью науки) с результатами исторических наблюдений.

3. Китайская археология раннеисторических периодов изначально сформировалась как контаминация этих двух подходов, что обусловлено многовековым развитием антикварно-археологических исследований, проходивших исключительно в рамках исторической традиции, и механическим присоединением к ней западных методик научной археологии.

4. Первый опыт построения сквозной археологической хронологии Чжоуской эпохи, предпринятый Чжэн Дэкунем (1963), показал общую направленность типологических изменений материальной культуры Чжоу в пределах историко-политического пространства древнекитайских царств и наметил основы

ареального деления культуры с учетом особенностей инвентаря и погребальной обрядности. Однако ограниченность данных строго научных раскопок не дала автору возможности расставить четкие константные хронологические рубежи и ареальные границы для определенных видов хронологически чувствительных и резко меняющихся по типологическим показателям изделий. Ли Сюэцинь (1985), хотя и перенес основное внимание с общерегиональных на ареальные процессы, но аргументировал их преимущественно историческими данными. Общерегиональные хронологические константы для периода VII-III вв. до н.э., были выявлены Г.Вебером (1973) при анализе металлической ритуальной утвари инвентурного и удельно-династического уровня, а крупные ареальные деления документируются работой Р.Фельбера (1973), определившей для VIII – V вв. до н.э. распределение по территориям удельных "царств" и окружающей их "варварской" периферии "монетных" ножей, втульчатых кельтов и золотых слитков (первые две категории предметов, очевидно, были знаками оплаты сельскохозяйственных повинностей). В целом датировки археологических комплексов слабо пока ассоциируются с точным астрономическим датированием исторических документов и остаются расплывчатыми и непоследовательными.

5. Вопрос о датировках памятников на северной и северо-восточной периферии древнекитайских царств и самый факт реальности существования в этих местах регулярной системы уделов до VI-V вв. до н.э. остаются весьма проблематичными, несмотря на огромную исследовательскую активность в этих ареалах в первой половине 1970-х годов. Даты комплексов Байфу, Наньпаньгеня, Люлихэ, Мэйлихэ и др. очень приблизительны, требуют жесткого обоснования, и строить на отдельных вещах из этих памятников типологические ряды и далеко идущие историко-культурные выводы по меньшей мере преждевременно: основы трансевразийской хронологии они не могут поколебать.

6. Маркирующими вехами этой хронологии в бронзовом веке и позднее остаются: сейминско-турбинский период (с реминисценциями в Аньяне); карасукско-ордосские находки; скифо-сакские комплексы (быть может,

выстраивающиеся в несколько последовательных волнообразных этапов: дериваты раннего – в Чжаньго); памятники сюннуско-гуннских экспансий (маргинальные следы – в Синьцзяне и на севере Монголии, Тува, Алтай). Уточнения датировок и последовательности расселения подвижных групп требуют большой и всесторонней аналитической работы с добросовестным учетом всех имеющихся данных по всему пространству региона.

Г.Ю.Колганова

(Институт востоковедения РАН)

Ассирийский скульптурный рельеф: от ритуала к раннеисторическому описанию

Адекватное прочтение изобразительных текстов ассирийских рельефных композиций безусловно невозможно без привлечения внешней по отношению к этим текстам информации, и прежде всего – без анализа современных им текстов царских анналов, иллюстрациями к которым первые обычно и считаются. Однако в равной степени невозможна и правильная интерпретация "исторических" текстов анналов ассирийских царей без сопоставления их с изобразительными повествованиями приемных покоев царских резиденций. Важно отметить, что появление рельефных композиций и рождение анналистики в Ассирии – параллельные и неразрывно связанные процессы, взаимодействия и отношения между которыми позволяют проследить важные изменения в породившей эти тексты культуре. Ассирийские источники, говоря словами К. Ясперса, фиксируют "самый крутой поворот истории", качественный сдвиг в развитии исторической мысли – поворот от космологии к раннеисторическому описанию. Для Ясперса это "осевое время" пролегало между 800 – 200 гг. до н.э. Ассирийский материал позволяет проследить качественные изменения в самосознании жителей древней Месопотамии и осознании ими окружающей действительности, происшедшие между IX и VII вв. до н.э.¹

В рамках одной культуры тексты словесные и тексты изобразительные не могут быть не связаны. Но механизм их связи может существенно изменяться с течением времени,

фиксируя тем самым изменения, происходящие в культуре. Ассирийские рельефы первой половины IX в. до н.э., как и тексты анналов Ашшурнацирапала II, служили для выражения общих идей и достижения общих целей, но каждый по-своему. Рельефы не были иллюстрациями конкретных частей письменного текста. Скорее, оба текста (изобразительный и словесный) являлись вариантами воплощения текста другой знаковой природы – текста ритуала. Постепенно же связь между рельефными композициями и текстами анналов становится более непосредственной, вплоть до возникновения в ассирийском "искусстве" прямой иллюстрации. При внешней схожести схем и композиционных элементов с более ранним периодом к VII в. до н.э. существенно изменяются и сами тексты, насыщаясь подробностями, уже не работающими на прочтение за предлагаемыми повествованиями четкого ритуального действия. Постоянно, начиная с VIII в. до н.э., нарастает интерес (тщательно фиксируемый в особенности изобразительными текстами) к инокультурным явлениям, способствующий превращению ассирийских рельефных композиций в исторические зарисовки.

Выбранный для анализа материал позволяет началом принципиальных изменений в рассматриваемой культуре считать середину – вторую половину VIII в. до н.э. (время правления Тиглат-паласара).

III). Принципиально важным в данном случае оказывается то, что независимый анализ месопотамских источников другого характера дает ту же дату – середину VIII в. до н.э.², что позволяет автору надеяться на объективность собственных наблюдений.

¹ IX в. до н.э. – несколько условная дата, т. к. все еще принято считать, что именно в это время появляются первые ассирийские монументальные рельефные композиции. Автор доклада придерживается другой позиции, но в силу того, что изменения, имевшие место между серединой XIII в. и началом IX в. до н.э., согласно обнаруженным данным, незначительны, то IX в. может быть принят за точку отсчета.

² См., например.: Г. Е. Куртик. Наблюдение и его интерпретация в астрологии и астрономии древней

А.А.Крол

(Институт востоковедения РАН)

Титулатура чиновников как источник по древнеегипетскому празднику Седа

Праздник Седа, хеб-сед (или юбилей, как его называют в западной египтологии), был одним из центральных государственных праздников в древнем Египте. Однако многое в нем остается неясным в силу того, что ученый, занимающийся изучением хеб-седа, обладает сравнительно небольшим количеством разновременных и разнохарактерных памятников.

Основным и важнейшим источником по хеб-седу являются, безусловно, царские надписи. Но не меньший интерес представляют памятники, оставленные участвовавшими в юбилее чиновниками, чья роль в празднике отражалась прежде всего в их титулатуре.

Некоторые из этих титулов не содержат слова *hb-sd* и тем не менее определенно свидетельствуют, что носившие их вельможи в нем участвовали. Это титулы *rp^c.t r ḥd Gb l rp^c.t* (относящийся к белой часовне Геба); *rp^c.t r wšht / rp^c.t* (относящийся к трем цоколям большого двора); *hrp nsty* (тот, кто ответственен за оба трона). Первые два титула были всесторонне проанализированы В. Хелком (*Rp^c.t auf dem Thron des Gb; Orientalia 19, 1951*). Его выводы были дополнены исследованием К. Вандерслесна, изучившего титул *hrp nsty* (*Vice-roi Merimose à Silsila; CdE 1968, 1968, T34 № 86*). Ученые пришли к выводу, что эти титулы, по крайней мере при Аменхотепе III, безошибочно указывают на участие чиновника в царском юбилее.

Особенно интересна надпись Меримосе в Джабель-эль Сельсила, где упоминается его титул *hrp nsty m Hnt-hn-nfr* "тот, кто ответственен за оба трона в Hnt-hn-nfr". Согласно надписям того же чиновника в Асуане и Томбосе

(*UrK IV, 1933*), он осуществлял ритуал "целования земли для бога благого (т. е. для фараона) ... в городах южных" и был "распорядителем нагорных стран южных". Сходную титулатуру мы находим и у другого вельможи Аменхотепа III, Хамуасета, на его парной с женой статуе из Бубастиса": "... начальник луков, распорядитель нагорных стран северных, приходящих просителями в первый хеб-сед" (*UrK IV 1932*).

Таким образом, учитывая, что оба чиновника (Меримосе и Хамуасет) играли важную роль в юбилеях Аменхотепа III, и район первого порога и Бубастис отмечены многочисленными разновременными хеб-седными памятниками (что указывает на их особую роль в этом празднике), можно предположить, что в правление Аменхотепа III на "окраинах" Египта в ходе празднования юбилея осуществлялись одинаковые ритуалы, связанные с выражением покорности иноземных народов.

Е.Е.Кузьмина

(НИИ Культуры)

Комплексный анализ исторических источников в целях этногенетических реконструкций (на примере индоиранцев)

Среди многообразных и широких интересов Э.А.Грантовского одно из первых мест принадлежало проблеме этногенеза и расселения иранцев и шире – индоиранцев.

При решении этой проблемы в современной науке используются различные методы реконструкций.

I. Рассмотрение вопроса о прародине индоиранцев как части комплексной проблемы происхождения индоевропейцев, решаемой или на основании прежде всего лингвистических данных (Т.В.Гамкрелидзе, В.В.Иванов, 1984; Д.Меллори, 1989), или путем спекулятивного перебора различных вариантов миграций (К.Ренфрю, 1987).

II. Определение прародины индоиранцев на основании сопоставления с отдельными географическими феноменами: Тилак – на Крайнем Севере по

предполагаемым полярным сияниям, Н.Л.Членова (1983, 1989) – на Урале.

III. Установление прародины на основании совмещения карты индоиранских топонимов и гидронимов с картой археологических культур: срубной – С.С.Брезанская (1982), андроновской – Е.Е.Кузьмина (1981, 1994), Н.Л.Членова (1989).

IV. Определение прародины индоиранцев ретроспективным методом на основании связи с культурой сако-скифов.

V. Определение прародины индоиранцев или этническая атрибуция культур на основании соотнесения отдельных черт погребального обряда, фиксируемого археологически, с погребальным обрядом, засвидетельствованным в индоиранской литературе: связь Тагискена с иранским ритуалом – Л.А.Лелеков (1972); отнесение Синташтинского могильника к индоариям – В.Ф.Генинг (1977).

VI. Сопоставление с культурой иранцев или индоиранцев отдельных археологических признаков, вырванных из культурного контекста, и соотнесение на этом шатком основании культуры индоиранцев с конкретной археологической культурой или культурами. Этим "методом" культура индоиранцев или индоариев соотносилась или соотносится различными исследователями с культурами индо-переднеазиатского круга, с культурой Хараппы - Мохенджо Даро в Индии (С.Вивикананд, Шри Ауробиндо, Б.Амбедкар, Д.Сварди, Ш.Талагери, К.Сетна, С.Мишра [1993, 1994], Р.Дас [1995]); с культурой черной керамики Ирана (Ж.Дейе [1969], И.Н.Хлопин [1970, 1983], Г.Н.Курочкин [1988]); с неоткрытой культурой Восточного Ирана и Бактрийско-Маргианским комплексом (В.И.Сарианиди [1987, 1990]); с синташтинским комплексом и его предполагаемыми бактрийско-маргианскими истоками (Ф.Хиберт, Н.Шишлина [1996]); с синташтинским комплексом и его предполагаемыми истоками в Сиро-Анатолии (С.А.Григорьев [1995], А.Д.Пряхин [1996]) или с культурами степей Евразии – катакомбной (Л.С.Клейн [1980]), абашевской (А.Д.Пряхин [1977], Н.Р.Гусева [1977]), погатовской (И.Б.Васильев, П.Р.Кузнецов, А.П.Семенова

[1994, 1995]), петровско-синташтинской – (Г.Б.Зданович [1992]).

Сам разброс выводов исследователей и невозможность конструктивных дискуссий указывают на методическое несовершенство указанных подходов.

Наиболее конструктивным и методически совершенным представляется подход, предложенный Э.А.Грантовским в 1981г.: выявление на основании данных письменной традиции культурно определяющих признаков индоиранского комплекса материальной культуры и установление их археологических соответствий в археологических культурах Старого Света II тыс. до н.э. Используя этот метод, Э.А.Грантовский установил, что культурно определяющий признак – керамика – изготавливалась древнейшими индоариями способом ручной лепки, что исключает соотнесение их культуры с любыми археологическими культурами II тыс. до н.э. индо-переднеазиатского круга и позволяет соотносить их только с кругом евразийских степных культур. В дальнейшем был значительно расширен комплекс анализируемых признаков (Г.М.Бонгард-Левин, Э.А.Грантовский [1983], К.Ф.Смирнов, Е.Е.Кузьмина [1977]).

В настоящее время разработан комплексный метод сопоставительного анализа категорий материальной культуры индоевропейцев, реконструированной по письменным памятникам (прежде всего, в трудах В.Рау [1972, 1974, 1975, 1983] и Т.Я.Елизаренковой [1982, 1989, 1996]), категориям материальной культуры, фиксируемым археологически, и, что крайне важно, предложены методы верификации полученных результатов с использованием широкого круга исторических источников (Е.Е.Кузьмина [1988, 1994]).

С.В.Куланда

(Институт востоковедения РАН)

К семантике индоевропейских терминов родства*

Реконструируемую для праиндоевропейского (ПИЕ) систему терминов родства обычно подразделяют на две подсистемы: 1) термины для обозначения кровного родства и 2) термины для обозначения свойственников.

При этом разъединяются морфологически сходные (например, оформленные одним суффиксом) термины и объединяются несходные. Между тем, "значительно более эффективен анализ не искусственных, а естественных подсистем, выделяемых на основе общности формальных языковых признаков, а не на основе наших субъективных представлений о членении мира" (К.В.Поздняков). Поэтому ниже рассматриваются реконструируемые ПИЕ термины родства, оформленные суффиксом **-tēr*, который Э.Бенвенист считал показателем лексического класса терминов родства, а именно **patēr* (традиционно реконструируемое значение – "отец"), **mātēr* ("мать"), **bhrātēr* ("брат"), **dhugatēr* ("дочь"), и **ienātēr* ("ятровь").

Анализ рефлексов приведенных выше этимонов показывает, что в древних языках их рефлексы были не столько терминами родства, сколько показателями принадлежности к определенным некровнородственным группам. ПИЕ **bhrātēr* никоим образом не является термином родства, а его греческий рефлекс употребляется исключительно во множественном числе. Рефлексы ПИЕ **ienātēr* употребляются в греческом, по преимуществу, а в латинском исключительно во множественном числе. Латинский рефлекс ПИЕ **patēr* мог означать, причем без всяких дополнительных уточнений, "сенатор" (обычно также во множественном числе – "сенаторы" – *patres*). Таким образом, семантическое поле рефлексов интересующих нас терминов явно указывает не на индивидуальную генеалогическую систему родства, а на иную, не генеалогическую, классификацию. В то же время

* Работа выполнена при финансовой поддержке международного фонда "Культурная инициатива".

*patēr и **mātēr*, очевидно, являются производными от слов "детского" языка (ср. русские "папа" и "мама").

Можно предположить, что ПИЕ **patēr* возникло как обозначение принадлежности к возрастному группированию зрелых мужчин, наделенных правом и обязанностью иметь потомство (на что указывают рефлексы со значением "отец"), представители которого занимали главенствующее положение в обществе (откуда значение "сенатор"). Соответственно словом **bhrātēr*, видимо, обозначалась принадлежность к возрастному группированию молодежи (ср. деление на "старших" и "младших" мужчин у аборигенов Австралии). Двум мужским возрастным группам соответствовали две женские, в рефлексх которых реконструируемое здесь значение менее всего выражено, что неудивительно, учитывая преобладающую социальную роль мужчин, препятствующую превращению обозначений принадлежности к женским половозрастным группам в титулы. Однако и здесь положение не безнадежно. Как показал Бенвенист, к ПИЕ **dhugatēr* восходят древнеперсидское **duxssi* (из **duxšrī*), сохранившееся в эламской передаче *du-uk-ši-iš*, и среднеперсидское *duxš* – принцесса (ср. арм. *dšhoy* – "царица"). Еще одна группа, принадлежность к которой обозначалась словом **ienātēr*, включала женщин, взятых членами данной общности в жены из другой экзогамной общности. Видимо, в праиндоевропейском обществе господствовало не индивидуальное генеалогическое и даже не классификационное родство, а групповой принцип счета социального родства, при котором важна была не общность происхождения, а общая принадлежность к одной половозрастной группе, для обозначения которой существовали специальные термины. Именно они с развитием социальных отношений и эволюции счета родства могли осмысляться в качестве терминов родства, с одной стороны, и титулов – с другой. Соотношение данной подсистемы с прочими этимонами, реконструируемыми как термины родства, требует дополнительного изучения.

**Система источников по истории и культуре
Центральной Азии (древность)**

1. Центральная Азия (в данном случае рассматриваются Средняя Азия и Восточный Туркестан – Синьцзян-Уйгурский Автономный район КНР) в эпоху древности (VII – VI в. до н. э. – VII – VIII в. н. э.) – страна необычайно богатой и сложной истории.

2. Для изучения истории и культуры древней Средней Азии наука располагает большой совокупностью источников. Помимо естественно-научных (четвертичная геология, палеогеография, палеоклиматология и др.), это письменные (в том числе эпиграфические), лингвистические, фольклорные, этнографические, антропологические, нумизматические и археологические (в том числе памятники архитектуры и искусства) источники.

3. Письменные источники начинаются с "Авесты", время и место составления которой – предмет дискуссий. Из источников на иранских языках назовем древнеперсидские источники, важные для изучения VI-IV вв. до н.э.; среднеперсидские – III-VIII вв. н.э.; новоперсидские, написанные в X-XII вв. н.э. отражают древнюю эпическую традицию. Хорезмийские надписи и документы относятся к III-II вв. до н.э. – VII-VIII вв. н.э.; согдийские – к IV-VIII вв. н.э.; бактрийские – ко II-VIII вв. н.э.; хотано-сакские – к VIII-X вв. Среди ираноязычных документов значительную часть составляют документы центральноазиатского происхождения, что делает их исключительно важными. Из местных источников следует упомянуть тохароязычные (V-X вв. н.э.); местные памятники письменности представлены индийской эпиграфикой из Средней Азии, документами и рукописями из Восточного Туркестана; имеются также сообщения в сочинениях, написанных за пределами Центральной Азии (II-III – IX-X вв. н.э.); то же самое можно сказать о тибетских и древнетюркских источниках. В китайских летописях и других сочинениях, в частности описаниях буддистов-паломников, в китайской эпиграфике в Синьцзяне и Средней Азии и документах оттуда же – огромное количество сведений по истории и культуре.

Длительную (с VI-II вв. до н.э. – до VI-VII вв. н.э.) традицию имеет отражение истории и культуры Средней Азии в античных исторических и географических сочинениях. Кроме того, имеются арабские, сирийские, армянские, древнееврейские и другие письменные источники. Отметим территориальную, хронологическую и жанровую неравномерность сведений письменных источников; огромные хронологические и территориальные лакуны; сложности, порой непримиримые, при сопоставлении разноязычных источников и т. д. Тем не менее совокупность письменных источников дает возможность наметить для ряда регионов контуры политической, этнической, а иногда и социально-экономической и культурной истории.

4. Лингвистические данные – в той мере, как они уже разработаны лингвистами, – дают возможность судить о прародине и передвижениях отдельных племен и народов, их взаимоотношениях с этническим субстратом и соседними народами. Так, например, характеристика тохарского языка и изоглосс, разделяемых тохарским и другими индоевропейскими диалектами, дает представление о прародине его носителей и путях их передвижения. То же самое – хотано-саки и тюрки. Выявление тохарских слов в языке индийских документов из Нии и Лоб-Нора позволяет судить о первоначальном расселении тохарских племен, а языковые контакты с китайским – о времени их расселения на границах Китая. Анализ языка нисийских надписей выявляет отражение в них римской военной терминологии, расширяя представления о судьбе римских племен в Парфии. Исследование хотано-сакского языка обнаружило пласт лексики, отражающей древнеиранские верования у буддийского населения, и т. д. Специально следует отметить все еще незначительные по размаху топонимические, специально гидронимические исследования.

5. Фольклорный источник – отражение древних исторических явлений в современном и, особенно, в средневековом эпосе и преданиях. Наибольшее значение имеет "Шах-намэ" Фирдоуси. Отражение исторических пластов и событий в "Шах-намэ". Сакский и парфянский эпос. Согдийский фольклор. В современном фольклоре и этнографии, запечатлевших новейшие реалии развития духовной культуры, есть многочисленные реликты древних верований и представлений (например, в представлениях о

Земле и Солнце у таджиков и памирцев). Этнографические материалы очень важны для понимания древнего хозяйства и образа жизни (кочевого, полукочевого и оседлого), древней семьи и др.

6. Антропологические, в том числе палеоантропологические, материалы – ценный источник для понимания этнических процессов. Однако их использование требует большой осторожности и учета того, что палеоантропологические процессы не всегда синхронны лингвистическим и этническим, хотя и коррелируются с ними. Пример приаральских саков и полукочевого населения Ферганы.

7. Нумизматические источники: клады монет, монеты, найденные в археологических раскопках, случайные находки. Музейные коллекции в России и за рубежом. Возможности нумизматического источника: генеалогия, хронология, государственная структура, экономика и экономическая политика в части денежного обращения, торговля. Роль нумизматического источника в изучении Греко-Бактрии и Кушанского царства. Монетная иконография и монетные надписи.

8. Археологические источники получены главным образом при археологических раскопках. Главные этапы археологического изучения Средней Азии и Восточного Туркестана. Степень изученности отдельных регионов и периодов.

Археологические источники и возможности и пределы их исторической интерпретации. Использование археологических материалов при изучении социальной и экономической истории. Древний город – локализация, структура, размеры и население. Городское ремесло. Дальверзин-тепе, Топрак-кала, Пенджикент. Сельскохозяйственная округа, ирригация. Стратификация городского населения. Город и замок. Эволюция материальной культуры. Роль иноземных компонентов.

Храмы, святилища, монастыри. Храм Окса и роль историко-культурного синтеза. Буддийские культовые сооружения. Погребальный обряд и изучение культовых представлений. Религия на территории Центральной Азии.

Архитектурные сооружения: принципы планировки, архитектурно-композиционные схемы. Развитие строительной техники.

Памятники искусства. Монументальная скульптура и живопись. Коропластика. Торевтика. Отражение религиозных представлений и исторических реалий в иконографии.

* * *

Все классы источников образуют своеобразную систему с определенной иерархией возможностей и значительной степенью взаимозависимости в интерпретации. Лишь комплексное (системное) использование источников открывает перспективу адекватной реконструкции древней истории и истории культуры Центральной Азии.

С.П.Маслов

(Биологический факультет МГУ
им. М. В. Ломоносова)

Археозоологический материал как источник: реализуемые и потенциальные информативные возможности*

Археозоологический материал в настоящее время используется практически только для характеристики животноводства (структуры стада) и вклада охоты в экономику древнего населения. Следует, однако, отметить, что при современной организации археозоологических исследований надежность ответов, получаемых при решении этих задач, в большинстве случаев не слишком высока. По отношению к животноводству это объясняется тем, что набор костей домашних животных, обнаруживаемых на памятнике, отражает не структуру стада, а структуру потребления мяса отдельных видов животных древним населением. Естественно, что структура потребления заметно различается на сельских и городских, столичных и провинциальных памятниках. Но поскольку в большинстве случаев раскапываются крупные городские памятники, а материал мелких сельских и других

* Работа выполнена при поддержке Российского Фонда
Фундаментальных Исследований.

периферийных памятников, как правило, вообще не доходит до ахеозоологов, степень надежности наших представлений о структуре стада большинства древних культур, очевидно, недостаточно высока. Аналогичным образом в культурный слой городских памятников гораздо чаще попадают кости тех диких животных, мясо которых употребляется в пищу. Кости пушных животных, шкурка с которых снимается прямо на месте добычи, попадают в городской культурный слой гораздо реже, искажая реальную пропорцию вклада отдельных видов животных в охотничью добычу. Для повышения надежности археозоологических реконструкций совершенно необходимо многократное увеличение объема доступного для исследования археозоологического материала сельских и других мелких периферийных памятников.

Дополнительные помехи в реконструкцию организации животноводства и охоты вносит разнородность в методах сбора археозоологического материала, в частности, широкое применение сбора "определимых" остеологических остатков. Нами показано, что при сборе "определимых" фрагментов происходит неосознаваемая сортировка остеологического материала, приводящая к тому, что вклад отдельных видов в формируемую выборку изменяется в три-четыре раза по сравнению с исходной. Поэтому для получения достоверных археозоологических реконструкций, безусловно, надо стремиться к максимально полному сбору всего остеологического материала если не путем просеивания или промывки всего культурного слоя, то хотя бы путем сплошной ручной переборки всей его массы, что делается, к сожалению, крайне редко.

С другой стороны, в последние годы при нашем непосредственном участии было показано, что информативные возможности археозоологического материала намного более широки; они охватывают диапазон от глобальных реконструкций до выяснения тонких деталей хозяйственного и бытового уклада древнего населения. В частности, показано, что истребление палеолитическим населением наиболее крупных травоядных животных на всем Земном шаре привело к глобальной экологической катастрофе, коренной перестройке ландшафтных сообществ и соответствующему изменению условий существования и развития человечества. На

примере равнинного Крыма продемонстрирована возможность детальной реконструкции на основе археозоологического материала облика природных сообществ, на фоне которых развивались древние культуры, постепенного антропогенного изменения этих сообществ и обратного воздействия этих изменений на ход развития и устойчивость древних культур. На археологическом материале из раскопок памятников Древней Руси показано существование профессионального охотничьего промысла уже в IX в. н.э. и экологического взаимодействия между отдельными отраслями хозяйства, приводившего к жесткой координации направлений их развития. Эти и другие результаты намного расширяют возможности использования археозоологического материала для выяснения организации хозяйства, уклада и быта древнего населения.

М.Б.Мейтарчиян

(Институт востоковедения РАН)

О некоторых сложностях исторического толкования сакральных текстов (на примере авестийских терминов)

1. Исследование письменных памятников религии и культуры древних народов, имеющих письменную традицию, не менее сложно, чем исследование невербальных текстов. Это в первую очередь относится к исследованию "Авесты" и других зороастрийских текстов. Сложность состоит в том, что перевод и толкование слов может иметь разные варианты. Письменность древние иранцы считали изобретением Злого Духа – Анхра Манью, и она долго считалась непригодной для записи священных слов. Священные тексты передавались по типу устной трансляции. Высказывания Заратуштры были записаны спустя тысячу лет после их произнесения.

2. При переселении в Индию зороастрийцы взяли только чисто авестийские тексты садэ, необходимые им для богослужения и молитв. Впоследствии языком общины стал гуджарати, а среднеперсидский язык стал для парсов лишь мертвым, церковным языком, что привело к тому, что

Нэрийосанг Дхавал в XII в. транскрибировал пехлевийский текст авестийскими буквами. Это было своего рода толкование.

3. В "Персидских Ривайатах", представляющих собой переписку по различным богослужебным вопросам между парсийскими и иранскими дастурами (жрецами) на протяжении XV - XVIII вв., содержится много древних персидских слов, которые употребляли жрецы и верующие в своей богослужебной практике. Иногда их первоначальный смысл искажался, как, например, произошло со словом Darvand (av. dragvant или dregvand).

4. На примере зороастрийской традиции видно, как первоначальный смысл учения искажается с прошествием веков самими носителями культуры, что ставит перед исследователями сложную задачу отделения поздних пластов и наслоений и выявления истинного значения каждого слова сакрального текста.

А.Н.Мещеряков

(Институт востоковедения РАН)

Япония VIII века: взгляд из IX столетия

До определенной степени любое государство, всегда исходящее в своих действиях и проектах из заранее заданной модели, является носителем некоторой утопической, т. е. неосуществимой, идеи, поскольку замысел никогда не бывает исполнен до конца. Опыт строительства раннеяпонского государства чрезвычайно драматичен: замыслы реформаторов и результаты их деятельности оказались в столь кричащем противоречии и привели к столь непредсказуемым последствиям, что это позволяет говорить о том, что сами замыслы учитывали местные культурные, социальные и хозяйственные реалии в минимальной степени.

Японское государство VIII в. принято называть "государством, основанным на законах" ("рицурё: кокка"). Фактически провозгласив одной из своих основных целей создание высокоцентрализованного государства, японская правящая элита обратилась к китайскому опыту государственного строительства. Начало этого процесса

можно датировать приблизительно серединой VII в., когда были провозглашены указы, нацеленные на создание государственности, отвечающей китайским представлениям (надельное землепользование, строительство постоянной столицы, повсеместное создание сети почтовых дворов и т. д.). При этом мыслилось, что основным "программным" документом станут законодательные своды ("Тайхо: рицурё:", 701 г.; "Ёро: рицурё:", 757 г.), в соответствии с письменным словом которых и должна была быть выстроена вся совокупность внутригосударственных отношений.

Однако весьма скоро выяснилось, что реальный уровень экономического, политического, социального и культурного состояния не соответствует ни тем образцам, которые описывались в законодательных сводах, ни более конкретным планам по их осуществлению. Поэтому "иерархический автопортрет государства" (законодательные своды) достаточно быстро стал дополняться чертами, более похожими на заказчика (и одновременно исполнителя) этих законов.

Дрейф государства и общества в сторону более адекватной местным условиям модели проходил по следующим основным направлениям.

1. Земельные отношения. 2. Отношения между Центром и периферией. 3. Армия. 4. Статус правителя. 5. Геополитическое положение. 6. Система образования и конкурсных экзаменов. 7. Дорожная инфраструктура. 8. Буддизм. 9. Пространство. 10. Время. 11. Язык.

Проведенный анализ показал, что японское государство периода Нара было в значительной степени конструктором волевой деятельности определенного и ограниченного круга лиц, а не следствием естественной эволюции. В связи с этим оболочка этого государства и его "чрево" отличались разительным образом. И если внешние проявления имели все признаки высокоцентрализованного государства современного (т.е. "китайского") типа, то реальные процессы адаптации и "переваривания" новых для общества идей, установлений и институтов привели совсем не к тем результатам, на которые рассчитывали творцы законодательных сводов в VIII в. Они жили во времена максимальной информационной открытости страны и хотели построить империю, напоминающую по своей мощи,

размаху и централизации Китая. В результате же их потомки оказались в стране, где периферия вела жизнь, от Центра вполне независимую, где власть императора была скорее номинальной, где вместо чаемой экстравертной культуры сформировалась в высшей степени интровертная, где большинство начинаний VIII в. приобрело не вполне узнаваемый вид.

А.Ю.Милитарев

(Еврейский университет в Москве)

К происхождению основных библейских терминов, относящихся к сфере "духовной культуры"

Вопрос о происхождении многих идей и представлений, содержащихся в различных книгах Библии и считающихся инновационными в истории древневосточной культуры, имеет исключительную важность.

Существует восходящее еще к Вольтеру мнение о том, что идеи эти заимствованы древними евреями из Египта; в первую очередь, речь идет о библейском монотеизме и о его возможных корнях в религиозной реформе Эхнатона. В наши дни распространена другая точка зрения - о заимствовании евреями многих из этих идей из Месопотамии.

Не вдаваясь в подробности ни многолетних дискуссий, ни вопроса о библейском монотеизме (который в привычном для нас виде развился, по-видимому, сравнительно поздно), остановлюсь лишь на одном аспекте проблемы.

Когда заимствуются не отдельные артефакты или культурные инновации, а целые системы представлений, заимствуется, как правило, и соответствующая терминология. В дело здесь могут идти прямые лексические заимствования, кальки-переводы или даже трудно отслеживаемые случаи народной этимологии. Заимствования могут быть массовыми или "штучными". Но какие-то их следы обязательно остаются.

Существенно, что основные древнееврейские библейские термины, отражающие понятийный аппарат религиозно-ритуально-этических представлений, или

"духовной культуры", оказываются унаследованными общесемитскими словами, т.е. встречаются в более или менее том же значении в других семитских языках. Египетских заимствований в этом лексическом слое не видно (хотя, разумеется, они встречаются в других сферах библейской лексики - например, хозяйственно-бытовой, в т.ч. и ритуальной). Похоже, что нет в нем и аккадизмов, хотя, конечно, сложнее, чем в случае с египетским, отличить аккадские (вавилонские, ассирийские) лексические заимствования от общей, унаследованной и аккадцами, и евреями, семитской лексики.

Приведем несколько примеров.

1. Бог: др.-евр. 'ēl, 'ālo^ah, (мн. ч.) 'ālōhīm.

Примечательно, что в качестве главного термина был выбран едва ли не единственный из всех семитских теонимов, означающий божество как таковое, т.е. не являющийся описательным, производным от какого-то другого термина (как 'ādōn господин, хозяин').

Семит. *'il-, 'ilāh- 'бог': аккад. ilu (elu) 'бог, божество, демон, злой дух; везенье, удача', угарит. [ilu] 'бог; бог Илу', финик. 'l 'бог, божество', имперско-арам. 'l, 'lh, старо-арам., набатейск., палмир. 'lh, сирийско-арам. 'ēl, 'alāhā 'бог', мандейск. alaha 'бог' (о ложных богах), ново-арам. 'alāhā 'бог', араб. 'ilāh-, 'ilāh- 'бог', 'ilāh-at- 'богиня; (колл.) идолы, божества', (ср. 'alāh- 'Бог, Аллах' с) сабейск. 'l, 'lh 'бог, божество' (в эфиосемит. нет; ср. тигре 'ilāhē, харари, селти, волане alla < араб.), (?) джиббали 'z (<*'al или *ba'al, ср. также 'ō'z или 'ō'o'z, возможно то же, что мехри abāli 'бог').

2. Адам как родоначальник человечества: др.-евр. 'ādām 'человек, человеческий род', bənēy 'ādām [Dt 32:8] 'люди'.

2.1. Семит. *'adam- 'человек (колл.), люди, человеческий род': угарит. 'adm 'человек (колл.)', 'люди, человеческий род' ('ab 'adm 'отец человеков' - о боге Ilu), финик. 'dm 'человек', сирийско-арам. bar 'ādām 'человек', араб. 'ādamiyy- (< 'Адам) 'человеческий', (хадрамаутский диалект) 'awādīm (мн. ч. от 'ādām) 'люди', геэз 'addāmāwi 'человеческий' (< 'addām 'Адам'), тигре 'addam 'люди'.

2.2. Семит. *bin/bar 'adam- 'человек (букв. сын Адама, или человеческий сын', мн.ч. 'люди, человеческий род': финик. wbn 'dm 'человеческий род', араб. banī 'ādam- 'люди, человеческий род', харсуси benēdem, мехри mənēdēm (ассимиляция), джиббали birdām 'человек'.

В свете формы в джиббали с big 'сын' не столь очевидно принятое представление о заимствованности всего сочетания 'сын Адама' из древнееврейского в арабский, а из арабского в другие языки, в т.ч. современные южноаравийские: не исключено, что это сочетание восходит к более древнему семитскому состоянию (это подтверждается и наличием его в финикийском).

2.3. Семит. 'dm 'участвовать, входить в общак, объединяться, быть в мире с кем-лб.': старо-ассир. ad tu (или at tu) 'иметь долю в общаке', admītu 'доля, участие в общем деле', араб. 'dm 'присоединять, добавлять', ('adīm- 'все вместе, целиком'), 'примирять кого-лб.', 'включать кого-лб. в свой клан', 'udmat- 'кровные узы', сабейск. t-'dm 'военная кампания'.

2.4. Семит. *'adam- 'вождь, нобиль, вассал': аккад. adamu (SynList) 'знатный человек, нобиль', араб. 'adm- 'вождь', сабейск. 'dm (колл. имя) 'вассалы, подданные'.

Все эти ряды позволяют предположить, что уже на прасемитском или хронологически близком к нему уровне существовало представление о совокупности, некоей общности людей, олицетворяемой в едином человеке-Адаме (вожде ?) - представление, которое можно считать прообразом понятия о человеческом роде, человечестве.

3.1. Милость, милосердие, сострадание: др.-евр. gāhām.

Семит. *gāhīm- 'милость, милосердие, сострадание' (<*gāhīm- 'матка'): аккад. gē/īmu, угарит. ḡm , егип.-арам. ḡm-n, сирийско-арам. gāhīm-ē (pl.), араб. ḡm-, сабейск. ḡm-t.

3.2. Сострадать, любить: др.-евр. gāhām.

Семит. *ḡm 'жалеть, прощать, быть добрым к к.-лб.': аккад. gēmu, угарит. ḡm 'жалеть, сострадать', араб. gāhāma, сабейск. ḡm 'быть милостивым', гезз maḡaga (метат.)

'сострадать, жалеть, быть милостивым, прощать', харсуси gēhām 'жалеть', мехри gāhām, джиббали gāhām 'быть добрым' (харсуси a-gēmōn, мехри a-gēhōn, джиббали ā-gēmūn 'Бог').

4. Благоклонность, милость, благорасположение, сострадание: др.-евр. hēn (hnp 'оказывать благодеяние').

Семит.: староаккад. eḥnu 'оказывать предпочтение, благоволивать' угарит. hḥ-t 'благоволение, милость', финик. hḥ 'благодеяние, благоклонность (богов), добровольный (о приношении)', имперско-арам. hḥ 'благорасположение', пальмирск. hnp 'милосердный', араб. hnp 'сострадать, нежно любить', ḥann- 'жалость, сострадание'.

Подобные термины (их число можно значительно увеличить) восходят, как правило, к прасемитскому языковому состоянию, датируемому, по нашим подсчетам, рубежом 4-5 тыс. до н.э.

Н.М.Никулина

(МГУ им. М.В.Ломоносова)

Некоторые аспекты изучения культурно-исторического развития древнего мира в эпоху эллинизма

Для изучения культурно-исторического развития древнего мира в эпоху эллинизма исключительно важно привлечение комплекса разнообразных источников, отличающихся по содержанию, стилю и подходу к различным явлениям своего времени. Помимо письменных источников и литературных памятников, отображающих многие сферы духовной жизни этого сложного и противоречивого периода, очень большое и, можно сказать, первостепенное значение имеют памятники художественной культуры: архитектуры, изобразительного искусства, художественных ремесел.

Как бы ни были значительны по своим идеям, смыслу и художественным достоинствам произведения античной литературы этого периода (труды ученых, философов, историков, поэтов, комедиографов), они не отражают так

явно всех существенных черт эллинистической эпохи, как это делают произведения эллинистического искусства на западных и восточных территориях. Стремясь к сохранению, к чистоте собственно эллинской (в основном классической) традиции, греческая и раннеримская литература почти не были подвержены, как это показывает анализ, заметным восточным влияниям. То же можно сказать и о литературе восточной по отношению к греческой. Иное дело — область искусства и ремесла, которые в древности неразрывно связаны друг с другом. Являясь областями второго, более приземленного уровня, они всегда были исключительно чутки ко всякого рода влияниям и общественным переменам, в эллинистический период особенно. В них все в высшей степени наглядно.

Широкие торговые и культурные контакты греческого мира с восточным и наоборот дают интереснейшие варианты совмещения разных традиций. Именно памятники искусства, в силу своей специфики, прекрасно отражают все основные особенности данной эпохи — синкретизм и рационализм этой культуры, проявляющийся на всех территориях, ее ретроспективность, космополитичность и одновременно вариативность, склонность к индивидуализму и дифференцированность в стилистике и жанрах. Эллинистическая культура — это и опыт соединения культур Запада и Востока, и диалог этих культур, пафос которого все более нарастает к концу данной эпохи.

В процессе эллинизации (на Востоке особенно явно) проявляются три основных этапа: ранний, когда эллинизация имеет элитарный, поверхностный характер; средний, в течение которого этот процесс оказывается и более широким, и более глубинным, и поздний, в который по существу уже не происходит положительного взаимодействия культур, а скорее наблюдается отторжение эллинских традиций и утверждение собственных, локальных. Все эти этапы прекрасно демонстрируют разные памятники эллинистического мира на Востоке и Западе, в частности, феномен такого художественного явления, как фаюмский портрет. Он представляет эллинистическую живописную традицию на египетской почве в эпоху романизации, которая на целом ряде территорий является непосредственным продолжением эллинистического этапа и

воспринимается в области культуры как единый греко-римский исторический период. Другой аналогичный пример мы находим на западе, на территории Этрурии (архитектурные и скульптурные памятники в ранний и средний эллинистический периоды и в период романизации).

По памятникам художественной культуры выявляются три зоны эллинистического мира, что также чрезвычайно важно для объяснения многих особенностей этой эпохи и различных путей эллинизации: 1) собственно греческие территории; 2) территории, подвергавшиеся сильному воздействию греческой культуры еще в доэллинистический период; 3) территории древневосточных монархических государств, попавших под власть греко-македонских правителей после распада имперской державы Александра Великого.

Неоднородность проявляется в пределах каждой из этих зон, более всего в 3-ей, где по существу можно говорить о разных мирах: иранском, семитском, египетском и бактро-индийском. Однако, при характерной для данного периода множественности в культурном развитии, локальной вариативности, все эти территории и зоны не были разобщены. Все территории эллинистического мира вместе представляют некую культурно-историческую общность, подчиненную единым закономерностям.

Эллинизм — это и определенный этап всемирно-исторического процесса, и четко выраженная система, существующая в конкретном историческом времени и пространстве. Хотя изучение "западного" и "восточного" эллинизма вполне возможно и плодотворно порознь, что мы и наблюдаем в научной литературе, гораздо результативнее на данном этапе рассмотрение их во взаимосвязи, в совокупности.

Характеризуя особенности и итоги общего культурно-исторического процесса в эпоху эллинизма, нельзя не отметить еще один существенный момент, который во многом определяет картину эллинистической культуры на азиатских территориях: сильнейшее остаточное действие процесса иранизации, который происходил в V и IV вв. до н.э. Традиционный иранский компонент в восточных провинциях бывшей державы Ахеменидов оказывается много сильнее, чем в западных.

Пример тому – памятники Бактрии, особенно ее архитектура.

В доэллинистический период можно говорить о встречах потоков эллинизации и иранизации, что очень важно для понимания общего исторического процесса. Мощный иранский компонент традиционно будет входить затем в состав многих художественных культур на азиатских территориях (византийская, славянская культура и культура арабских стран).

Абстрактно-утопические идеи космополитизма, на которых был воспитан Александр, на деле были нейтрализованы в начале имперскими, а затем нарастающими сепаратистскими тенденциями. По существу именно с этого времени и можно говорить об окончательном разделении мира на Западный и Восточный.

Тенденции к созданию универсальной культуры и интернациональной художественной системы в итоге так и не смогли реализоваться. Создать такую систему удалось только отчасти: слишком велико было действие центробежных сил, особенно на позднем этапе эллинизма. Анализ стиля разных произведений художественной культуры, разных видов искусства показывает, что характерный для I-го тыс. до н.э. эклектизм, существует в этот период только на уровне синкретизма, т. е. механического совмещения, почти не переходя на высшую ступень – синтеза, взаимопроникновения.

Е.Э.Носенко

(Институт востоковедения РАН)

Шаббат: происхождение праздника в свете различных источников

1. Шаббат (Суббота) – один из древнейших праздников а иудаизме. Соблюдение Шаббата – одно из главных его предписаний. Согласно традиции, соблюдение Шаббата связано с Божественным отдыхом на седьмой день творения.

2. Среди ученых до сих пор нет единого мнения относительно происхождения и первоначального характера этого праздника. Многие полагают, что Шаббат и

предписываемый Ветхим Заветом еженедельный запрет работы первоначально были различными днями. Согласно распространенной гипотезе, Шаббат в древности был связан с культом Луны, точнее, с полнолунием. По мнению некоторых исследователей, Шаббат был заимствован евреями из Вавилона, где существовал особый праздник полной Луны – *sab/pattu*. Другие авторы полагают, что Шаббат происходит от вавилонских же "неблагоприятных дней" (*shu lemnu*), во время которых не разрешалось выполнять некоторые виды работы. Делаются также попытки объяснить первоначальный характер Шаббата, исходя из лунных фаз, магии чисел и т. д.

3. Характер праздника претерпел изменения уже в древности. В ветхозаветных текстах, датированных допленной эпохой, Шаббат постоянно упоминается в одном ряду с новолуниями и праздниками (*hag*); прослеживается определенная связь Шаббат с языческим культом ("днями Ваалов"), а также с церемонией интронизации царя.

4. После Вавилонского плена Шаббат, как явствует из текстов, приобретает доминирующее значение. По-видимому, в этот период (или незадолго до Вавилонского плена) произошла контаминация Шаббата с древним ритуалом, о котором упоминается в наиболее архаичных текстах Ветхого Завета (Книга Договора) и во время которого на целый ряд работ накладывалось табу.

5. В эпоху Второго Храма Шаббат соблюдали крайне строго – вплоть до отказа брать в руки оружие для самозащиты (1 Мак. 2: 32-41). Особенно широко трактовали запрет работы сектанты – кумраниты, ессеи (см. Flav. B.I., 1.8.9; ср. более строгое, чем у евреев, соблюдение Шаббата караимами и самаритянами).

6. В греко-римскую эпоху под влиянием античной мысли Шаббат все более стали рассматривать как день созерцания и изучения премудрости (Philo. De vita Mosis. I.3; Flav. B.I., VII.5).

7. В талмудический период (II-V вв. н.э.) были разработаны подробнейшие предписания относительно Шаббата. Несмотря на сравнительно позднюю кодификацию талмудических текстов, многие ритуалы, зафиксированные в них, восходят к глубокой древности.

8. Обрядность Шаббата сложилась в основном в эпоху средневековья. Однако некоторые ритуалы,

несомненно, очень архаичны. Их анализ в этнографическом контексте, на мой взгляд, помогает лучше понять происхождение праздника. Так, Шаббат имеет ярко выраженный семейный характер, в его обрядности велико значение отца семейства; особая роль принадлежит женщине. С этим днем также связан ряд поверий, согласно которым нечистая сила становится особенно опасной в канун Шаббата, и ряд др. Все это дает основания предположить, что первоначально Шаббат мог быть связан с культом предков (и вообще умерших), домашних божеств (домовых) и включал ряд апотропейных (зажигание огня, закрывание глаз руками) и умиловительных обрядов (приношение домашнему духу пищи, вдыхание благовоений – первоначально, по-видимому, жертвы предкам). Такого рода обряды были широко распространены у разных народов: культ домашних божеств у греков и римлян, домовых – у многих европейских народов и т. д. Позднее произошла контаминация этого праздника с лунным культом, а затем его трансформация в духе рассказа о сотворении мира.

Р.А.Орехов

(Институт востоковедения РАН)

К значению древнеегипетского термина *hṯp**

Ровно семь десятилетий назад вышел первый том большого египетско-немецкого словаря. Масштаб работы, охватившей огромную текстовую традицию, не позволял исследователям, работавшим в то время над составлением "Wörterbuch^a", в полной мере отображать каждое древнеегипетское понятие, символ, слово. В силу этого какие-то ошибки были просто неизбежны. Это становится очевидным в первую очередь тогда, когда историк пытается проникнуть в мир духовных ценностей давно ушедшего народа.

В связи с этим очень интересно проследить некоторые аспекты категории – символа *hṯp*. Настоящее сообщение ни в коей мере не претендует на всеобъемлющий охват как

* Печатается в порядке дискуссии.

значений этого понятия, так и огромной источниковой базы, ставя цель более скромную – выделение тех оттенков в значении *hṯp*, которые, к сожалению, не получили подробного освещения в литературе и, следовательно, не нашли отражения в словарях.

Выделим наиболее важные моменты. Для уяснения сущности знака *hṯp* автор обратился к рельефам, изображающим процессии богов и богинь – персонификаций номов, покрывавшим некогда значительное пространство стен пирамидных и заупокойных храмов Древнего и Нового царств.

Анализ изображений и сопутствующих надписей привел к следующим выводам:

I. 1) Значение знака *hṯp* могло претерпевать эволюцию от обозначения состояния (Wb. III. 188) к обозначению простого жертвенника (Wb. III. 183).

2) Промежуточным звеном этой эволюции была жертвенная формула – *hṯp di nsw.t*.

II.1) Общим во всех изображениях знака *hṯp* является "фаллический модус", расположенный на середине тростниковой платформы (наиболее отчетливо он проступает на рельефах в храме фараона Сахура и др.).

2) Наличие "фаллического модуса" неизбежно ставит вопрос о его соотношении со смысловыми понятиями европейских языков, выступающих, в свою очередь, эквивалентами египетских слов, которые этот знак содержат.

3) Направленность "фаллического модуса" вертикально вверх позволяет поставить его в смысловую связь с мужской половой созидательной силой демиурга:

Система отношений	}	прахольм – фаллос
		Атум – Геб – Осирис – Гор
		Гор – фараон
		фараон – <i>hṯp di nsw.t</i> – земля и подданные

4) В текстовой традиции ("Тексты пирамид", "Тексты саркофагов", "Книга мертвых", "Книга Амдуат" и др.) подразумевается единство понятий сила (физическая) – сила

(половая). В полном смысле *hpr* – избыток жизненной силы (*Ki-hpr; hpr ib; shpr*).

5) Если можно подразумевать под *hpr* мужскую половую созидательную силу, то "weibliche komplement" к *hpr* – *hpr.t* неизбежно должно соотноситься с женщиной, или ее репродуктивными, материнскими функциями. Так или иначе, но большинство исследователей (Кеес, Лако, Вандье) видят в *hpr.t* обозначение женских половых органов (матка и др.), либо в качестве "владычицы *Hpr.t*" как персонификацию "руки Атума" (подразумевается акт мастурбации верховного демиурга).

6) Если языческое мирозерцание стоит в оппозиции созерцанию христианскому, то употребление в качестве эквивалента к *hpr* христианского понятия "мир" выглядит в корне неверным.

О.И.Павлова

(Институт востоковедения РАН)

Тексты пирамид: подходы к изучению и варианты интерпретации

История открытия текстов, высеченных во внутренних покоех царских гробниц V–VI династий, которая началась в 1880 г., продолжается и по сей день. Каждый полевой сезон в царском некрополе в Саккара французские археологи, руководимые профессором Жаном Лекланом, возрождают из праха всё новые фрагменты, соединяя осколки текстов и определяя их место на стенах гробниц. Новый археологический материал, добытый со времен публикаций Текстов Пирамид (далее РТ) Гастоном Масперо (1881–1894) и Куртом Зете (1908–1910), позволяет ныне не только уточнить то, что казалось бесспорным в оценке их специфики, но и найти новые подходы к изучению памятника.

Назначение царских гробничных надписей в Саккара, кажется, ни у кого не вызывает сомнения. Их конечная цель – обеспечить царю вечность, благополучное посмертное бытие. Сами РТ часто именуют записью заупокойного царского ритуала или собранием магических формул, при

этом, как правило, не давая определения понятий "ритуал" и "магия", отчего возникает иллюзия тождественности этих понятий.

Превосходное издание РТ Куртом Зете, которым и ныне руководствуются при их переводе, изначально таило в себе искажения реальности. Взяв за основу последовательность записи гробничных текстов начиная с самой древней пирамиды, их содержавшей (гробница Унаса), и кончая самой поздней из известных тогда (гробница Неферкара – Пепи II), со всеми параллельными местами к текстам каждой пирамиды, К.Зете превратил эти надписи скорее в литературный памятник, вырвав их, во-первых, из контекста самих гробниц, во-вторых, нарушив принцип вертикальной записи там, где она существовала. Этот диссонанс стал особенно ощутим после находок новых вариантов РТ в саккарских гробницах цариц VI династии, царя Аба VII династии, сановника Сенусерт-анха в Лиште XII династии и в других памятниках разных периодов, содержавших фрагменты РТ.

Лишенные связи с топографией гробниц, РТ казались хаотическим нагромождением формул, причем этот хаос и противоречие приписывались разновременности происхождения речений, их складыванию в разных областях Египта, а также объяснялись особенностями мышления египтян. При этом менталитет современного ученого оказывался вознесенным на неизмеримую высоту над "примитивностью" РТ. Стремление же извлечь из этого памятника максимум "объективной исторической информации" привело к явной его политизации, к тому, что с помощью РТ делались попытки описать доисторическую древность Египта, порой вкладывая в явно богословские понятия социальный и политический смысл ("спутники Гора", "спутники Сета", категории *p't* и *rhyt*, соперничество культов Ра и Осириса и т.п.).

По мере углубления изучения РТ всё более стало расти стремление видеть их цельным памятником. Отсюда вновь возникла необходимость эти тексты прямо или косвенно соединить со структурой гробниц. РТ начинают связывать с погребальным ритуалом, последовательную запись которого находят при чтении РТ в направлении от входа в гробницу к погребальной камере, а не наоборот, как РТ воспроизведены в изданиях Г.Масперо и К.Зете

(теории М.Матье, З.Шотта, И.Шпигеля). Искусственность привязки многих речений к тем или иным стенам гробницы в угоду этому гипотетическому ритуалу, который часто именовался "ритуалом воскресения" (И.Шпигель) или "заупокойным ритуалом" (М.Матье), заставляла исследователей искать иные ключи к пониманию логики памятника (Александр Пьянков), но уже часто выходя за рамки РТ, привлекая тексты и изображения, связанные с погребальным ритуалом позднейших эпох (Х.Альтенмюллер), или окончательно отказывая РТ в цельности и объявляя РТ особым "жанром" религиозной литературы (*Verklarungen*), не имевшим строгого канона и в малой степени связанным топографией гробниц (Винфрид Барта).

Совершенно вне поля зрения остается до сих пор возможность соотнесения РТ с надписями синхронных вельможеских гробниц Древнего Царства. Пирамиды, как казалось многим исследователям, жили своей жизнью, никак не подобной миру нецарских гробниц, судьба обитателей которых не имела ничего общего с посмертным существованием владык Египта. Эти миры, как и пути их достижения, не пересекались в едином спиритуальном пространстве. Царский заупокойный ритуал был предназначен исключительно для царя, и лишь позже, в процессе "демократизации" заупокойных представлений, наметившейся в конце Древнего Царства, РТ всё более начинают использоваться для реализации посмертных упований подданных царей Египта. Такова общепринятая точка зрения.

Попробуем вопреки ей предложить иной вариант подхода к изучению РТ и к осмыслению теснейшим образом связанной с ними проблемы ритуала, в том числе и заупокойного. Мысль об изучении памятника "изнутри" кажется, на первый взгляд, банальной. Но слишком много теорий громоздилось на фундаменте уже существующих переводов РТ и слишком многое было принято под влиянием крупных авторитетов *a priori*.

Между тем, египтяне безусловно ощущали связь РТ с тем пространством, в котором они находились. При этом следует иметь в виду, что пространство это было священно. Здесь совершалась не сиюминутная заупокойная служба, а та, что творилась "во время оно", при воскресении Осириса

сьном его Гором, и будет вершиться до тех пор, пока Ра-Атум не воссядет на одном престоле с Осирисом, то есть до скончания нынешнего века, **присно** (Ср. СТ 1130:vii, 467-468; BD 175, 18-19).

Находки последних десятилетий, заполнившие многие пустоты на стенах гробниц Тети, Пепи I и Меренра, дают возможность вновь соотнести РТ со структурой каждой гробницы и выявить новые закономерности их топографии. На вопрос о том, связано ли было расположение этих текстов, по крайней мере в гробницах царей, с определенным канонам, можно будет ответить только на основании полной публикации новых материалов, причём "elle devrait etre precedee d'une **edition individuelle** de chaque pyramide en photographie et fac-simile".

Безусловно также, что царский заупокойный ритуал не возник из ничего. Задолго до письменной фиксации РТ египтяне хоронили своих умерших, совершая тысячами выверенные священнодействия. Следы "доисторического ритуала" достаточно ясно прослеживаются в РТ, а также в "Текстах Саркофагов", многие речения которых несомненно восходят, подобно речениям РТ, к неолиту (например, запись ритуалов, связанных с жертвами хлебом, зерном, пивом, молоком и вином), а некоторые, возможно, и к верхнему палеолиту (упоминание приношений быков, столь часто избираемых в качестве жертвы кроманьонцами).

Основной целью египетского заупокойного ритуала являлось достижение блаженного бессмертия, состояния *ih* ("светлого", принадлежащего иному миру), приобретаемого теозисом. Об этом определенно говорится в РТ. На существование этого обряда скупое намекают и надписи вельможеских гробниц Древнего Царства. Вопрос о том, совпадал ли изначально обряд посмертного превращения каждого человека в *ih* с осирическим ритуалом воскресения, остается пока открытым из-за скудости данных.

Сопоставление РТ с иными заупокойными текстами Египта и памятниками ритуальной культуры других народов, прежде всего с Ведами (заупокойные гимны X мандалы Ригведы и XVIII – Атхарваеды), а также с дописьменным погребальным ритуалом палеолита, неолита и энеолита может способствовать более глубокому пониманию РТ, выявлению их специфики как первого известного нам значительного письменного религиозного

памятника человечества, включившего практики как догосударственной, так и раннегосударственной духовной культуры и нашедшего для их воплощения совершенную богословскую и литературную форму.

¹ J. Leclan. Les Textes des Pyramides: Extrait de Textes et Langages de l'Égypte pharaonique. — Т. II (BdE 64:2. Cairo, 1972, 42) — P. 49.

Е. В. Переводчикова

(Государственный Исторический музей)

Звериный стиль Ульских курганов и некоторые проблемы этнокультурной истории Скифии

Среди произведений скифского звериного стиля из Ульских курганов есть предметы, исполненные строго в каноны архаического скифского искусства, и изображения с некоторыми признаками искусства переднеазиатского.

При этом ряд произведений "чистого" звериного стиля находит аналогии в памятниках скифской культуры Лесостепного Приднепровья архаического времени. Такая ситуация достаточно адекватно отражает раннюю историю скифской культуры, ее сложение с участием переднеазиатского компонента и дальнейшее распространение из степей Предкавказья в лесостепные области Северного Причерноморья (М. Н. Погребова, Д. С. Раевский)

Произведения скифского звериного стиля из "старших" (по классификации Л. К. Галаниной и А. М. Лескова) Ульских курганов обнаруживают сходство с подобными предметами из Келермесских курганов более раннего времени и значительно отличаются от вещей из Семибратних курганов с признаками греко-персидского стиля. Материал же более поздних курганов Ульской группы находит аналогии среди материала Семибратних курганов V в. до н.э.

Таким образом, Ульские курганы на хронологической шкале скифской культуры надежно занимают место между памятниками VII-VI и V вв. до н.э. При этом внутри

Ульской группы комплексы отдельных курганов выстраиваются в непрерывную цепочку (Л. К. Галанина, А. М. Лесков), исключая всякий разрыв традиции. Особенно ярко это проявляется в материале кургана №2 1909 г., где произведения скифского звериного стиля с переднеазиатскими чертами, подобные келермесским, сочетаются с псалиями развитой S-видной формы.

Приведенные наблюдения входят в противоречие с выдвинутой А. Ю. Алексеевым концепцией "двух Скифий", предполагающей разрыв традиции в последней трети VI в. до н.э. и формирование новой культуры при участии населения, мигрировавшего с востока. В материале скифского звериного стиля из Ульских курганов не только не обнаруживается нарушения традиции, но и не прослеживаются никаких новых элементов, которые были бы выводимы из восточных областей степи.

Место, подобное Ульским, между архаическими комплексами и памятниками V в. до н.э. занимают и Нартанские курганы, в материале которых наряду с кочевническим также присутствует переднеазиатский элемент (В. М. Батчаев). И в этом случае выделение хронологических групп курганов не отражает ни перерыва традиции, ни притока нового населения с востока степи.

И. Р. Пичикян

(Институт востоковедения РАН)

Монеты Клада Окса как исторический источник

На правом берегу в верховье Окса (Амударьи) при слиянии Вахша и Пянджа у подножия старой крепости, размываемой водами реки, в 1877 г. дехкане нашли сокровища, получившие название Клад Окса. Дальнейшая история с ограблением купцов кочевниками племени гильзаев и возвратом части отобранных сокровищ хорошо известна, как и то, что сокровища, найденные в пустынном месте на правом берегу Амударьи, после значительных утрат попали в Британский музей (далее ОТ-1).

Более ста лет спустя, в 1993 г., большая часть утраченных некогда купцами сокровищ (ОТ-2) появилась в Лондоне для продажи. По сведениям продавцов, купцы

потеряли их вблизи Черикара по пути из Мазари Шарифа в Черикар. Затем новые владельцы сокровищ ушли в горы Нуристана и спрятали его на своем земельном участке. Длительное время члены этой семьи искали спрятанное и нашли его лишь недавно. находка сделана в водоеме источника горного селения в верховьях реки Пянджшир в Нуристане. Можно сомневаться в достоверности столь сказочного сюжета, однако совершенно очевиден факт – найденная часть сокровищ принадлежит именно кладу Окса. Составы ОТ-1 и ОТ-2 адекватны по хронологии и культовому назначению предметов, специфичны и находят взаимные параллели. Наследники гильзаев знали не только о спрятанных сокровищах, но и о месте его происхождения – с берегов Окса. Так они и продавались, как это зарегистрировано в документах и лотах Антикварным обществом Кристи: "Найдены в районе Окса. Дата – около V в. до н.э."

Из первой части Клада Окса (ОТ-1), насчитывающей первоначально 1500 монет, известен 521 экземпляр. Из второй (ОТ-2), приблизительно равной первой части, ставшая известной мне выборка из 45 монет значительно уступает количественно. Тем не менее она кардинально решает поставленные ранее вопросы.

В этой новой коллекции ОТ-2 группа из 13 монет включает 5 дариков и 8 двойных дариков, чеканившихся сатрапами Александра в Вавилоне (с монограммами – ФЛ). Из 5 дариков один экземпляр – литой, наиболее ранний, другой разрезан пополам (найден между другими расплюснутыми и разрубленными монетами среди предметов "мастерской златодела", а не поступивший вместе с монетной покупкой). Учитывая новые данные в области датировки сиклей и дариков, создается впечатление, что основная масса дариков в ОТ-1, так же как и в ОТ-2, принадлежит чекану Александра в Вавилоне 331-323 гг. до н.э., предшествующие им несколько сиклей и дарики – собственно Ахеменидским царям также позднего периода – конца V - середины IV вв. до н.э.

Четыре монеты ОТ-2 доэллинистического и раннеэллинистического времени принадлежат городам Малой Азии и Сирии. Это два двойных статера Мазея (сидящий Баал со скипетром и орлом / лев, терзающий быка, в квадратной рамке), статер Вифинии (голова

Аполлона в венке / нос корабля влево, перед ним орел, над ним горизонтально – дубина Геракла), а также статер эллинистического города Лампсака в Мисии ка (голова Менады в венке влево / Пегас вправо).

В ОТ-2 8 монет Селевка в трех различных сериях (одна с именем Александра, 7 с именем Селевка) и одна монета Антиоха I. Это 4 статера Селевка (голова Афины в шлеме в профиль вправо / крылатая Ника с венком влево), серия статеров (голова Александра-Аполлона в венке в профиль вправо) и статеры (голова молодого Селевка вправо). На обратной стороне монет двух последних серий – Афина на слоновьей биге вправо.

В ОТ-2, как и в ОТ-1, привозные монеты V – IV вв. по количеству значительно преобладают над монетами III – II вв. до н.э. собственно бактрийского чекана. В ОТ-2 всего 4 монеты Диодота – первого греко-бактрийского царя (1 статер раннего периода правления с именем Антиоха (256-246 гг. до н.э.)) и две целых монеты и одна разрубленная пополам, найденная среди предметов "мастерской златодела", с именем самого Диодота. Греко-бактрийский царь Деметрий, отсутствовавший в ОТ-1, представлен в ОТ-2 тремя серебряными тетрадрахмами (бюст Деметрия в рогатом слоновьем шлеме вправо / Геракл со шкурой и дубиной в левой руке, правой венчает себя венком). Такая же тетрадрахма была найдена на первом полу башни 1 храма Окса. Третий бактрийский царь – Антимах – представлен одной серебряной тетрадрахмой (бюст Антимаха в македонском шлеме поверх диадемы вправо / Посейдон в диадеме с трезубцем и пальмовой ветвью победы). Наконец, Евкратид – тремя монетами различных серий: одним золотым статером (изображение головы царя в шлеме вправо / скачущие на конях вправо Диоскуры с копьями наперевес) и двумя тетрадрахмами (бюст Евкратиды в шлеме вправо и Евкратид влево, обернувшись спиной, в шлеме и с копьем в руке). На обратной стороне обеих тетрадрахм – бюсты Гелиокла в диадеме и Лаодики вправо. Чекан греко-бактрийских царей замыкают Менадр, Лисий, Зоил и Азес. При этом одна из двух монет Менадра, планкированные экземпляры Зоила и монета Азеса были извлечены из золотого ювелирного мусора.

Ценность нового пополнения монет в Кладу Окса заключается в возможности прояснения ряда ключевых

моментов, до сих пор решаемых неверно или весьма условно. Прежде всего, теперь можно считать решенным вопрос о единстве монетной и вещевой частей клада. Часть индийских серебряных квадратных монет с надчеканами до сих пор оставалась нереставрированной, еще четыре монеты были найдены среди предметов "мастерской золотодела", в ювелирном мусоре при его разборке и в составе купленных вещей не значились.

Новые монеты показывают, что последние серии чекана греко-бактрийских царей – это и есть время сокрытия клада, т. е. не конец III, а самый конец II в. до н.э., и связано оно не с приходом в Бактрию войск селевкидского царя Антиоха III, а с нашествием кочевников около 130-120 гг. до н.э.

М.Н.Погрובה

(Институт востоковедения РАН)

Памятники Закавказья эпохи поздней бронзы как источник для реконструкции этнокультурных процессов

Более 20 лет назад автором была сформулирована гипотеза, согласно которой ряд элементов погребальных памятников Восточного Закавказья второй половины II тыс. до н.э. может рассматриваться как свидетельство проникновения на эту территорию группы населения из Поволжско-Уральского региона. Исследования историков и лингвистов, в первую очередь Э.А.Грантовского, позволили связать появление этой группы с передвижениями через Кавказ ираноязычных племен.

За истекшее время на территории обоих регионов были выявлены и опубликованы новые памятники, что позволяет вернуться к данному вопросу и, как представляется, подтвердить тезис об общем происхождении соответствующих элементов погребального обряда.

Способ отражения миграций в археологическом материале во многом зависит как от характера самой миграции, так и от той обстановки, в которую попадают "пришельцы".

Анализ всей совокупности памятников Правобережья Куры в районе р. Гянджачай, где сосредоточены погребения, демонстрирующие наибольшую близость к погребальному обряду Поволжско-Уральского региона, показывает, что эта территория, очевидно, заново осваиваемая в начальный период эпохи поздней бронзы, была "открыта" для нового населения как из ближайших, так и из далеких областей. Определенная культурная пестрота, смешение разнокультурных элементов, на фоне которых шло формирование принципиально новых культурных явлений, прослеживается здесь достаточно четко. Это обстоятельство, наряду с географическими условиями, способствовало прочному оседанию здесь в XIV-XIII вв. до н.э. группы пришельцев из северного региона.

Характер тех комплексов, в которых наиболее четко отразились инокультурные особенности, свидетельствует, что "пришельцы" оказали преимущественное влияние на туземную элиту, часть которой они, очевидно, и составили, восприняв, в свою очередь, местную материальную культуру.

Некоторые археологические памятники начала I тыс. до н.э. обладают рядом признаков, позволяющих предположить, что потомки смешавшихся с местным населением иммигрантов обитали здесь и в VIII-VII вв. до н.э., когда они, в частности, принимали участие в осуществлявшихся в это время глубоких южных рейдах.

Стоит отметить, что та же территория продолжала принимать волны ираноязычных мигрантов и в течение последующего тысячелетия.

В начале I тыс. до н.э. элементы элитной формы погребального обряда были восприняты и населением более южных областей Восточного Закавказья, где это заимствование не сопровождалось смешением населения.

Для сравнения можно привести ситуацию с проникновением в Закавказье ираноязычных скифов, осуществлявшимся в рамках раннескифских походов по направлению к Передней Азии. Это проникновение демонстрирует иную модель как в том, что касается контингента пришельцев, так и в характере их взаимоотношений с местным населением, что определило качественно иное отражение этого присутствия в материальной культуре.

Д.С. Раевский
(Институт востоковедения РАН)

К этнокультурной интерпретации археологических данных

Вопрос о соотношении археологической культуры и этноса давно служит предметом острых споров в отечественной литературе. Разброс мнений в трактовке этой проблемы весьма велик – от явного или неявного отождествления этих феноменов до полного отрицания возможности воссоздания этнической ситуации по археологическим данным. В ходе этой дискуссии был высказан целый ряд достаточно ценных конкретных соображений, но проблема в целом еще весьма далека от разрешения, причем ее острота усугубляется многообразием подходов к толкованию природы этноса как такового.

Представляется правомерным выделить две принципиально различные ситуации, с которыми исследователь встречается при решении вопросов такого рода. В тех случаях, когда речь идет об эпохах и территориях, древность которых не освещена ни собственными, ни внешними вербальными источниками, исследование синхронного и диахронного соотношения различных археологических культур представляет по существу единственную основу для этноисторических реконструкций, ибо носители каждой такой культуры есть некая общность людей, в материальных продуктах деятельности которых сознательно или непроизвольно запечатлены их представления о своем единстве, с одной стороны, и о своей "инакости" по отношению к смежным общностям того же таксономического уровня - с другой, что соответствует этноинтегрирующим и этнодифференцирующим функциям культуры. Можно спорить о том, какому конкретно уровню иерархии этнических общностей принадлежит та или иная археологическая культура и соблюдено ли в процессе исследования требование одноуровневости сопоставляемых общностей, но приходится признать, что именно названной процедурой ограничены возможности нашего проникновения в этническую историю соответствующих древних народов.

Эта задача принципиально отличается от той, которая решается при попытках совместить археологические и письменные данные по этнической истории прежде всего потому, что здесь основная цель исследователя состоит не только в создании общей картины, но в первую очередь - в ОТОЖДЕСТВЛЕНИИ определенных совокупностей памятников с КОНКРЕТНЫМИ этносами, засвидетельствованными вербальными данными. При этом не всегда в достаточной мере учитываются два обстоятельства. Первое из них - ИЕРАРХИЧНОСТЬ как археологической, так и этнической систематизации существовавших в прошлом общностей, требующая обоснования того, почему тот или иной элемент одной системы соотносится в другой системе с элементом данного, а не какого-то иного уровня.

Второе обстоятельство состоит в том, что археологические данные сопоставляются не непосредственно с этноисторической реальностью, а с ее отражением в ЭТНОНИМИИ. По существу сопоставляются между собой не две, а три системы, связь между которыми в известной мере может быть уподоблена известному треугольнику Фреге. При этом этнонимия в принципе так же иерархична, как две другие системы, но мы располагаем лишь ее фрагментами. Мера системности дошедшего до нас древнего этнонимического материала зачастую нам просто неизвестна (особенно если мы пользуемся вербальной традицией, инокультурной по отношению к изучаемой этнокультурной среде), ибо она может включать, наряду с реальными, и псевдоэтнонимы, в ней могут сочетаться экзоэтнонимы и эндоэтнонимы, этнонимы разного таксономического уровня могут восприниматься (древним информатором или современным исследователем) как одноуровневые и, наконец, одно и то же название в разных контекстах может иметь разную природу и значение - в частности, обозначать этнические общности различного уровня. Все это необходимо учитывать, предпринимая этноисторические реконструкции на основе комплексного привлечения вербальных и археологических данных.

В докладе сказанное иллюстрируется материалами, связанными с реконструкцией истории киммерийско-скифских походов в Переднюю Азию.

Е.Б.Сахарова
(Московский Государственный
Педагогический Университет)

К вопросу о формировании общепонского синтоистского пантеона (божества области Идзумо)

Практически все исследователи отводят мифам Идзумо особое место в общепонском мифологическом корпусе. Эту область отличал высокий уровень развития и своеобразная культура. Об этом, в частности, свидетельствует текст "Идзумо-фудоки" (первая половина VIII в.), описывающий географические, хозяйственные, мифологические и иные реалии этой провинции. Для нашего исследования особый интерес представляют данные, касающиеся мифологии. Особый культурно-религиозный статус Идзумо подтверждается и текстом "Энгисики" ("Церемонии годов Энги", X в.), в храмовом списке которых Идзумо стоит на третьем месте, уступая лишь провинциям Ямато (сердцевина формирования древнеяпонского государства) и Исэ (где были расположены святилища, непосредственно связанные с прародительницей "императорского" рода богиней солнца Аматэрасу). Судя по значительному количеству божеств Идзумо, включенных в "Энгисики" (187), политика Центра была направлена на максимальное включение божеств Идзумо в общесинтоистский пантеон.

Принято считать, что храмовые списки "Энгисики" отражают сравнительно поздние реалии "государственного" синтоизма. Однако наши наблюдения показали, что это положение нуждается в серьезных корректировках. При сравнении храмовых списков "Энгисики" и текста "Идзумо-фудоки" выяснилось, что из девяти уездов провинции в шести из них совпадение имен божеств с текстом "Энгисики" составляет 100%. И лишь в трех уездах произошли незначительные изменения. Можно сделать вывод, что официальный синтоистский пантеон отличался значительной степенью стабильности по крайней мере начиная с первой половины VIII в.

Среди божеств Идзумо значительная часть является "мифологическими божествами", т.е. их имена встречаются в мифологическом повествовании "Идзумо-фудоки". Однако из 53 божеств этого класса лишь 14 включены в официальные мифологическо-летописные своды "Кодзики" и "Нихонги" (начало VIII в.), что свидетельствует о том, что эти памятники в значительной степени игнорируют периферийную традицию. К тому же почти все боги Идзумо, которые появляются в "Кодзики" и "Нихонги", относятся к наименее престижному классу "земных божеств". Что касается "Энгисики", то, несмотря на намного более полное включение божеств Идзумо в общепонский пантеон, лишь одно божество Идзумо (почиталось в храме Кумано), имеет классификатор "большой" (все храмы делились государством по степени их значимости на "большие" и "малые").

Еще два божества Идзумо (Оонамоти и его сын Адзисуки-така-хиконэ) имеют классификатор "большой", но оба посвященных им храма находились в других провинциях. Помимо этого, в "Энгисики" одним из восьми божеств-охранителей правящего рода названо еще одно божество Идзумо – Котосиронуси (божество, рожденное Оокунинуси и Камутатэ). Оно, как и другие божества-охранители, почиталось в императорском дворце и имело классификатор "большой". Котосиронуси посвящены также два храма в провинции Ава.

Японский исследователь Митани отмечал, что, согласно "Нихонги", три "японских императора" – Суйдзэй, Аннэй и Итоку (следуют сразу за полубогородителем основателем династии Дзимму) – были рождены от матерей, считавшихся дочерьми или внучками Котосиронуси. Из этого следует вывод, что в течение определенного времени правящий род поддерживал самые тесные связи с племенем, почитавшим Котосиронуси. Возможно, что эти племена поддерживали экзогамные отношения.

Еще одно божество-охранитель императорского рода – Камимусуби. Оно относится к высшей категории синтоистского пантеона – "небесным божествам". Некоторые исследователи считают, что Камимусуби – не что иное, как божество Камумусуби, неоднократно упоминаемое в "Идзумо-фудоки" в качестве божества-

предка. И к этому есть серьезные основания: в последующем изложении "Кодзики" Камимусуби фигурирует еще трижды – и все три раза в сюжетах, связанных с богами Идзумо.

Если допустить, что предположение о тождестве Камимусуби и Камумусуби верно, то возможно двойное толкование места этого божества в пантеоне. Либо оно входило в мифологическую систему племени, почитавшего Оонамоти, что, однако, кажется маловероятным (в таком случае влиятельные роды Идзумо возводили бы свое происхождение к Камимусуби), либо имело место слияние двух мифологических систем. И, в таком случае, появление Камимусуби (Камумусуби) в "Идзумо-фудоки" вполне логично, а брак Оонамоти с Аято-но химэ (дочерью Камумусуби) действительно свидетельствует о слиянии двух пантеонов (подобное слияние обычно производится за счет установления родственных связей).

К.А. Стародуб

*(Институт теории и истории искусств
Российской Академия Художеств)*

Проблема датировки северо-западного квартала Угарита (на основе сопоставления археологического материала с данными архивов)

В северо-западной части Угарита расположен важнейший урбанистический узел, в котором монументальный городской вход соединяется с дворцовым кварталом. Здесь обнаружены разновременные городские укрепления и руины трех (Северного и Большого Царского и Малого Южного) дворцов. Восстановление хронологических соответствий в этой части города позволило бы проследить последовательное изменение облика крепости и формирование дворцового квартала в зависимости от исторических условий.

Важнейшими и практически единственными достоверными источниками, которыми мы располагаем для решения этой проблемы, является материал археологических раскопок, дающий сложную картину. Его интерпретация позволяет выделить несколько фаз

строительства и перепланировки участка. Причины, вызывавшие эти изменения, обнаруживаются при анализе угаритских архивов, воссоздающих картину политической жизни города в XIV-XIII вв. до н.э.

Северный дворец (до 1550, по датировке Кл.-Ф. А. Шеффера). В отношении древней резиденции угаритских царей мы располагаем скудными данными. Территория дворца точно не определена. В ходе позднейших перестроек дворцового квартала его южная часть была прорезана улицей, в результате чего группа сохранившихся помещений отошла к Большому Царскому дворцу (комплекс Н на плане). Толщина стен (более 1 м) и общая планировка раскопанной части дворца заставляют предположить, что это было более крупное здание, развивавшееся вокруг открытого ядра по крайней мере в северном и западном направлении.

Северный дворец лежит в отдалении от городских ворот, его главный вход, оформленный в виде глубокой ниши на восточном фасаде дворца, обращен в сторону храмов акрополя. Архитектура Северного дворца необычна для Угарита – по всей вероятности, здание не имело второго этажа, внутренний двор заключен между прямоугольными выступами примыкающих к нему комнат, внешние фасады и стены, выходящие во двор, облицованы крупными высокими ортостатами и покрыты битумом.

Большой Царский дворец: Дата гибели дворца, совпадающая с окончательным разрушением города около 1200 г. до н.э., определяется более или менее точно благодаря необожженным табличкам, найденным во дворе V. Найденные во дворце архивы охватывают по крайней мере два века. В описании этапов строительства дворца в Ugaritica IV (1962) Кл.-Ф. А. Шеффер не определяет их хронологически. Ж. Лагарс (Remarques sur des ouvrages de soutènement et de défense à Ras Shamra et à Ras Ibn Hani. In: Syria, 61, 1984, p. 153 – 179), однако, датирует древнейшую часть дворца (А, или вернее А-Е) 1450-1500 г. до н. э., и его заключение, очевидно, сделано на основе исследований Кл.-Ф. А. Шеффера (см. Note additionnelle sur les fouilles dans le palais Nord d'Ugarit. In: Syria, 49, 1972, pp. 27 – 34). Такая датировка оставляет хронологическую паузу примерно в сто лет между оставлением старого Северного дворца и возведением нового.

Новая царская резиденция была перенесена на окраину телья. Ориентация главного дворцового входа на запад, вонне города, к дороге, ведущей к гавани Минет-эль Бейда, стала причиной радикальной перестройки цитадели. Комплекс оборонительных сооружений самого дворца и укрепленные ворота, прегородившие "Дворцовую" улицу и проход вдоль западной стены дворца, обозначили западную границу дворцового квартала. Переход к кварталу резиденций знати на юге и к достаточно скромной жилой застройке, распространившейся к этому времени на территорию заброшенного Северного дворца, был менее резким.

В XIII в. до н. э. к Большому Царскому дворцу были пристроены его южное и восточное крылья (F-L). Дворцовый квартал заполнил весь северо-западный сектор города (ок. 10.000 кв. м.), включив Южный дворец (1250 – 1200) и так называемые здания тетрапилона и резиденции царицы на севере.

Цитадель: В середине XV в. до н. э. сооружение новой цитадели началось с постройки мощной квадратной башни, ставшей опорой для крепостной стены из ровных каменных блоков (до 1.40 м. длиной) и гласиса. В стене был проложен подземный коридор, открывающийся с одной стороны потерной, а с другой – лестницей, которая поднимается к внутренней площадке цитадели. Этот подземный ход является единственным достоверно известным проходом в крепость (и далее, в город) для этого времени.

В середине XIV в. до н. э. цитадель подверглась значительным перестройкам. Подземный ход был заложен, от башни остались только фундаменты, по-прежнему составлявшие опору крепостного вала. Несколько позднее (по оценке Лагарса, уже в XIII в. до н. э.) были сооружены новые городские ворота с центральным проходом, фланкированным крупными поперечными выступами. С внешней стороны к воротам подводил изогнутый пандус. Между крепостью и дворцом возникла площадь с хорошо читаемой центральной осью: ворота – "Дворцовая" улица.

Хронология: Период существования Северного дворца совпадает со временем массового проникновения хурритов в Северную Сирию. Свидетельством хурритского присутствия в Угарите, начиная с сер. XVII в. до н. э. и

вплоть до первой трети XIV в. до н. э., являются так называемое святилище митаннийского топора, расположенное к западу от дворца, несколько гробниц, керамические находки и значительное число хурритских текстов в дворцовых архивах (Ugaritica V, pp. 448 – 554). Предположительно, оставление Северного дворца было вызвано сменой правящей династии в Угарите в момент, когда хурритское население города составляло значительный процент, а соседние города – Алалах Идрими, Халоб – примкнули к митаннийскому союзу.

Вторую перестройку цитадели Шеффер объясняет землетрясением 1365 г. В то же время, из угаритских архивов (PRU IV (1956) 48, RS.17.840,1) известно, что в 1364 г. до н. э. Угарит стал жертвой нападения коалиции северо-сирийских государств, восставших против Хеттского царства. После того, как Суппилулиума разгромил эту коалицию, Угарит признал хеттское господство и практически не изменял вассальным отношениям с Хеттским царством вплоть до его падения. Полученное благодаря вассальному договору хеттское покровительство, очевидно, способствовало процветанию города в последний период его истории.

Заключение. Северо-западная часть города перестраивалась трижды:

- около 1450 г. до н. э. – при постройке Большого Царского дворца;
- после 1364 г. – при восстановлении крепости;
- в начале XIII в. до н. э. – при окончательном оформлении дворцового квартала.

О.В.Томашевич

(МГУ им. М. В. Ломоносова)

Эволюция погребальных комплексов цариц Древнего Египта (III-II тыс. до н. э.)

Общеизвестно, что древнеегипетские гробницы и их содержимое – наш главный источник сведений о жизни в долине Нила.

Уровень научного изучения царских гробниц, начатого пионерами археологии еще в прошлом веке,

сейчас можно назвать удовлетворительным. В меньшей степени это относится к погребениям цариц, остающихся пока "в тени" исполинских сооружений их царственных супругов. Из раскопок первой половины XX в., давших интересующий нас материал, следует выделить археологические работы В.М.Фл.Питри, Ж. де Моргана, Дж.Гарстанга, Г.Жекье, Дж.Рейснера, С.Хасана, В.Эмери. Раскопки последних двух-трех десятилетий (чешская экспедиция М.Вернера в Абусире, французская - У.Лабруса в Саккаре, американская - Д.Арнольда в Лиште) во многом проясняют картину и позволяют проследить эволюцию гробниц царевых жен от эпохи Раннего царства до 19 династии, когда была выработана "типовая модель" погребения царицы. Специально этой проблемой занимались П.Яноши, посвятивший диссертацию архитектурным особенностям пирамид цариц эпохи Древнего и Среднего царств (1988 г.), и В.Калтендер, написавшая значительную работу о царицах I-XVII династий (1992 г.).

Во времена Раннего царства жены царей обретали вечный покой в мастабах подобно своим супругам. Две царицы I династии - Хетепуинейт и Меритнейт - были удостоены огромных и богатых сооружений. Мастаба первой в Негаде превосходит размерами саккарскую гробницу Хор-Аха, легендарного Менеса (1458 и 651 кв. м). Вторая, как и многие цари, обладала двумя гробницами, одна из которых, похоже, является кенотафом. К абидосской мастабе Меритнейт, идентифицируемой двумя стелами с ее именем, примыкают 41 сопутствующая гробница, а к саккарской - 20. Находки в мастабах также подтверждают предположения многих египтологов о самостоятельных правлениях этих цариц, или, по крайней мере, об их регентстве.

В начале Древнего царства положение заметно меняется: для царей теперь возводят пирамиды, еще раньше ставшие символом царственности. При IV династии рядом с великими пирамидами в Гизе появляются маленькие, приписываемые царевым женам с большей или меньшей степенью достоверности. Сложность заключается в следующем: некоторые из пирамид-спутниц не предназначались для захоронения (их называют "культовыми"). Точно можно сказать лишь то, что так

называемая "камера царицы" в гробнице Хуфу ни в коем случае не предназначалась ни ей, ни кому другому, кроме самого царя. Первые пирамида, похоже, была построена для "матери царя" (этот титул ценился выше, чем "жена царя"). Благодаря найденным надписям надежно отождествляется с погребением Хенткауа, матери Неферефра и супруги Нефериркара, пирамида в Абусире (V династия).

При Пепи I (VI династия) пирамиды строят уже и для цариц, не обладающих титулом "мать царя", а при Пепи II его жены разделяют его высокий посмертный жребий - стены их погребальных помещений покрывают "Тексты пирамид", прежде предназначенные исключительно для царей. К концу Древнего царства поминальные часовни цариц включают отдельные черты поминальных храмов их супругов, но никогда не копируют всех присущих им элементов полностью.

Гробницы Среднего царства - разные по форме. Иногда наблюдается возврат к мастабам. Примечательно, что погребения цариц могут быть связаны с царскими системой коридоров - прежде это не делалось. Возможно, парные захоронения совершались при XVII династии (во всяком случае, отдельных гробниц цариц не найдено).

В эпоху Нового царства жены царей помещаются в отдельные скальные гробницы и постепенно вырабатываются " типовые модели", соответствующие статусу погребенного лица, в Долинах царей и цариц.

Л.А.Чвырь

(Институт востоковедения РАН)

Древняя история и исследовательская позиция археолога

1. Общеизвестно, что специфика источника определяет характер сообщаемой им исторической информации (т. е., в известном смысле, искажает исходную картину прошлого). Возможно, та или иная разновидность специфики имеет следствием не менее определенные параметры искажения (меру, ракурс, сферу и пр.). Глубокие и тонкие наблюдения на этот счет отдельных авторов пока

не в состоянии восполнить отсутствие систематической работы в этом направлении. По-видимому, вследствие этого многим историкам все еще трудно освоиться с мыслью о естественности сосуществования альтернативных объяснительных позиций по одной проблеме (что давно допустимо в естественных науках).

2. Гораздо реже учитывают обратное влияние: исторического знания – на источник, точнее – на его восприятие историком. В этом процессе центральную роль играет конкретный исследователь, его авторское видение, обычно воплощающееся в выборе общего подхода, в формулировке проблемы в целом и частных вопросов, а также в интерпретации полученных от источника ответов. Само видение определяется прежде всего активно усвоенной ученым частью исторического знания, особенно господствующими в окружающей (археологической, этнографической) среде общеисторическими представлениями (как осознанными, так и полусознанными); на этом фоне индивидуальные ментальные особенности и склонности конкретного исследователя, скорее всего, менее значимы.

3. Историческое знание – комплексное, сложное понятие; это совокупный итог научной деятельности предшествующих поколений историков и ныне здравствующих коллег. В первую очередь оно выражается в реконструированной Картине прошлого исторического развития (страны, народа, идеологии и пр.). Но помимо этого неотъемлемой частью исторического знания является методика и методология, т. е. сложившаяся в научном сообществе и постоянно обновляемая традиция "добывания" исторических свидетельств.

4. Методический пласт исторического знания, как известно, неоднороден; обычно выделяют два уровня, связанные с основными этапами любого археологического исследования. Первый уровень методики – область специфически археологической деятельности, направленной на поиск, сохранение источника и его представление для окончательной интерпретации в максимально полном и систематизированном виде. Археологическую методику в процессе раскопок постоянно шлифуют и обновляют, в последние десятилетия особенно интенсивно и плодотворно. Второй уровень – "перевод" чисто археологической

информации в исторические свидетельства, которые, в конечном счете, должны непротиворечиво вливаться в общую реконструированную Картину прошлого. С увеличением ее полноты и детальности условия включения в нее вновь добытых данных становятся все жестче и определеннее: от новых памятников обычно хотят получить прежде всего ожидаемую информацию. Кроме того, представления и утверждения, лежащие в основании общеисторической интерпретации археологических памятников, как правило, довольно консервативны, почти неизменны и включают целые наборы клишированных умозаключений, гипотез, незаметно превратившихся в постулаты, и по инерции игнорируемых "белых пятен". Трудность преодоления этих обстоятельств заключается в их привычности, общепризнанности и "незаметности".

5. Конкретные примеры несоответствия нового археологического материала господствующей методике исторической интерпретации обильно представлены в археологической литературе по древней истории Средней Азии.

Так, в изучении древности ведущая роль, безусловно, принадлежит археологии, кардинальным направлением которой является разработка именно этнокультурной истории и даже этногенеза. Все прочие аспекты развития населения региона как бы оттеснены на второй план. Например, проблема оседло-кочевнического взаимодействия, не менее важная для Средней Азии, именно на уровне археологической методики разработана на удивление слабо. Все начинания подобного рода, как правило, сводились либо к выявлению ареалов хозяйственно-культурных типов (что само по себе важно, но все же не заменяет названного аспекта), либо благополучно сворачивали в то же русло этнической интерпретации истории. Приверженность к этническому взгляду на историю культуры Средней Азии стала доминирующей (в ущерб другим), хотя с теоретической точки зрения это положение вполне может быть оспорено.

Усиление внимания исследователей к своим исходным теоретическим тезисам и привычным способам построения исторических интерпретаций источников – актуальная задача изучения истории Средней Азии.

"Чтобы не быть перевернутым" (к толкованию глав 51 и 53 древнеегипетской Книги Мертвых)

Древнеегипетская заупокойная литература знает множество мест, до сих пор крайне трудных для интерпретации. Происходит это как из-за "внутриегиптологических" проблем (все еще остающиеся языковые трудности; фрагментарность дошедшего до нас мифологического и религиозного материала; особенности языка и терминологии мифологических и заупокойных текстов), так и из-за известной "герметичности" египтологии, крайне неохотно обращающейся к материалам и методам смежных научных дисциплин.

Между тем, очень многие подобные проблемы возникают из-за причины, о которой говорил В. Я. Пропп еще много лет назад: сложности в интерпретации того или иного явления в обряде, мифе и т.п. подчас не могут быть разрешены, пока исследователь пребывает исключительно "внутри" материала, и наоборот, вполне могут быть прояснены с привлечением материала инокультурного. В подтверждение этой позиции я хочу привести как пример Главу 51 древнеегипетской Книги Мертвых.

Этот очень небольшой по размеру текст вызывает недоумение разительным несоответствием заглавия содержанию:

"Изречение, чтобы не ходить перевернутым.

Говорит N:

– Мерзость моя, мерзость моя! Я не буду есть мою мерзость. Экскременты – это мерзость для меня. Я не буду есть их. Отбрось! Вред не придет от них. Я не дотронусь до них руками. Я не ступлю на них подошвами моих ног".

Обычно комментарий к этому изречению сводится к тому, что заглавие было дано Изречению по недоразумению. Тем более, что Глава 51 не "одинока". Параллелью к ней являются Главы 52; 53; 102; 124; 189, а восходят они к изречениям Текстов Саркофагов №№ 199; 202; 203; 771; 772; 1012-1014. Все они посвящены

пребыванию усопшего в загробном мире уже после посмертного суда и так или иначе затрагивают тему пропитания покойного в его вечном пристанище. С некоторыми нюансами в изложении покойный заявляет, что его пищей будет только сакрально чистая еда, в основном с алтаря Бога. При этом он произносит заклинание, призванное категорически не допустить копрофагию. Фактически в этом месте помещается текст нашей главы, а сами эти изречения озаглавлены именно как защита от такой возможности. Глава 53 ставит ее и переворачивание в один ряд: "Моя мерзость – это моя мерзость; я не буду есть экскременты, я не буду пить мочу, я не буду ходить перевернутым". Глава 189 включает переворачивание в свое заглавие: "Изречение чтобы не дать человеку ходить перевернутым (в Херет-Нечер) и не есть экскременты". Более об опасности переворачивания в Книге Мертвых ничего не говорится.

Однако мне кажется, что утверждение об ошибке в заглавии Изречения 51 поспешно, тем более, что речь идет не об одном тексте, а как минимум о двух. А то, что в 53 главе оба этих события перечисляются как явления одного порядка, вообще заставляет от этого предположения отказаться.

Опасность быть перевернутым и страх копрофагии оказались рядом совсем не случайно. Оба эти явления относятся к категории действий, ведущих к нарушению общепринятого порядка вещей, или являются проявлением этого нарушения. Что касается переворачивания, то "... корреляция прямой – перевернутой входит в одну цепь корреляций с такими парами, как живой – мертвый, правый – левый, мужской – женский, хороший – плохой и т.д."¹ Этнография знает множество примеров "переворачивания" в самых различных культурах. С ним связаны два пласта представлений, а именно: обряд, относящийся к категории *rites de passage*, и понимание перевернутости как проявления inferнальности, хаотичности, враждебности и как черты иного мира. Одним из проявлений перевернутости можно считать и многочисленные сказочные примеры поедания всевозможных отвратительных вещей. Сказка знает множество примеров "обращения" ритуальной пищи. Особо приготовленная, ритуально чистая еда подчас превращается в предельно опасную, принимая даже вид

похлебки из мухоморов и т. п. Герою сказки очень часто прямо запрещается есть что-либо в пограничьи из-за опасности никогда не вернуться, приобшившись едой мертвых. В Древнем Египте погребальная трапеза и заупокойное пропитание было делом величайшей важности. Без вкушения вполне конкретной пищи было невысказано само посмертное существование и последующее воскресение. Для египтян вероятность неполучения этой пищи была настоящей катастрофой. Но не меньшей катастрофой было для них получить вместо нее нечистоты. Нечистотами в загробном мире питались грешники, обреченные на вечные муки или на окончательное уничтожение.

Подводя итог, можно сделать вывод, что копрофагия для древних египтян была опаснейшим в ритуальном смысле действием и соотносилась с категориями перевернутости по принципу чистый – нечистый. Таким образом, можно предположить, что заглавие Изречения 51 собственно и обозначает перевернутость как таковую, включая поедание нечистот, и предваряет изречение о вреде копрофагии совершенно уместно.

¹ Толстой Н.И. Переворачивание предметов в славянском погребальном обряде. – Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990. С. 127.

К вопросу о центральноазиатской гипотезе происхождения скифов: дата оленных камней Монголии

Идея центральноазиатского (тувинско-монгольского) происхождения скифской культуры и самих скифов, которой придерживается ряд археологов, опирается в основном на дату кургана Аржан в Туве, постепенно удревнявшуюся автором раскопок М.П.Грязновым и его учениками с VII-VI до IX-VIII вв. до н.э. Проверка этой гипотезы показала, однако, что курган Аржан – памятник саяно-алтайского культурного региона VII-VI вв. до н.э., и инвентарь его весьма далек от инвентаря курганов скифов Причерноморья (Членова Н.А., 1996). Аржан – главная, но не единственная опора центральноазиатской гипотезы происхождения скифов. Другой опорой служат оленные камни Монголии, которых известно более 500. На некоторых из них изображены кинжалы и ножи карасукского типа. Это дало повод исследователям (Волков В.В., Новгородова Э.А., 1975, с. 84; Волков В.В. 1981, с. 111, 119, но в основном Новгородова Э.А.: 1973, 1975, 1981, 1986, 1989, 1989-а) датировать большинство оленных камней Монголии доскифской, карасукской эпохой ("первыми веками I тыс. до н.э.") и выводить скифский звериный стиль (и в частности изображения "скифских оленей") из Монголии.

После капитальной монографии В.В.Волкова (1981) об оленных камнях Монголии и монографии Д.Г.Савинова обо всех оленных камнях Евразии (1994) стало возможно детально изучить оленные камни Монголии с целью их датирования.

Методы датировки моих предшественников (Э.А.Новгородовой, В.В.Волкова, Д.Г.Савинова): подбирать отдельным изображенным на оленных камнях вещам (кинжалам, ножам и пр.) датированные реалии из курганов Минусинской котловины, в меньшей степени – других регионов. Мой метод: рассматривать каждый оленный камень как закрытый комплекс изображений (если

на жертвеннике врыто в ряд несколько камней, то все они – единый комплекс), и датировать этот комплекс по самым поздним изображениям, взяв для абсолютной даты реалии в первую очередь из самой Монголии (Могильник Улангом), во вторую – из окружающих Монголию регионов: Тувы (Аржан и памятники саглынского типа), Южного Алтая (Уландрык, Юстыд, Малгалу, Барбургазы), Забайкалья (Закамны, Усть-Тулутай), Ордоса, Северного Китая (Наньшаньгэнь) и лишь в последнюю очередь – Минусинской котловины и более западных районов.

Выводы: оленные камни так наз. саяно-алтайского и общесевразийского типов в Монголии датируются в основном VII-VI вв. до н.э. Оленные камни монгольско-забайкальского типа (те, где изображены кинжалы карасукского типа) надо датировать исходя из того, что такие кинжалы бытовали в Монголии вплоть до V-III вв. до н.э., а другие кинжалы, ножи и иные предметы, изображенные на этих камнях, находят параллели в перечисленных памятниках Тувы, Алтая, Забайкалья и Минусинской котловины. Наличие "переходных" саяно-алтайских/ монгольско-забайкальских типов камней позволяет думать, что время существования оленных камней монгольско-забайкальского типа, вероятнее всего, – в пределах VI-IV вв. до н.э., хотя не исключено, что некоторые из них относятся еще к VII-VI вв. до н.э. Уточнить эту дату будет возможно лишь после массовых раскопок памятников Монголии скифской эпохи.

Таким образом, все известные оленные камни Монголии датируются временем не ранее VII-VI вв. до н.э. (то есть скифской эпохой), и выводить скифский звериный стиль из Монголии нет оснований. Это подтверждают также искаженные по сравнению с каноническими изображения оленей и свернувшихся кошачьих хищников на оленных камнях Монголии.

Древнеегипетские подставы как предметы культово-ритуальной практики

1. При раскопках храма в Тель Ибрагим Аваде (Египет) в числе многочисленных подношений храму и храмовой утвари были обнаружены керамические катушковидные подставы. Одно из 16 скоплений находок целиком состояло из 14 высоких подстав. Аксиоматичность функционального назначения этих предметов – служить опорой для сосудов и жертвенных столов – не исключает изучения семантики подстав и их ритуального значения в контексте религиозно-мифологических представлений древнеегипетской культуры. В этом аспекте предлагается интерпретация скопления, сформированного только из подстав.

2. В Тель Ибрагим Аваде подставы, полые, с венчиками разного диаметра на обоих концах, с двумя или тремя треугольными отверстиями, прорезанными на одном уровне, представлены двумя типами: короткими, до 12-15 см высотой, и высокими, от 30 до 50 и более см. Аналогичные подставы существовали в Египте по крайней мере с протодинастического времени и на протяжении всей истории древнеегипетской культуры. Изделия, сочетающие подставу и увенчивающий ее сосуд открытой формы с мелким и широким резервуаром или круглую в плане плоскость, смоделированные как единое целое, без сомнения, могут быть названы жертвенными столами. Наличие надписей о жертвоприношениях, нанесенных вдоль края круглых столиков, начиная с Раннего Царства прямо указывают на причастность их к ритуальной практике, как правило, связанной с погребальным обрядом. Развитие идеи об отделенном от земли сосуде или плоскости, заполненных водой и пищей (разными способами, в том числе помещением на них реальных плодов и растений, их моделей, скульптурок животных и птиц) и опирающихся на подставки (высокую ножку сосуда, пару моделированных из глины или камня ног животных, птиц или человека), разрабатывались уже в

додинастическое время. С идеей жертвоприношений, безусловно, связаны и расписанные сосуды типов С и D.

3. Для выяснения семантики подстав существенную роль играет наличие отверстий, чаще всего треугольных, тяготеющих к одному из концов катушковидных высоких подстав, относящихся к различным хронологическим периодам. Сопоставление подстав из Тель Ибрагим Авада с многочисленными рельефами от Раннего до Нового Царства позволило определить, что они устанавливались таким образом, что треугольное отверстие, обращенное вершиной вверх, оказывалось ближе или совсем у подножия подстав, вне зависимости от того, оказывался ли венчик с максимальным диаметром сверху или внизу. Отсутствие следов копоти позволило отклонить предположение об использовании подстав в качестве очажков. Наличие отверстий должно объясняться ритуальным характером самих подстав.

4. При выяснении содержания ритуалов, связанных с жертвенными столами, существенную роль играют рельефы над ложной дверью в гробницах Древнего Царства и стелы Среднего и Нового Царства, на которых изображен двойник умершего, сидящий перед жертвенным столом *hiwt* на высокой подставе, очень часто имеющей треугольное отверстие у основания. Несмотря на вариативность изображений, все же вычлняется ядро, изобразительное и смысловое. На жертвенном столе *hiwt* представлены метелки цветущего тростника, символизирующие Страну тростника, в которую умерший приплывает на лодке, чтобы присоединиться к богам, или знак $\text{—} \overset{\circ}{\text{h}}\text{tp}$ (трехсложный фонетический), которым в языке обозначаются понятия: "отдыхать", "быть довольным" и т. д., но, кроме того, "алтарь" или "стол жертвоприношений". Он выписывается с помощью выпеченного хлеба *šns* в миске, установленной на циновке. Итак, на жертвенном столе – растения или продукт растительного мира. С другой стороны, изображения жертвенного стола и алтаря сопровождаются моментом возлияния водой, чаще всего из специального сосуда для воды – *hš*. Иногда эта функция связана с высокими подставами: на некоторых алтарях с горизонтальным изображением знака *htp* по сторонам от хлеба *šns* представлены две такие подставы, от которых

отходят желобки, по которым струилась вода, стекающая затем с алтаря.

5. В контексте уподобления жертвенного стола растению или продукту растительного мира подстава сближается с каналом, через который струится вода, водный поток, поступающий сверху. Этот образ, восходящий к мифологическому мировому дереву, отражает представления о картине мира, устройстве космоса, и каждая деталь жертвенного стола, стало быть, соотносима с частями космоса в вертикальной и горизонтальной его структурах. Плоскость стола или резервуар чаши, увенчивающие высокую подставу, символизируют небо. Они наполнены символическими изображениями мира богов и ритуальным объектом – жертвенным хлебом. Подстава, разделяющая/связывающая верх – небо и низ – землю, соотносится со средним миром. Это пространство связано с накоплением, сохранением и пролитием небесной влаги. В системе горизонтального членения космоса сам жертвенный стол помещен в центре мироздания. Вода, ритуально струящаяся из подставы через отверстия, расположенные по одной или нескольким осям, орошает (очищает) и возобновляет все сущее на земле и под ней. В ритуальной практике эти акты первотворения воспроизводились в моменты, приуроченные к разным важным событиям, в том числе связанным с погребальным обрядом и поминками, и сопровождалась жертвоприношениями. В числе основных жертв (при широте и разнообразии их списков) упоминаются и изображаются высокие подставы. Изображение подставы, являясь одним из вариантов написания слова *hiwt*, может восприниматься как редуцированная форма жертвенного стола в целом, так же, собственно, как подставы, обнаруженные в археологическом контексте, символизируют и сам акт жертвоприношения, актуализируя в ритуале представления о возобновлении космоса через жертвоприношения. В этом контексте можно рассматривать скопление жертвенных подстав в храме Тель Ибрагим Авада.

А.Т.Яблонский
(Институт археологии РАН)

Этногенез древнего населения приаралья в свете историко-лингвистических концепций

Э.А.Грантовского

1. Как известно, язык является важнейшей составной частью любого этногенетического процесса. С этой точки зрения труды Э.А.Грантовского, посвященные поискам прародины древнейших индоиранцев и иранцев, остаются весьма актуальными. Особенно ценными эти научные разработки являются для специалистов, изучающих историю и этногенез народов, обитавших в регионе, который Э.А.Грантовский выделял в качестве исходного для формирования восточноиранских языков.

2. В целом ряде своих работ Э.А.Грантовский обосновывал и доказывал гипотезу, согласно которой прародина носителей восточноиранских языков локализовалась в зоне активных контактов племен срубного и андроновского типов. Географически это район, охватывающий левобережье степного Поволжья на западе и приуральские степи на востоке, между лесной зоной Урала и Поволжья на севере и Каспием и Предкавказьем на юге. Напомню также, что в качестве одного из аргументов, поддерживающих эту концепцию, Э.А.Грантовский использовал историко-лингвистические данные о древних контактах иранских и финно-угорских языков.

3. В данном контексте Приаралье является неотъемлемой частью исходной территории восточноиранцев.

Еще для эпохи неолита, когда на территории Приаралья проживало население кельтеминарского типа, здесь четко прослеживаются элементы материальной культуры и погребального обряда, которые имеют прямые аналогии как в археологических комплексах южных неолитических цивилизаций, так и в синхронных культурах евразийских степей.

4. В эпоху развитой бронзы на территории Приаралья развивалась тазабагыябская археологическая культура, специфика которой во многом определялась

чертами, демонстрирующими смешение в материальной культуре срубных и андроновских традиций. Именно поэтому Э.А.Грантовский, в соответствии со своей концепцией, предполагал, что тазабагыябцы были носителями иранского языка. Примечательно, что на материалах тазабагыябской культуры также хорошо прослеживаются процессы взаимной культурной интеграции между населением северных и южных областей Средней Азии.

5. Дальнейшее свое отражение эти процессы нашли в эпоху поздней бронзы, о чем наглядно свидетельствуют монументальные сооружения могильника Северный Тагискен на Нижней Сырдарье и материалы амударьинской амирабадской культуры. Характерно, что северный, степной компонент Тагискена не был однороден в культурном плане и впитал традиции различных в культурногенетическом отношении степных объединений.

6. В период формирования культур сакского типа Приаралье вновь становится ареной сложных этногенетических процессов, в основе которых лежало культурное и генетическое взаимопроникновение выходцев из восточного степного региона, с одной стороны, и западного Волго-Уральского, с другой. Именно это явление обусловило определенную культурную специфику населения Южного Приаралья, даже по сравнению с сакскими популяциями Казахстана.

7. Эта специфика получила дальнейшее развитие в послесакское время, когда на территории собственно Хорезма получил развитие оссуарный погребальный обряд. Письменные свидетельства, полученные при раскопках древнехорезмийских памятников, не оставляют никаких сомнений в ираноязычности их обитателей. Напомню, что именно в Хорезме были исследованы древнейшие на территории Средней Азии оссуарные погребальные комплексы.

8. Таким образом, с древнейших времен и до времени распространения на территории Средней Азии и Казахстана тюркских языков Приаралье являлось зоной тесных культурных и, вероятно, языковых контактов между населением южных и северных областей Средней Азии, с одной стороны, и гетерогенными группами степного населения — с другой. Данные археологии и

палеоантропологии в отсутствии письменных источников не позволяют с полной уверенностью реконструировать языковую принадлежность. Однако, вся совокупность материалов с территории Южного Приаралья, в том числе ретроспективно, может быть использована в поддержку исторических концепций Э.А. Грантовского.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**ДРЕВНОСТЬ:
ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ И
СПЕЦИФИКА ИСТОЧНИКА**

*Тезисы докладов конференции, посвященной памяти
Эдвина Арвидовича ГРАНТОВСКОГО
(25-27 сентября 1996 г.)*

Москва, 1996